

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
ВЛАСТЕЛИН

Владимир Дмитриевич Михайлов

Властелин

Серия «Капитан Ульдемир», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135105
Властелин: Эксмо-Пресс; Москва; 1998
ISBN 5-04-001025-7

Аннотация

Попав на далекий Ассарт, неразлучный экипаж Ульдемира вынужден включиться в ход исторических процессов на этой планете. Поневоле звездоплаватели оказываются в центре дворцовых интриг и даже «звездных войн» местного значения. Только верность своим идеалам взаимовыручка помогают землянам уцелеть в самых крутых переделках.

Книга опубликована в авторской редакции.

Содержание

Книга первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	68
Глава третья	173
Конец ознакомительного фрагмента.	233

Владимир Михайлов

Властелин

Книга первая

И прочие услышат и убоятся

Глава первая

1

Никогда не знаешь, как быть с памятью. Мне она порой кажется похожей на старый наряд, последний раз надеванный тобой лет тридцать назад, а то и больше, и сейчас вдруг извлеченный из окутанных мраком глубин старого сундука, вскрытого в поисках чего-то совершенно другого. Держа этот наряд в вытянутой руке, с немалым удивлением его разглядывая, ты оторопело думаешь: что, я и в самом деле надевал такое – вызывающе-яркое, залихватски скроенное? Надевал, милый, надевал; только больше уже ты в него не влезешь, а если и подберешь живот до предела, то все равно не решишься показаться людям в таком виде. Так что

единственное, что тебе остается, — это запихнуть его в самый дальний угол и продолжить охоту за тем, что тебе действительно нужно.

Вот так и с воспоминаниями. Когда они вдруг возникают по какой-то мне совершенно не понятной закономерности, я уже больше просто не верю, что когда-то, утонув, воскрес (ладно уж, будем называть вещи своими именами) командиром звездного экипажа в неимоверно отдаленном будущем, совершил две не очень-то простые дальние экспедиции, в ходе которых однажды ухитрился распылиться на атомы, снова воскреснуть и испытать любовь поочередно к двум женщинам, оказавшимся в конце концов одною и той же. С любовью, правда, сложнее: она продолжилась и здесь, на Земле, и продолжается сейчас — только вот ее, той женщины, больше нет со мною. И это, может быть, и есть причина того, что воспоминания причиняют боль и стараешься держать их на расстоянии; когда тебе скверно, лучше не окунаться в те времена, когда был (как теперь понимаешь) счастлив, потому что тем болезненнее будет возвращение в нынешний день.

Особенно если день этот, все наши дни оказываются такими сумасшедшими. Когда меняется все: география, психология, система ценностей, сами представления о жизни — да все меняется до полного неприятия. Чтобы жить в настоящем времени, надо держать ухо востро и как можно меньше отвлекаться от действительности, потому что возвращаться в нее каждый раз становится все труднее и рискуешь в один

прекрасный миг вообще выпасть из современности – и тогда уже жить станет и вообще незачем.

Я старался держаться на плаву; в моем возрасте это куда труднее, чем в тридцати-или сорокалетнем. Надо было крутиться, и я крутился.

Это привело к тому, что в начале текущего года я почти случайно оказался в Мюнхене – по делам одного совместного предприятия, где я иногда подрабатываю; немецкая марка нынче стоит высоко. Прекрасный, богатый город, хотя жизнь в нем и дороговата, в особенности для нашего брата – всех тех, для кого марка не является родной и кто с детства привык разговаривать на невнятном языке рубля. Все свободное время – а его оставалось у меня немало – я проводил на улицах, а если быть совершенно откровенным, то в магазинах, которых на этих улицах полным-полно; не то, чтобы я сам много покупал, просто с удовольствием смотрел, как люди покупают всякие хорошие вещи, ухитряясь обходиться без таких фундаментальных понятий, как «дефицит» и «очередь». И вот однажды, ближе к вечеру, когда я выходил из филиала «Вулворта», что под землей, на станции метро «Карлстор», кто-то мягко взял меня за плечо. Я обернулся, движением бровей просигнализовав удивление. В ответ человек улыбнулся.

Я не сразу узнал его. В последний раз мы виделись давно, да и в совершенно других галактических широтах; минувшее время изменило нас, как преображает оно каждого – и,

как правило, не к лучшему. Так что память моя сработала не сразу, и я успел спросить – по-немецки, разумеется:

– Чем могу служить?

– Не думал, капитан, – проговорил он, продолжая улыбаться, – что встречу тебя именно здесь. Я очень рад.

Только сейчас я сообразил наконец, с кем разговариваю.

– Уве-Йорген! – Я почувствовал, как искренняя радость разливается и по моим сосудам. – Старый черт! Я и понятия не имел, что ты записался в баварцы.

– Нет, – сказал Уве-Йорген. – Я тут проездом.

– Откуда и куда? Как ты вообще живешь, чем занимаешься? – Мы уже поднялись на поверхность и теперь неторопливо шли по направлению к Мариенплац.

– Просто сделал небольшую остановку по пути в Россию – так теперь называется твоя страна? У меня здесь родня. Не близкая, но, когда другой нет, выбирать не приходится.

– Это чудесно, что именно в Россию. Я как раз собираюсь домой. Поедем вместе?

– Нет, – отказался Рыцарь, чем немало меня огорчил. – Теперь я уже не поеду.

– Планы переменялись? Или думаешь, что я тебе помешаю?

– Что ты, наоборот. Просто больше нет надобности ехать туда, раз уж я повстречал тебя здесь.

– Что за черт! Так значит, ты ко мне собирался?

– Ты соображаешь по-прежнему довольно быстро.

– Так... – произнес я медленно. – В таком случае я догадываюсь, откуда ты едешь.

– Мастер шлет тебе привет, – сказал он.

Может быть, он ожидал, что я обрадуюсь. Но у меня не получилось. На Мастера я был обижен – глубоко и всерьез. Пожалуй даже, обида – не то слово. Я посмотрел Уве-Йоргену в глаза – и встретил его грустный взгляд.

– Не надо, Ульдемир, – сказал он и даже поднял руку в предостерегающем жесте. – Не объясняй. Я знаю. И глубоко тебе сочувствую.

Но я уже не мог сдержаться.

– Когда он забрал ее, он отнял у меня все! Дьявол, он же понимал, что она для меня значит!

– Я знаю. И он знает. Но она была там очень нужна. И сейчас очень нужна. Весьма напряженные времена, Ульдемир. Кроме того, ты ведь не остался в полном одиночестве. Она родила тебе...

– Если бы не это, – буркнул я, – вряд ли ты застал бы меня в этом мире. Ладно, давай-ка самую малость помолчим.

Я остановился – как бы для того, чтобы полюбоваться выставленным в витрине набором кожаных чемоданов, объемом от атташе-кейса до сундука моей бабушки, но все – одного фасона. Этакая кожаная «матрешка», но отнюдь не бесполезная.

– Ты желаешь купить это? – спросил Рыцарь.

Мои желания тут роли не играли: комплект стоил не де-

шевле пристойного автомобиля. Однако я не успел объяснить это – да, пожалуй, все равно не стал бы. Не люблю выглядеть бедным родственником.

– Не покупай, – сказал Уве-Йорген. – Сделаешь это в другой раз. (Немцы все-таки страшно наивный народ и не понимают, что у нас, россиян, этого другого раза может и не быть: «Аэрофлот» опять задерет цену – и прощай, Макар, ноги озябли.) На этот случай чемоданы тебе не понадобятся, ибо ехать придется налегке.

– Налегке не получится, – сказал я. – Жаль, что ты раздумал съездить к нам: тогда понял бы, что наши не возвращаются из-за границы налегке. Мы очень заботимся о процветании вашей торговли. Иначе где вы возьмете деньги, чтобы помогать нам?

Кажется, Рыцарь не оценил моей иронии...

– О да, – сказал он, – я представляю себе. Однако ты поедешь не в Россию. Отнюдь.

Мы миновали еще с полдюжины витрин, прежде чем я ответил, собрав в кулак всю свою решимость:

– Никуда я не поеду. Я достаточно стар, чтобы оставаться самим собой вместо того, чтобы переселяться в черт знает чье тело и пускаться в разные авантюры.

– Нет, – возразил он, кажется, не очень удивившись моему отказу. – Перевоплощаться не понадобится. На этот раз ты сможешь остаться самим собой.

– На этот раз я останусь самим собой во всем, включая

место пребывания. Что мне до неурядиц Вселенной, если у меня забрали... Но что толку повторять, если ты не желаешь понять.

– Я понимаю. – Он произнес это слово протяжно, чуть ли не нараспев. – И Мастер понимает, и Фермер, и весь экипаж. Но здесь играют роль два обстоятельства. Первое: в свое время ты дал слово эмиссара. Это, Ульдемир, то же самое, что воинская присяга. Освободить тебя от данного слова мог бы только Мастер. Но он не освобождает.

– Ах, милый Мастер! – сказал я. – Старый человеколюбец! Как он обо мне заботится! Ну, а каково же второе обстоятельство?

– Она тоже просит тебя об этом.

Я невольно согнул руку, чтобы убедиться, что сердце все так же тарахтит на своем месте: на миг мне почудилось, что оно куда-то провалилось.

– Ты видел ее? Говорил с ней?

– Ну, разумеется! Кем бы я был, если бы не повидался, не поговорил с нею, зная, что меня посылают, чтобы пригласить тебя.

– Ну рассказывай же! Как она там? Или ее уже послали куда-нибудь в очередное чертово пекло?

– Она была еще там. Ты ведь знаешь: после окончательного перехода дается какое-то время, чтобы человек мог привыкнуть к своему новому положению. Как она? Ну, ей, кажется, тоже не хватает тебя – и дочери, конечно же. Но изви-

ни, подробнее я расскажу как-нибудь в другой раз. Она просит – вот то, что тебе нужно знать сейчас.

– А ты не врешь, Рыцарь? – спросил я с подозрением. – Может быть, решил применить солдатскую хитрость?

Он, по-моему, обиделся всерьез.

– Одно из двух, Ульдемир: или «врешь», или «Рыцарь». Рыцари, как ты должен бы знать, не лгут. Если они рыцари. Не оскорбляй меня, будь добр.

– Извини, – проворчал я. – И все равно. Не хочу его видеть.

– Он понимает это. Почему бы иначе он послал меня? Приглашение можно было бы передать тебе и более простым способом. Но подумай хорошенько: если ты сейчас откажешься, что же ты скажешь ему – и ей – когда встретишься с ними?

– Если встречусь...

– А ты что – рассчитываешь на бессмертие в этом мире? Этого, как мне кажется, никто тебе не обещал... Ты ведь захочешь снова быть с нею – потом, когда здесь тебя уже не останется?

– Господи, что за идиотский вопрос!

– Так вот: она ждет тебя, и будет ждать столько, сколько потребуется. Но, по-моему, сейчас тебе еще рано уходить отсюда насовсем. Ты, собственно, и сам это сказал. Не так ли?

– Так, – признал я. – Хочется, чтобы дочка выросла при мне.

– Ну вот. А сейчас – только непродолжительная командировка. И надо, чтобы отправился именно ты. Я был готов взять все на себя. Но мне это не по силам.

– Почему?

– Потому, что условия, в которых придется работать, хотя и не копируют, но все же в определенном смысле походят на те, какие сейчас существуют в твоей стране. Так что твой опыт очень важен.

– О, конечно, – сказал я, пожав плечами. – Наша отработанная технология развала общества и государства...

– Ты смеешься совершенно напрасно.

– Что, еще где-нибудь социалистическая революция? Или перестройка? Или просто голод?

– Ты узнаешь все подробно, без этого тебя не выпустят.

– Послушай... – сказал я. – А может быть, Мастер позволит мне увидеться с нею – прямо сейчас?..

– Ну, я рад, что ты так быстро согласился, – сказал он.

– Ах, так? В таком случае, я еще поупрямлюсь.

– Уже некогда, – сказал Рыцарь. – Транспорт ждет.

– Что – прямо сейчас?

– Нет – после дождичка в четверг! (Я почувствовал, как Уве-Йорген надулся от гордости, уместно ввернув именно русскую поговорку.) Конечно же, сейчас.

– Нет, ну я не могу – прямо так, с места в карьер...

– Мой Бог, не надо простые вещи представлять сложными. Ну хорошо, чтобы ты пришел в себя – зайдем, посидим

за кружкой-другой пива...

– Где?

– Да вот хотя бы здесь, – и он указал на дверь.

Кружка пива была бы кстати. Я кивнул. И мы вошли.

Но там была не пивная.

2

А в то же самое время...

Нет, не надо придавать слишком большого значения тому, что «в то же самое время». Великое множество событий происходит в любое то же самое время; время – как коммунальная квартира, где мы вынуждены сосуществовать с другими, потому что отдельных слишком мало. Так и со временем: оно одно, и его слишком мало на всех; и тем не менее все мы как-то в нем умещаемся. Кстати сказать, мы и не слишком уверены в том, что события, о которых сейчас пойдет речь, происходили именно в то самое время, что и описанные выше. С таким же успехом они могли произойти немного раньше или несколько позже. Важно то, что они произошли.

То для нас важно, что человек, сидевший в глубоком кресле подле низкого стола...

Тут опять приходится задержаться. Говоря «человек», мы имеем в виду существо, на первый взгляд похожее на вас или на меня. Детали могут и не совпадать. У себя на Земле мы точно так же подходим к определению встречающихся

нам в изобилии, в общем похожих на нас созданий — хотя сколько среди них действительно людей, нам неизвестно; может быть, не так уж и много («может быть» мы вставили из деликатности). Так что здесь и ниже термин «человек» мы просим понимать расширительно, как и многие другие часто употребляемые названия. Конечно, с научной точки зрения было бы предпочтительнее воспользоваться точным термином; однако приводить его без перевода, транскрибируя ассартское звучание этого слова, означало бы привнести в наш язык еще толику чужих корней, а нам очень хочется избежать этого, поскольку наш язык и так уже напоминает тот «пиджин-инглиш», на котором объясняются где-то в Океании (правда, там — лишь с приезжими, мы же — и между собой уже). Так что хотя «зарт» звучит совсем неплохо, мы все же воспользуемся словом «человек», ручаясь за совершенную точность перевода.

Итак — человек, сидевший в полной неподвижности, пожалуй, не менее часа, наконец проявил признаки жизни. Он опустил ладони, которыми, точно маской, закрывал нижнюю часть лица, нос и рот, поднял голову и открыл глаза.

За окнами смеркалось. В углах обширного покоя, в котором человек находился, сгущалась темнота, и в ней растворялись только что еще различимые предметы обстановки и убранства: невысокие и плоские оружейные шкафы, застекленные витрины с коллекциями редких раковин, минералов, бабочек; боевые топоры, мечи, сабли, кинжалы, ви-

севшие поверх ковров на одной из стен; висевшие на другой длинноствольные винтовки, карабины, автоматы, лазерные фламмеры. Темнота клубилась уже и на полу, поднимаясь все выше – то был час прилива темноты – и поглощая низкие столы с устройствами и аппаратами связи, компьютерами, звучащей и показывающей техникой. Но оставался ясно видимым как бы повисший в пространстве портрет, на котором был изображен мужчина в расцвете лет, одетый в золотистую мантию, с зубчатой – в восемь зубцов – короной на черных густых волосах. Портрет был исполнен светящимися красками, и улыбка человека, очень доброжелательная, в вечерней мгле едва ли не ослепляла; однако глаза его с красноватыми радужками не выражали доброты, но заставляли насторожиться. На этот портрет и смотрел сейчас человек, сидевший в кресле.

Спустя еще минуту или две он встал. Повинуясь негромко сказанному слову, вспыхнул свет. Комната снова заполнилась предметами. Медленно ступая по мохнатому, искусно сшитому ковру из шкур гру, обитателя холодных степей донкалата Мероз, он подошел к стоявшему особняком невысокому – чуть выше человеческого роста – двухстворчатому шкафу. Помедлив, распахнул дверцы.

В шкафу стояла человеческая фигура, с высокой степенью правдоподобия изготовленный муляж в натуральную величину. Фигура была одета в такую же мантию, что и человек на портрете; мало того – черты лица обладали несомненным

сходством с портретом. Скорее всего, это был один и тот же человек, но если на полотне он был запечатлен в лучшую пору своей жизни, то муляж изображал его уже вплотную подступившим к пределу этой жизни.

Открывший шкаф человек помешкал еще с минуту. Потом осторожно вынул муляж из вместилища и, сделав несколько шагов, положил фигуру на широкий, низкий диван. Отодвинул подальше от края и сел рядом. Вытянул перед собой, ладонями вверх, руки с длинными, сильными пальцами. Несколько секунд смотрел на них. Усмехнулся одной половиной рта. Медленно поднес руки к открытому горлу фигуры. Лицо муляжа засветилось молочно-белым светом. Человек положил ладони на подставленное горло. Медленно стал сжимать пальцы. На молочном фоне возникла и запульсировала зеленая точка. Пальцы сжимались. Рядом с зеленой вспыхнула синяя. Человек продолжал. Белый цвет лица стал темнеть, проступили фиолетовые пятна, затем лиловым стало и все оно. Точки погасли. Раздался слабый звук – словно кто-то случайно задел струну.

– Вот и все, – проговорил человек негромко. Отняв руки, опять посмотрел на пальцы; повернул ладони вниз и посмотрел еще. Пальцы не дрожали. Он потер ладони одну о другую. Упругим движением встал. Громко позвал:

– Эфат!

Тотчас же распахнулась одна из трех имевшихся в комнате – в зале, вернее сказать, – дверей, и в проеме остановился

пожилой человек в красной отблескивавшей ливрее. На лице его не было выражения, как не бывает его на плитке кафеля.

– Можно убрать, – сказал человек, движением головы указав на диван.

– Да, Рубин Власти.

Подняв легкий муляж на руки, он направился к шкафу.

– Нет, Эфат, не туда. Унеси совсем. Пусть побудет где-нибудь. До завтра.

– Разумеется, Рубин Власти. До завтра.

– И возвращайся. Мне пора одеваться.

Оставшись в одиночестве, человек, названный Рубином Власти, медленно прошелся вдоль стены с холодным оружием. Не доходя до середины, остановился, снова обретя неподвижность. В дальнем углу низко загудели, потом гулко, колокольно ударили стоявшие там часы, созданные в виде крепостной башни. Десять ударов. При каждом из них уголок рта Рубина Власти чуть заметно дергался. С последним ударом возвратился Эфат.

– Рубин Власти прикажет подать ритуальное?

– Все, что полагается для малого преклонения перед Бриллиантом Власти.

(Оба они отлично знали, что сейчас следует надеть; но и вопрос и ответ тоже давно уже стали частью ритуала, и вопрос должен был быть задан, и ответ должен был быть дан.)

– Прошу Рубина Власти проследовать в гардеробную...

Прошло около получаса, прежде чем Рубин Власти вновь

появился в зале. Вместо легкого летнего костюма, в котором он был раньше, он надел узкий, на шнурках, камзол рубинового цвета, такие же по цвету штаны с манжетами под коленом, высокие красные сапоги для верховой езды. Красные перчатки грубой кожи он держал в руках. Эфат следовал за ним.

– Шпагу, Рубин Власти?

Он отрицательно качнул головой:

– Дай два тарменарских кинжала. Те, что под круглым щитом.

Он пристегнул кинжалы к поясу.

– Эфат, машину пусть поставят на улице Мостовщиков, напротив калитки для угольщиков и трубочистов.

– Да, Рубин Власти. Троггер?

– Турбер. И пусть там будет все, что может понадобиться даме в... в предстоящей ситуации.

– Рубин Власти поведет сам?

– На всякий случай шофер пусть ждет. Не знаю. – Он едва уловимо вздохнул и повторил уже как бы самому себе, чуть слышно: – Не знаю...

Эфат кашлянул.

– Рубин Власти не возьмет больше ничего?

– А что... А, да. Возьми там, в левом ящике. «Диктат-девятку». И запасную обойму. – Не без труда задрал полу камзола, он засунул пистолет за пояс. – Великая Рыба, до чего неудобно. И выпирает... Да, тогдашние моды не были рас-

считаны на современное оружие. Пожалуй, я его оставлю все-таки. А?

– Изар... – тихо проговорил слуга совсем не по ритуалу. – Не оставляй, возьми. Непокойно, Изар.

– Отец говорил мне. – Похоже, Рубин Власти не обиделся на фамильярное к нему обращение. – И Советник тоже. Но мне кажется, это у них уже от бремени лет.

– Я тоже не молод, Изар. И также прошу: возьми.

– Ну хорошо. Теперь, кажется, все? Эфат, плащ!

– Не все, Рубин Власти.

– Да, ты прав. Перчатки... Те. – Он запнулся.

– Да, Рубин Власти, – сказал Эфат. Вынул из особого ящичка тончайшие, из синтетика. С поклоном подал. Затем по его губам прошла тень улыбки.

– Звонили с телевидения, Изар. Интересовались, как вы будете одеты.

– Невежды, – сказал Изар. – Это им давно следовало знать из истории. Чему их учили?

– Телевидение, Рубин Власти, – Эфат пожал плечами.

– Да, ты прав. Ну, что же – мне пора. Не волнуйся. Отдыхай. Смотри телевизор.

– Я буду смотреть телевизор, Изар. Весь мир будет.

– Конечно, – согласился Изар. – Сегодня весь мир без исключения будет смотреть телевизор.

Он кивнул камердинеру и вышел. Спустился по лестнице, пересек пустой вестибюль. Швейцар поклонился, нажал

кнопку – тяжелая дверь отъехала.

– Удачи, Рубин Власти, – проговорил он вдогонку.

Изар, не оборачиваясь, кивнул. Дверь за его спиной затворилась, басовито рокоча. Четверо стражей – сегодня то были Уидонские гвардейцы – отсалиutowали и вновь окаменели. Конюший и два прислужника внизу, у крыльца, склонились, лошадь, которую конюший держал под уздцы, тоже опустила длинную, породистую голову.

– Я приказал оседлать «Огонь милосердия», Рубин Власти.

– Да, – сказал Изар. – Прекрасная лошадь, благодарю вас, Топаз. Но велите расседлать. Я пойду пешком. Прекрасный вечер.

Он повернулся и пошел. Не так уж далеко было до Жилища Власти, и лучше было пройти это расстояние пешком, глубоко и спокойно дыша, ни на что не обращая внимания и ни о чем не думая; ни о незримой охране, ни о столь же незаметном телевидении, и меньше всего – о том, что предстояло. Все было продумано заранее. Задолго до его рождения. И не раз испытано на практике. Не раз, подумал Изар. А сколько же? Он принялся считать. Арифметика помогала идти, ни о чем другом не думая.

3

Странно: здесь ничего не изменилось за столько лет. Хо-

тя – тут годы как раз не проходят. Да и чему меняться? Все тот же дом, и та же веранда, залитая исходящим отовсюду золотистым светом; и поросший яркой муравой луг, пересеченный медленно струящейся речкой, окаймленной невысокими кустами; и кромка леса вдали – у высокого горизонта. Я стоял и смотрел; но если много лет назад, глядя на все это впервые и еще совершенно не понимая, где я оказался и что это такое, – если тогда я старался как бы вобрать все, доступное взгляду, в себя, то сейчас мне не на шутку захотелось вдруг самому раствориться во всем окружающем и уже никогда, никогда больше не уходить отсюда; потому, быть может, что мне было известно: только здесь – и нигде больше я смогу в будущем находиться с нею. Только здесь – когда там, дома, мои дни истекут, и останется один только вечный, непреходящий день здесь... Впрочем, тут же подумал я, Мастер и тогда не даст подолгу засиживаться без работы. Не тот у него характер. А, да пускай гоняет – все равно, каждый раз мы – и она, и я – будем возвращаться сюда, если не в этот двухэтажный дом с высокой крышей, то во всяком случае в его окрестности – и пребудем, пока существуют миры, а также те, кто следит, чтобы эти миры продолжали существовать. Станем постоянными жителями Фермы – как иеромонах Никодим, например...

Мысли мои прервались от звука шагов. Занятно: я не научился узнавать шаги, и сейчас, едва услышав, уже знал, кто приближается: высокий, сильный, чуть насмешливый чело-

век вечно среднего возраста.

Мастер подошел и, как встарь, положил мне руку на плечо, как бы обнимая.

– С приездом, Ульдемир, – сказал он таким голосом, будто мы не виделись – ну, от силы каких-нибудь три дня. Словно мы вернулись в те времена, когда все были молоды и – ну да, наверное же мы были тогда счастливы, хотя и не понимали этого; подлинное счастье всегда остается в прошлом, оно всегда уже ушло, и его видишь только со спины, потому что никак нельзя обогнать его, чтобы снова встретиться лицом к лицу, чтобы воскликнуть: «Я знаю тебя! Твое имя – Счастье!» – и в ответ увидеть ту улыбку, которой улыбается только Счастье, – но тогда тебе казалось, что всего лишь улыбнулась женщина...

– Здравствуй, Мастер, – сказал я и вздохнул невольно. – Тепла тебе.

– Ты рад снова оказаться здесь, капитан?

Серьезный ответ занял бы слишком много времени. И я предпочел увести разговор в сторону:

– Я давно уже перестал быть капитаном, Мастер.

– Нет, – откликнулся он серьезно. – Однажды возникнув, это не проходит. Дремлет, может быть. И когда нужно – просыпается.

– Если экипаж отлично обходится без того, кто возглавлял его, значит... – И я развел руками.

– Ну, не вижу в этом ничего плохого: и капитану нужен

отдых, когда все благополучно и корабль идет в фордевинд.

Что-то в его голосе заставило меня насторожиться: кажется, то была не свойственная Мастеру тревога.

– Что-то случилось, Мастер? Ветер зашел, и приходится идти острым курсом?

– Похоже, что твой экипаж в беде, – сказал он невесело. – Вот почему пришлось нарушить твои планы.

Я мотнул головой.

– Нельзя нарушить то, чего нет. Говори, Мастер. Что случилось?

– Может быть, и ничего страшного, – проговорил он как бы с сомнением. – И все же я обеспокоен. Пойдем, прогуляемся по травке. Движение задает разговору свой ритм...

Мастер снова заговорил, когда мы прошли уже чуть не полдороги к ручью.

– Собственно, все начиналось весьма заурядно. В нашей повседневной работе мне понадобилось ознакомиться с обстановкой в одном из шаровых звездных скоплений. Я покажу его тебе, когда вернемся в дом. Семнадцать звезд этого скопления обладают планетами, населенными людьми. Уровень цивилизации – в чем-то, может быть, выше твоей, а в чем-то и нет.

– Уровень везде один и тот же?

– Есть, видимо, определенный разброс – было бы странно, если бы его не оказалось, но в целом, насколько нам известно, они развиваются параллельно. Как ты знаешь, расстоя-

ния между звездами в шаровых скоплениях, – а следовательно, и между планетами – намного меньше, чем, например, в твоих краях. Поэтому населенные планеты издавна находились в более тесной связи, чем будут находиться у вас, когда вы обнаружите своих ближайших соседей или они обнаружат вас.

– Ну да, – сказал я. – С планеты на планету там добирались в долбленых челноках...

– Во всяком случае, между ними установилось достаточно регулярное сообщение еще до перехода к сопространственным полетам; а что касается резонансного переноса, которым пользуемся в частности мы, то до него им еще далеко. Сколько, я сказал, там обитаемых планет?

– Семнадцать.

– Ну вот, – усмехнулся он, – я невольно оговорился. На самом деле их восемнадцать. Или, еще точнее, – семнадцать и еще одна. Восемнадцатая планета – или первая, возможен и такой отсчет. Ее имя – Ассарт.

– Чем же она так отличается от других?

– Посидим тут, на берегу, – предложил Мастер. – Может быть, смешно, но мне редко удастся посидеть вот так близ журчащей воды, посидеть и поразмыслить спокойно. Нас ведь мало, а мир велик...

– Вас – таких, как ты и Фермер?

– Даже если считать со всеми нашими эмиссарами, все равно нас – горстка. А на уровне сил моих и Фермера – во-

обще единицы. Когда-то нас было несколько больше. Но, как и везде, где существует жизнь, разум, – расходятся мысли, мнения, оценки, желания. И люди расходятся. В таких случаях испытываешь облегчение от того, что мир велик и пути в нем могут не пересекаться.

– А если бы пересеклись?

– Н-ну... Мир велик, да; но он не слишком устойчив. Ваш уровень знания позволяет догадываться об этом, мы же знаем наверняка.

– Объясни, если это нетрудно.

– Объясню с удовольствием – но не сейчас. Это разговор для спокойного, свободного времяпрепровождения, разговор, доставляющий радость, – но для радости всегда не хватает минут. Поэтому вернемся к нашей теме.

– Я внимательно слушаю, Мастер.

– Ты спросил, чем отличается Ассарт.

– Да, – сказал я. – Может быть, интуиция подводит меня, но мне кажется, что для меня это будет не просто названием. Я прав?

– Да. Поэтому я и делюсь с тобой тем немногим, что мне ведомо. Видишь ли, поскольку эти планеты развивались параллельно, должен был неизбежно наступить миг, когда параллельные эти пересекутся. Это произошло достаточно давно. Возникла империя с центром именно в Ассарте. Почему? Планета большая, достаточно густо населенная; объединение населявших ее племен закончилось раньше, чем на дру-

гих планетах, – объединение, разумеется, не всегда мирное и бескровное, скорее, наоборот; и когда оно завершилось, инерция экспансии сохранилась. И когда технический уровень позволил – она устремилась вовне... Во всяком случае, так мы представляем.

– Понятно.

– Но, поскольку все проходит, миновал и отведенный империи срок, и семнадцать планет – одни раньше, другие позже – начали уходить из-под единой власти. Эти семнадцать уходов, или освобождений, означали для Ассарта семнадцать тяжелых поражений. И в этом человечестве что-то сломалось, видимо. Развитие замедлилось, кое в чем пошло даже вспять. Но похоже, что эти сведения... – Он умолк.

– Что же, – сказал я, – картина знакомая.

– Да, это не редкость в населенных мирах, и именно поэтому мы не стали обращать на тамошние процессы особого внимания: Мирозданию они ничем не грозили. – Он хотел сказать еще что-то, но смолчал.

– Что же изменилось? Вы решили вмешаться в планетарные процессы? Мне кажется, вы этого избегаете. Во всяком случае, на то, что происходит на моей планете, вы, похоже, не обращаете особого внимания.

– Обращаем ровно столько, сколько вы заслуживаете. Ваша планета, да и весь ваш регион Галактики еще не так скоро начнут играть сколько-нибудь заметную роль в развитии Мироздания...

Ему была свойственна этакая округлая, академическая манера выражаться, если даже речь шла о вещах, требовавших вроде бы более приземленного, что ли, отношения. Я подозреваю, что ему нравилось слышать самого себя, – черта, свойственная многим. Так я подумал, но вслух сказал другое:

– Ладно, значит, развитие планеты замедлилось. Что же она – так важна для бытия миров?

(Это было в пик ему: не один он умеет выражаться округло!)

– Я сказал уже: повседневные дела, не более.

– Хотелось бы услышать подробнее.

Хотя я и перебил его, он не обиделся: знал, что сейчас у меня есть такое право.

– Разумеется. Вернемся в дом – воспринимать объяснения легче, когда видишь все своими глазами.

Пока мы возвращались, неторопливо ступая по легко пружинившей траве, я попробовал заговорить о том, что, если быть откровенным, сейчас волновало меня куда больше, чем все шаровые звездные скопления Галактики, оптом и в розницу.

– Мастер! – сказал я. – Где она?

Сперва он лишь покосился на меня и нахмурился; возможно, мой вопрос показался ему неуместным или бестактным. Но коли уж я заговорил об этом, отступить было нельзя. Он же, со своей стороны, прекрасно понимал, что если

он хочет отправить меня с каким-то заданием, связанным с риском, то нельзя оставлять между нами каких-либо недосказанностей.

– Мне нетрудно понять, что у тебя сейчас на душе, – сказал Мастер, и я поверил ему. – И хотя так делать не полагается, я мог бы – ну, хотя бы позволить тебе увидеться с нею, пусть и ненадолго. Но я этого не сделаю.

Кивком головы он как бы поставил печать под сказанным.

– Прежде всего я хочу знать: нужно ли было так поступать с нею? Она ведь могла жить еще долго-долго...

Кажется, у меня перехватило горло; пришлось сделать паузу.

– Ты обратился не по адресу, – сказал Мастер. – Мы не распоряжаемся судьбами людей, ни Фермер, ни я. Это – право Высшей Силы. Да, мы иногда спасаем людей, когда им грозит что-то, помогаем им задержаться в Планетарной стадии, как это было с тобой и всем твоим экипажем. Но, если помнишь, я еще в прошлый раз предупреждал тебя: если там тебя постигнет гибель, то это будет настоящая гибель – хотя ты выступал и не в своем теле. Нет, капитан, мы – не судьба. Но ты неправ и в другом: когда говоришь, что она могла бы еще жить. Она и сейчас жива – просто ее Планетарная стадия завершена, началась новая, Космическая. И совершенно естественно, что после этого я забрал ее, моего давнего эмиссара, сюда, на Ферму.

– Значит, она здесь, – сказал я, подтверждая то, что и без

того знал. – Почему же мне нельзя увидеться с нею – пусть и ненадолго, как ты сказал?

– Твоя любовь к ней не прошла? Или я ошибаюсь?

Я чуть было не сказал, что для того, чтобы понять это, не надо быть большого ума. Но вовремя спохватился: все-таки не с Уве-Йоргеном разговаривал я, а с Мастером.

– Ты не ошибся.

– Вот поэтому.

Мне оставалось только пожать плечами:

– Не улавливаю логики.

– Если ты увидишь ее сейчас, тебе вряд ли захочется расстаться с нею надолго. Да, я знаю, что у тебя дома осталась дочь, но из двух женщин чаще побеждает та, что ближе... И ты, я боюсь, захочешь прибегнуть к простейшему способу вновь соединиться с ней, и на этот раз очень надолго. Ты ведь уже понял, о чем я говорю?

– Понял, – признал я без особой охоты.

– Конечно. Потому что ты знаешь: если прервется и твоя Планетарная стадия, вы снова окажетесь доступны друг для друга.

– Разве это не так? – спросил я довольно сухо.

– Не совсем. Подумай: если бы всякий, в великом множестве обитаемых времен, пройдя Планетарную пору своего бытия, оказывался здесь, у нас, – какая толчея тут царила бы. А раз ее нет, то вывод можешь сделать один: на Ферме оказывается в конце концов лишь тот, на кого мы – Фер-

мер и я – сможем положиться всегда и во всем. И не только тогда, после окончательного прихода к нам, когда ни у кого не остается выбора, – но и в пору, когда выбор есть, как он есть сейчас у тебя: ты можешь принять мое поручение, но можешь и отказаться, твоя воля свободна. Решаешь ты сам.

– А уж потом решать будете вы – так следует понимать?

– Совершенно правильно. Так вот, капитан, я не хочу, чтобы ты, ради скорой встречи с нею, стал рисковать там, где не нужно. Я желаю, чтобы ты выжил.

– Не знал, что ты меня так любишь.

– Ты вообще многого еще не знаешь... Но вот мы и пришли. Поднимемся.

Мы поднялись по крутой лестнице наверх – в Место, откуда видно все.

– Теперь смотри, – сказал Мастер, когда необъятное пространство распахнулось перед нами, как витрина ювелирного магазина, где бриллианты, и рубины, и изумруды, и сапфиры лучатся на черном бархате, и ранняя седина туманностей, видимых так, словно ты уже приблизился к ним на последнее допустимое расстояние, лишь оттеняет молодую черноту Мироздания. – Смотри внимательно. Приближаю...

Затаив дыхание, я смотрел, как неисчислимые небесные тела пришли в движение. Я понимал, конечно, что это всего лишь оптический эффект, а точнее – наши взгляды проходили сейчас через какое-то иное пространство; но впечатление было таким, как будто Мастер и на самом деле повелевал

движением миров.

– Видишь? Это Нагор.

– Что значит Нагор?

– Так называется то шаровое скопление, о котором я говорил. Теперь обрати внимание на соседние шаровые скопления, подобные Нагору. Видишь? Ну вот – одно, два, три... всего их шесть.

– Очень похожи.

– За одним исключением: там нет обитаемых планет.

– Почему нет?

– Этого мы так и не поняли. Видимо, была какая-то неточность при Большом Засеве. Может быть, повлияли какие-нибудь гравитационные или магнитные эффекты... Одним словом, все досталось Нагору, и ничего – остальным. Предположений у нас немало, но ни одного, в котором не было бы противоречий.

– По-моему, тоже. Повторите засев – и дело с концом.

– Разве ты забыл правило: если в нужном направлении есть хоть одна живая планета, то засевать извне ни в коем случае нельзя: чтобы не возникла форма жизни, противоречащая уже имеющейся по соседству, – иначе возникнет опасность столкновения прежней и новой жизни, пусть и в далеком будущем. Забыл?

– Проще, Мастер: никогда не знал.

– Да, прости: вечно забываю, что ты у нас практик.

(Ничего он не забывал, конечно; наверное, просто не хо-

тел, чтобы я чувствовал свою ущербность по сравнению с постоянными обитателями Фермы. Я был ему благодарен за это.)

– Ничего, главное я понял, что засеять нельзя. Но так ли уж необходимо, чтобы эти шесть скоплений оказались заселенными?

– Мы ведь исходим из того, Ульдемир, что Мироздание, начиная с определенного этапа, не может развиваться должным образом без контроля и участия Разума.

– Это я помню: именно Разум порождает большую часть Тепла. Настолько вы все-таки успели меня просветить.

– Есть вещи куда важнее. Лишь Разумом создается устойчивость; ведь Мироздание время от времени проходит через критические периоды, буквально балансирует на грани. И не будь в нем Разума...

– Снимаю свое возражение. Итак, в тех шести скоплениях тоже должна возникнуть жизнь.

– Верно. И в этих условиях она может попасть туда лишь одним естественным способом: путем заселения пригодных планет колонистами из Нагора. С любой из восемнадцати планет или со всех, вместе взятых.

– То есть Нагор понадобился вам как стартовая площадка.

– Уместное сравнение. Однако, как ты сам видишь, задача не весьма сложная – часть нашей повседневной работы, как я уже сказал.

– Я чувствую, мы подходим собственно к делу.

– Меня радует, что твоя интуиция не притупилась. Итак, чтобы выяснить, что происходит на этой самой стартовой площадке и нужно или не нужно применять какие-то тихие меры, чтобы ускорить их развитие в нужном направлении...

– То есть к экспансии вовне Нагора?

– Именно... Для этого мне понадобилось послать туда людей. Выражаясь твоим языком – произвести разведку.

– И ты послал экипаж.

– Разве они не годились для этого?

– Годились больше, чем все другие, кого я знаю.

– Я послал их прежде всего на Ассарт. По моим расчетам, именно там наука и техника стояли ближе всего к решению задачи. Потом, как продолжение работы, они должны были посетить и другие планеты Нагора.

– Они хоть как-то защищены? Могут свободно передвигаться?

– У них есть корабль. Небольшой, но вполне отвечающий задаче.

– Почему же ты не позвал меня сразу же?

– Я хотел. Но Фермер решил, что нужно дать тебе время прийти в себя. Да и кроме того – дело ведь представлялось заурядным. Они прошли нужную подготовку, в них вложили все, что нужно было для действий на Ассарте, – начиная с языка. У них были прекрасные легенды...

– Они полетели втроем?

– Втроем. Рыцарь оставался в резерве – на случай, если

придется произвести какие-то одновременные действия на других планетах; отсюда попасть на любую из них легче, чем с Ассарта, – мы перебросили бы его своей связью, с Ассарта же пришлось бы пользоваться кораблем, своим или другим.

– Они полетели. Дальше?

– А дальше ничего, капитан, – сказал Мастер, и, кажется, впервые в жизни я увидел, что Мастер несколько смутился. – Придется разочаровать тебя, Ульдемир: я просто не знаю. Они вылетели – и как провалились. Не выходили на связь. Не откликались на вызовы.

– Мало утешительного, – признал я.

– Что могло случиться? Долетели они благополучно: сигнал о прибытии мы получили, но его дает автоматика корабля. А люди молчат. Я уверен, что тамошним силам они не по зубам. Какой-то несчастный случай? Или просто загуляли?

– Мастер! – сказал я укоризненно.

– Что же, приходится предполагать и такое – хотя я, разумеется, подобным глупостям не верю. Как и ты. Но что-то ведь произошло, согласен?

– Тут двух мнений быть не может. Но почему ты не послал к ним Рыцаря?

– Он был нужен, чтобы прежде всего найти и доставить тебя.

– Ну, а потом?

– Он отправился туда, едва ты оказался на Ферме. Уже не кораблем, конечно. По нашему каналу.

– В таком случае, он уже там?

– Должен быть. Но сигнала не поступало.

– М-да, – сказал я. – Замысловато. Скажи: а чем все это может грозить? И кому? Вашим планам заселения шести скоплений? Еще чему-то?

– Это может грозить жизни трех – нет, теперь уже четырех наших людей, – медленно сказал Мастер.

– А кроме того?

– Кроме того... Домысливать можно многое. В самом трагическом варианте речь может идти о существовании Мироздания.

– Не может быть!

– Никогда не произноси этих слов. Они неверны. Нет ничего такого, что не могло бы быть. То, что происходит ежедневно, – реально. Но и то, что случается раз в миллиард или десять миллиардов лет, не менее реально.

– Ладно, – сказал я после паузы. – По-моему, я тут теряю время. Отправляй меня – я готов.

– Ничего подобного, – усмехнулся он. – Ты совершенно не готов. Не забудь: ты не будешь прикрыт кем-то, имеющим в мире Ассарта свое имя и свое место. Не будет никакого Форамы Ро, честного физика. Ты будешь в собственной плоти – это куда опаснее. И я выпущу тебя не раньше, чем смогу убедиться в твоей готовности. Я постараюсь передать тебе кое-что из умения, собранного у разных звезд...

Он вытянул ко мне руку.

– Отойди на три... нет, на пять шагов.

Несколько удивившись, я отступил.

Не опуская руки, Мастер сделал какое-то неуловимое движение тремя пальцами. И одновременно непонятная сила подбросила меня в воздух, перевернула и швырнула оземь – и только на расстоянии нескольких сантиметров я был плавно остановлен и бережно опущен на пол.

– Ну, боцман... – только и сказал я, поднимаясь.

Мастер улыбнулся.

– Не думай, это не уровень моей силы, но – твоей... Ты идешь на риск и должен быть готов постоять за себя. Всеми способами. И борьбой в отрыве – вот как я сейчас. И в схватке. Ножом. Мечом. Шпагой. Фламмером. Штурмовой пушкой. Мало ли чем... А кроме того, как у тебя с ассартским языком? Не отвечай, я и сам знаю.

– Боюсь, – сказал я, – что пока я все это постигну, мир успеет состариться, а мой экипаж...

– По твоему счету времени это займет неделю. Но как бы им ни было сейчас плохо – такой, как теперь, ты им не помощник.

Я кивнул, понимая, что он прав. И все же не удержался, чтобы не заметить:

– А тебе не кажется, Мастер, что для таких упражнений я уже староват?

Говорить это было несладко, но дело оборачивалось слишком серьезно.

– Что за чушь, Ульдемир! Я дам тебе рабочий возраст... Какой ты хотел бы?

Я почувствовал, как физиономия моя растягивается в улыбке.

– Ну, лет сорок. Не много прошу?

– Наоборот, очень скромно. Хорошо. Возвращаю тебе твои сорок лет!

Он приопустил веки и на несколько мгновений словно погрузился в размышления. Я же вдруг ощутил, как давно забытые бодрость и уверенность загорелись во мне, заиграли в крови, заставили чуть ли не пританцовывать на месте от нетерпения – двигаться, делать, решать, пробиваться, расшвыривая неприятеля...

– Зеркало не нужно? – С чуть заметной улыбкой он наблюдал за мной прищуренными глазами.

– Ладно, нагляжусь потом...

– Пойдем. Я отведу тебя в твою комнату. Кстати – ту самую, где ты некогда очнулся от небытия.

Мы спустились на первый этаж. Может быть, это действительно была та самая комната; не знаю, от нее у меня ничего не осталось в памяти.

– Мастер, – сказал я, когда он уже собрался уходить. – А что будет с моей дочерью?

– Она уже знает, что ты ненадолго задерживаешься в своей – как это у вас называется – командировке.

– Ненадолго?..

– Я надеюсь, капитан, что это так и будет. Сейчас – отдыхай. Приду к тебе, когда будет нужно.

Я послушно разделся, лег на свежее белье, закрыл глаза. И тотчас мне почудилось, что я не один здесь; что кто-то смотрит на меня, смотрит с добротой и даже, может быть, с нежностью.

– Эла? – негромко спросил я.

Но ответа не получил.

Последовавшая затем неделя мало что оставила в памяти – если не считать ассартского языка и кое-как скроенной для меня легенды. Зато очень многое осело в мускулах, в нервах, в рефлексах, в подсознании. И, например, то самое движение пальцами, что тогда показалось мне неуловимым, сейчас я сам выполнял, даже не думая. Боюсь, что работавшие со мною люди Мастера (не знаю, были ли они его постоянной командой, или приглашены откуда-то на время) заработали немало синяков. Впрочем, и сам я не меньше.

Потом Мастер пожелал убедиться в моих успехах. Пожалуй, он решил не жалеть меня, я разозлился – и не стал жалеть его. В конце концов он одолел меня – но не по правилам. Я так и сказал ему:

– Мастер, это была атака на подсознание; она из другой игры, твоего уровня, но не нашего.

– А что же мне было – сдаваться? – проворчал он. – Ладно. Можешь считать, что экзамен ты сдал. Теперь можно и

отправляться. Кстати, медлить более нельзя. Они по-прежнему молчат. Но если они живы, то тебя встретят. Сегодня. А завтра встречать не станут, потому что Уве-Йорген увез с собой именно такую инструкцию.

– Я готов.

– Прекрасно. Только вот возникло маленькое осложнение. По неизвестной причине канал резонансной связи с Ассартом нарушен. Неожиданно на пути возникло мертвое пространство.

– Опять что-то новое для меня.

– Да и для нас тоже. Пока мы поняли только то, что через область мертвого пространства ничто не проходит. Ни тела, ни колебания... Так что добираться придется зигзагом. С пересадкой в точке Таргит.

– Это планета?

– Это всего лишь пересадка. Из любого места в любое. Так что заодно обогатишь свои знания и впечатления. Иначе когда бы ты еще оказался в Таргите?

– Я и не возражаю. – Сейчас мне, молодому, сорокалетнему, все на свете казалось пустяками.

– Что же, пойдем, позавтракаем – и в путь.

Мы позавтракали: печень минейского корха в собственном соку с маринованными стиками, со спелыми ведейскими шертами в сливках на десерт (это не ягоды, а моллюски, вроде устриц, но сладкие) и черный кофе. Потом я стартовал – неожиданно, как и всегда.

Принято считать, что наш мир в основном симметричен. Правому противостоит левое, горячему – холодное, плюсу – минус. Так что, даже не обладая никакими убедительными доказательствами, можно чисто умозрительно предположить, что в непостижимых для нас хитросплетениях измерений времени и пространства Ферме, ее принципам и делам, противостоит некая – ну, скажем, Антиферма, где руководствуются иными представлениями и движутся (или пытаются двигаться) к другим целям.

Те, кто не отвергает этой простой мысли, вряд ли будут удивлены, услышав, что подобная Антиферма действительно существует. Правда, называют ее иначе, но не в названии дело. Как и Ферма, она представляет собою относительно небольшой объем пространства, оборудованный в соответствии с потребностями и задачами тех, кто на ней работает. Там есть свои мастера и эмиссары, временами там появляются и люди; там тоже проявляются иногда силы, которые мы обычно называем сверхъестественными – вследствие наших весьма скудных представлений о естестве. Люди задерживаются там ненадолго – ровно на столько, чтобы получить задание и возвратиться на свою планету, в свой мир.

Явившись туда непрошеными соглядатаями, мы с вами как раз поспеваем к разговору, в котором участвуют двое.

Один из них – средних лет и среднего роста, и вряд ли мы выделили бы его из множества людей, если бы не ощущение бесконечной уверенности в себе, которое сквозит и в каждом движении его, и во всяком слове и взгляде. Собеседник его, напротив, обладает запоминающейся внешностью – он высок, массивен, с крупными, грубоватыми чертами лица, но в его взгляде, пожалуй, жестокость преобладает над уверенностью и хитрость над мудростью. К первому он обращается крайне почтительно. Они сидят на веранде дома, расположенного как бы в самом центре песчаной пустыни – ничего, кроме черного песка, простирающегося до самого горизонта, не видно окрест, ни травинки, ни ручейка; тем не менее на столике, что стоит между собеседниками, виднеется объемистый глиняный кувшин с холодной водой, а вокруг него – тарелочки с фруктами и плоскими лепешками. Видимо, быту здесь уделяют не очень-то много внимания. Это и не удивительно, впрочем, тут занимаются куда более серьезными вещами. Однако тем, что имеется, хозяин дома (тот, что велик не ростом, но некоей внутренней силой, ощущаемой, как уже сказано, во всем) гостеприимно потчует гостя:

– Берите, Магистр, не стесняйтесь. Домой вы вернетесь хорошо если к ужину.

– Благодарю вас, Охранитель. Я совершенно сыт.

– Рад слышать... Итак, мы, кажется, пришли к соглашению?

– Могу только повторить: я готов поступать в соответ-

ствии с вашими планами, для блага Заставы.

– Не Заставы, дорогой Магистр. У Заставы нет своих благ. Как мы уже говорили, речь идет о судьбах Вселенной.

– Это я и имел в виду, Охранитель.

– Давайте все же уточним. Вы действуете по моим указаниям: после реализации планов вы получаете то, что принадлежит вам по праву рождения, но чего вы лишены в силу множества обстоятельств.

– Совершенно верно.

– Однако и после этого наше соглашение сохраняется. Если же вы попытаетесь...

– Рискну показаться невежливым, перебивая вас: я никогда не попытаюсь.

– Я лишь хотел сказать, Магистр, что, если в результате наших действий вашему достоянию будет нанесен ущерб, я компенсирую его в любой приемлемой для вас форме.

– Я никогда не сомневался в вашей справедливости.

– Что же, очень хорошо. По сути, сейчас нам обоим нужно одно и то же.

– Ассарт.

– Именно.

– Сейчас самый удобный час для того, чтобы предпринять решительные действия, не так ли?

– Пришло время перемен. Властелин уходит...

– Ваш, если я не ошибаюсь...

– Совершенно верно, Охранитель. У нас на Ассарте –

весьма своеобразный ритуал передачи власти...

– Я знаю. Вы уже подробно говорили об этом.

– Не буду повторяться. Однако подчеркну: в течение нескольких дней власть как бы повисает в воздухе. Практически, конечно, она не прерывается, но формально...

– Да-да, это все ясно. И если официальный претендент по какой-либо причине не в состоянии принять власть, то этой возможностью может воспользоваться другой.

– Отнюдь не всякий!

– Но вы можете.

– Я – да. По праву.

– Следовательно, все дело в том, чтобы официальный претендент отступился. У вас, Магистр, уже есть, разумеется, какие-то соображения по этому поводу?

– Я полагаю, Охранитель, что чем проще, тем надежнее.

– В принципе вы правы. Но простоты добиться иногда бывает очень нелегко.

– Не в данном случае. Собственно говоря, все уже готово.

– А вы позаботились, Магистр, о том, чтобы все выглядело совершенно естественно? Иначе с вашим воцарением будет крайне сложно, ритуалистика требует предельной четкости.

– Все будет как нельзя более естественно. И, главное, произойдет у всех на глазах.

– Какую же оценку событие получит в глазах всех зрителей?

– Несчастный случай, по сути дела. Эксцесс исполнителя,

чья нервная система не выдержала.

– Да, это, пожалуй, убедительно. Что же, пусть будет так. Пожалуй, я не стану вас более спрашивать. Вы опытный человек.

– Куда более опытный, Охранитель, чем тот, другой. Заверяю вас: Ассарт только выиграет от замены.

Хозяин дома откинулся на спинку стула, отпил воды из стакана, прищурился.

– Откровенно говоря, Магистр, блага Ассарта – ничто по сравнению с теми благами, которые выиграет Вселенная в результате нашего с вами успеха.

Снова наступила пауза.

– Охранитель...

– Вы хотите о чем-то спросить, Магистр, и не решаетесь? Непохоже на вас. Знаю вас как человека храброго и решительного.

– В таком случае, я действительно спрошу. Охранитель, какова же роль Ассарта во всем этом? И не придется ли ему слишком дорого заплатить за те блага, которые получит Мироздание?

– На этот простой вопрос ответить достаточно сложно. Все, в конечном итоге, зависит от иерархии ценностей... Пожалуй, скажу вам так: Ассарт выиграет значительно больше, чем потеряет, даже в самом неблагоприятном варианте. Впрочем, у нас еще будет возможность поговорить об этом. Но не сейчас. У нас очень мало времени. К сожалению, во

всех наших расчетах есть одна величина, которой управлять мы не в силах: время. И оно играет едва ли не самую главную роль. Я хочу, чтобы вы запомнили это, Магистр, раз и навсегда: все должно происходить с точностью до секунды.

– Вы уже говорили об этом, Охранитель. Думаю, однако, что секунды тут названы в переносном смысле?

– В самом буквальном. Ну как сказать, чтобы вы уяснили?.. Это расписание поездов – вот с чем можно сравнить наше положение в доступных вам понятиях. Вы можете явиться на вокзал за час раньше, даже за сутки раньше – это вызовет некоторые неудобства, но не более. Однако стоит вам прибежать на секунду после того, как поезд покинул вокзал, – и ваше дело проиграно.

– Почему же?

– Это сложная физика, Магистр. Вы ведь не физик? Вот и не будем углубляться в дремучие проблемы. Просто запомните: сколь угодно раньше – но ни секундой позже.

Охранитель снова выпил воды.

– Со своей стороны, я делаю все необходимое. А ведь мои противники серьезнее, чем ваш претендент. Это – Ферма! И мне известно, что некоторое количество их эмиссаров уже находится на Ассарте. Это наша вина: мы спохватились слишком поздно. Зато теперь я взял под контроль все каналы, по которым Ферма могла бы реализовать транспортировку и связь.

– А если они обнаружат это?

– Естественно, они обнаружат; как могло бы случиться иначе? Но пусть обнаруживают сто, тысячу раз – они ничего не смогут поделать. Потому что на сей раз на моей стороне выступают такие силы, какими Ферма не обладает. И перехватить эти силы им никак не удастся – ибо силы эти заинтересованы именно в моем успехе, никак не в их. Время, Магистр, точность, расчет – и успех. Спешите! Желаю вам самых больших удач!

5

На улице было темно, прохладно. Пустынно. Безмолвно. «В центре мира – тишина и пустота», – подумал Изар и невольно усмехнулся. Ученые ломают головы над тем, что находится в центре Ассарта, нашей планеты: кристаллическое ядро, расплавленное – или, может быть, вообще ничего? А вот в центре другого мира, хотя и совпадающего с первым, – в центре Державы, в Сомонте, столице, городе Власти – тишина и пустота.

Не всегда, конечно; лишь начиная с раннего вечера, когда заканчивается присутствие и многочисленные подъезды извергают целые толпы советников, исполнителей, наблюдателей всех и всяческих рангов – маленькие детали механизма Власти. Тогда здесь, в центре Сомонта, улицы вскипают людьми и машинами, как если бы приливная волна ворвалась в узкий залив; и тут же не менее стремительным отли-

вом все уносилось прочь, подальше отсюда – в жилые кварталы, в загородные дома, в гавань, где лениво переваливаются с бока на бок яхты – и мало ли куда еще. До утра центр вымирал, и казалось, что в нем и на самом деле не осталось ни единой живой души, ни малейшего признака жизни. На самом же деле жизнь продолжалась, менялись лишь ее проявления. Пожалуй, самые важные события происходили тут именно в неприсутственное время. Как и то, которому сейчас только еще предстояло совершиться.

Изар шел медленно, наслаждаясь тишиной и безлюдьем. С раннего детства он не любил подолгу бывать на людях, и если бы можно было, все свое время проводил бы в одиночестве. Увы, Наследнику Власти, ее Рубину, такое простое счастье было недоступно. Тем больше он стремился использовать каждый миг одиночества с наибольшей полнотой. Как, например, и сейчас.

Пожалуй, никто из окружающих его не понимал причин столь странной для высокопоставленного ассартианина тяги к уединению, порою приводившей даже к попыткам избавиться от охраны, явной и скрытой, что было вопиющим нарушением Порядка – не говоря уже о том, что противоречиво здравому смыслу: кому неизвестно, что облик Власти всегда притягивает пули и кинжалы? Долгое время это объясняли чудачествами подростка, капризами юноши; сейчас Изар уже не был ни тем, ни другим, его возраст насчитывал полную правую руку и еще один ее палец, и три пальца с левой,

или же, если считать иначе, пятую часть Малого круга времени, называемого также кругом жизни. Он был совершенно взрослым человеком, в начале самой плодотворной поры, но, как ни удивительно, желание быть одному не проходило, напротив, становилось все более последовательным и четким. Среди приближенных к Жилищу Власти людей возникло даже некоторое опасение: не помешает ли эта особенность характера исполнению долга, когда в один прекрасный день Наследник станет Властелином, Рубин Власти – ее Бриллиантом. Однако, когда сомнениями поделились с Умом Совета, старый сановник, позволив себе лишь чуть усмехнуться, уверенно ответил: «Бояться нечего. Власть сильнее человека. Власть сильнее Властелина. Он будет делать все, чего она потребует». О старике, по сути, втором человеке во Власти, было известно, что он не умеет ошибаться, ему поверили и решили, что поведение Наследника вызвано лишь его презрением к людям вообще, что для Властелина вовсе не являлось недостатком, но было едва ли не необходимым. Каждый, разумеется, считал, что лично к нему такое презрение никак не относится, но почему-то все понемногу перестали навязывать Изару свое общество, – исключая, может быть, игру в мяч, где без партнеров уж никак было не обойтись. Наследника это вполне устраивало; настоящую же причину знал лишь он сам (и, не исключено, догадывался Ум Совета), – но на эту тему не собирался откровенничать ни с кем. Даже с собственным отцом.

Что же касается охраны, то Изару давно уже казалось, что подлинной нужды в ней не было: кто и когда слышал пусть даже не о попытке, но хотя бы о замысле покушения на Властелина или на него, Наследника? Кому и зачем вообще могла прийти в голову такая мысль, у какого безумца могло возникнуть подобное намерение? Система Власти была сводом, возносящимся над всей Державой, защищающим мир от возможных (фигурально выражаясь) молний и камнепадов. Ключевым же камнем этого свода был Властелин. Держава была (думал Наследник; но не он один, а еще сотни миллионов населявших ее людей) самым процветающим миром обитаемой Вселенной, в которой насчитывалось ни много ни мало еще семнадцать таких же; ну, не совсем таких, разумеется, но похожих. Так что, если бы не требования вечного и неизменного Порядка, охраной можно было бы и пренебречь.

...И тем не менее сейчас Изар поймал себя на том, что старается ступать бесшумно и слишком часто поворачивает голову направо и налево. Улица была почти совершенно темна, фонари горели только на перекрестках и возле инопланетных посольств и миссий, но даже этот тусклый свет терялся в листве деревьев, окаймлявших улицу, как и бледное сияние Уты, и совсем уже бледное свечение маленького Латона. Обычно темнота не пугала Изара; но на этот раз Наследнику мерещились какие-то шевеления у запертых (а может быть, и не запертых) подъездов, в колоннадах, под ар-

ками ворот; какие-то лишние звуки чудились напряженному слуху: мягкие, крадущиеся шаги, сдавленные голоса, металлический щелчок...

Или не только чудились?

Упругим прыжком Изар отскочил в сторону, прижался, как приклеился к гранитной стене Департамента Унификации. Нет, не от страха ему казалось... Успевшие притерпеться к темноте глаза его сейчас выделили несомненные уплотнения мрака: две человеческие фигуры, плавно крадущиеся по противоположному тротуару. Двигались они в том же направлении, что и сам Изар. Злодеи? Наяву, не в сказке? Наследник плотно сжал губы, нехорошо усмехаясь. Что же, сегодня такое приключение даже кстати было бы: разогнать застоявшуюся кровь, разозлиться до предела – тем легче окажется предстоящее. Он сунул руку за пояс, достал изрядно мешавший все время пистолет, «диктат-девятку», комбинацию пулевого и лучевого боя с электронной корректировкой, срабатывавшей, если огонь велся по заказанной цели. Массивная рукоятка сама слегла в ладонь. Ну, прошу покорно, милостивые государи, ожидаю в нетерпении...

Те, однако, не спешили. Остановились – потеряв, надо думать, Изара из виду. Затаптались. Наследник вытянул шею, полузакрыв глаза, прислушиваясь: злоумышленники, показалось ему, стали перешептываться, – да, сомнений не осталось: зашептались, и даже отдельные слова как бы перепорхнули через улицу: «Свет?.. – С ума ты... – Где?.. – Все равно,

он не минует... – Упустили. Согер нас убьет... – К площади, не то и там...». Фигуры сдвинулись, пошли. Изар глядел им в спину. Теперь он был уверен: один тащил на плече что-то, пулемет не пулемет, нет, скорее, лазерную штурмовую пушку... Подожди, что он сказал? Согер... Согер? Да конечно же, Согер. О, Господи...

Изар едва не расхохотался. Согер был Верховным директором ДТК – Державной Телекомпании. Вот чьи люди это были, и, конечно, вовсе не штурмовую пушку нес один из них, но камеру с длинным стволом ночного объектива. Ну и охотнички! Потеряли дичь на ровном месте... Но и сам Наследник Власти хорош: успел фундаментально забыть, что этим вечером одиночество его неизбежно окажется мнимым; телевидение не упустит своего звездного часа, да и не имеет права упустить, весь мир ждет. Просто раньше показ начинался с площади – так, во всяком случае, ему рассказывали, сам он не видел, и не мог видеть, и никогда не увидит. Потому что во время предыдущей подобной передачи его, понятно, еще не было на свете, сегодня он – действующее лицо, а при следующей передаче снова окажется действующим лицом – но уже в иной роли... Ну что же, свою роль, во всяком случае, надо играть честно. А значит – никак не скрываться, напротив: позировать, подставляться объективам везде, где только можно станет. Потому что для того все и делалось всерьез, без малейшего обмана: чтобы мир видел, мир знал, что неуклонно соблюдается Порядок, ничто не ме-

няется, бытие катится по раз и навсегда уложенным рельсам!

Изар нарочито громко закашлялся, оторвался от стены и, четко стуча высокими каблуками, вышел на проезжую часть улицы. Двинулся бодрым шагом. Тени с телекамерой застыли шагах в двадцати, потом на цыпочках заскакали назад. Не поворачивая лица, Изар скосил глаза: ну, все в порядке, снимают. Нахмурился, стянул лоб морщинами, прикусил губу – на случай, если они там захотят дать крупный план. И стал ступать напряженнее, как бы скованно: все-таки на страшное преступление идет человек...

По-ночному мигали светофоры на перекрестках, слабо светились лампочки над подъездами редких здесь жилых домов; в этой части Сомонта обитали министры, немногие директора державных департаментов, многолучевые генералы. Ни одно окно не было освещено, однако Наследник знал: изнутри прильнули к стеклам белесые ночные лица, встречают и провожают взглядами, ощущают свою причастность к событию исторического масштаба. До следующего может быть, лет сорок, а то и все пятьдесят: на здоровье он, Изар, не жалуются...

Площадь распахнулась неожиданно, главная площадь мира, предполье Жилища Власти. Изар скользнул взглядом по куполам, колоннам, шпилям, царапавшим небо, но за столетия так и не оставившим на нем заметных следов. Великая Рыба, прародительница, на самой высокой и острой игле величественно плыла под облаками, не шевеля ни плав-

ником. Изар вытянул руки на уровне груди, сложил ладони чашей, зашевелил губами – вознес просьбу. Прошел, даже не покосившись на длинный, массивный вагон телевидения (слышно было, как за стенками его глухо урчала силовая установка), перешагнул, тоже как бы не видя, не отрывая глаз от Рыбы, через жгут кабелей, тянувшихся к Жилищу Власти. В центре Площади, на высоких, плавно изгибавшихся мачтах, сияли лампы; Изар принял правее, огибая площадь по периметру, избегая освещенных мест: по логике преступления, именно так он должен был поступать. Медленная группка людей двигалась навстречу, шагали вперевалку. Патруль, горные тарменары в черных кожаных плащах, мохнатых колпаках, увешанные кинжалами, с волнисто-изогнутыми саблями на боку, поперек груди у каждого висел лазерный фламмер. Декан, старший патруля, возглавлял группу, шаги его были мягкими, скользящими – поступь охотника или зверя. Прошли в десятке метров от прижавшегося к стене Наследника (ему на мгновение и в самом деле сделалось страшно, с тарменарами случалось, что они забывали правила игры; они всегда жили всерьез) – никто из них даже бровью не повел, упорно смотрели только вперед. Пронесло.

Изар обождал, пока патруль не отдалится шагов на двадцать; он почти физически ощущал, как телеобъектив притиснул его к стене, как впивается в черты лица, схватывая и самое малейшее изменение. Ну что же, это хорошо, если пой-

мали выражение искреннего испуга. Наследник знал, что в будущем не раз и не десять все эти кадры будут просматриваться, анализироваться, оцениваться всеми причастными к ремеслу предосуждения: от достойнейших членов Академии Поведения до базарных прорицательниц. По ним будут пытаться предсказать, какой будет пора его власти, каким окажется он сам, войдя в ранг Властелина, какие доселе скрытые черты проявятся, и надо ли ожидать от него великих дел или благодарить Рыбу за то, что никаких перемен не происходит... «Собачьи ублюдки, – подумал он, двинувшись дальше и сохраняя на лице выражение напряженного внимания, – ведь и закон принят был раз и навсегда, и строго-настрого заказано – под страхом полного отлучения телевидения от показа – записывать происходящее, разрешена только прямая передача – и все равно записывают, и размножают, и дня через три после события полную запись любой сможет не так уж дорого купить на Большом Торге. Запись всего того, что уже сейчас происходит, и того, что сбудется через каких-нибудь полчаса. Ну, погодите, подумал он, чувствуя, как в нем просыпается злость, на этот раз вы у меня не весьма расторгуетесь, на этот раз как бы не пришлось одному-другому горько поплакать, мне-то наплевать, я, если понадобится, могу вам позировать в чем мать родила, но Ястру тиражировать, на ней зарабатывать вы у меня закаетесь, клянусь жабрами!»

Он обошел правое крыло Жилища Власти и решительно

свернул к Главному крыльцу. У него было право входить сюда в любой час дня и ночи. Изар мог выбрать и другой, не столь откровенный вариант: в левом крыле специально было приотворено одно из окон первого этажа, шестнадцатое от угла, окно малой фельдъегерской, ныне пустовавшей по сокращению внешней переписки; дверь фельдъегерской выходила в малый служебный коридор, дальше шел большой, а он уже выходил к лестнице, что вела в покои Властелина. На случай, если бы он избрал этот путь, в большом служебном коридоре засел один из операторов телевидения с камерой. Но Наследник решил идти прямо; хотелось, чтобы поскорее все закончилось.

Четверо Ратанских гвардейцев перед входом единым движением скрестили копья с широкими режущими наконечниками, преграждая путь. За два шага до них Изар остановился. «Слава гвардии!» – проговорил он громко и спокойно. «Слава Наследнику!» – гвардейцы не задержались с ответом ни на секунду. Копья беззвучно разошлись, фламмеры на широкой серебряной груди каждого не шелохнулись. Двери медленно, торжественно (иначе они не умели) растворились. Изар вступил в Жилище Власти, о котором всю жизнь думал, как о доме, где живет его отец.

Из-за позднего часа челяди внизу не должно было быть; ее и не видно было, но Изару почудилось, что дыхание многих людей доносилось до него. Под высоченным потолком, на плечах беломраморного изваяния Ленка Фаринского, осно-

вателя Державы, Объединителя, угнезвился оператор с ручной камерой. Просто-таки ничего святого не было для них. Горчичное семя, репортеры. Наследник был уверен, что по другую сторону вестибюля, на статуе Азры Менотата, Законодателя, приютился и другой такой же ловец новостей. Сегодня придется все стерпеть, сегодня их день.

Оставляя лифты слева, Изар направился к главной лестнице; он так решил заранее, потому что ни в одном лифте, даже в Жилище Власти, нельзя быть до конца уверенным: возьмет и застрянет в самый неподходящий момент, превращая высокую трагедию в непристойный фарс. В последние годы вещи служили людям все хуже и хуже, черт знает почему, в этом еще предстояло разобраться. На лестнице он камер не заметил, но остался в уверенности, что они там были – где-нибудь в листве окаймляющих лестницу деревьев. Второй этаж. Смотритель Большого зала сделал шаг от двери, низко поклонился. Не утерпел, значит, старый дурак; ему ведь сейчас тут делать совершенно нечего, но захотелось своими глазами увидеть, как поднимается Наследник к совершению главного своего поступка. Третий этаж. Здесь еще сохранились ароматы давно уже закончившегося ужина. И – четвертый.

Сам того не замечая, Изар на четвертый этаж поднимался уже почти бегом, перемахивая через две ступеньки. Сейчас он остановился, чтобы смирить дыхание. Здесь начинались собственно апартаменты Властелина. Наследнику вдруг ста-

ло страшно. Потому что если только забыть о Порядке – то на что же он, Рубин, шел, как называется у людей то, что он должен был – и собирался сделать? И не знай он, что Порядок – превыше всего...

Он шагал по Спальному коридору, в конце которого, конечно же, тоже утвердилась камера, расстреливая его в упор. Миновал Большую спальню, дверь в Малое святилище, где молился только сам Властелин с женой, и Изар тоже – когда был еще мальчиком и мать его еще была женой Властелина. Еще жива была. Следующая дверь – Малая гардеробная. Мимо, мимо. И вот наконец... Он остановился и снова вознес слова. Но не Рыбе уже; другому, тайному божеству Глубины.

Перед дверью Малой спальни, в тесной прихожей, как заводные, вскочили с мест четыре офицера Легиона Морского дна. Это войско вершителей темных дел Наследник ненавидел, хотя и знал, что без него Держава обойтись не может. Люди туда набирались из подонков, другие бы и не пошли. О Легионе ходили темные слухи; Наследник по рангу своему знал о нем почти все, все вряд ли было ведомо и самому Властелину. Обычно здесь стояла дворцовая стража, набиравшаяся из близких к Власти людей; на этот раз Изар сам попросил, чтобы их подменили легионерами: преддверие спальни было единственным местом – не считая самой спальни, конечно, – где не разыгрывалась игра, но все было всерьез. Здесь не могло и не должно было обойтись без крови; такие дела не делаются без крови, это знает каждый, и

ничему другому не поверит. Почему-то кровь людская всегда служила свидетельством подлинности. Так пусть уж это будет кровь легионеров – ее на каждом из них наверняка было во много раз больше, и если кто и не верил в это, то достаточно было ему заглянуть в их равнодушные, без выражения, мертвые глаза, которые только от вида крови и оживали.

– Слава Легиону! – все же проговорил Изар едва ли не сквозь зубы.

– Слава Наследнику. – Ответ прозвучал как-то небрежно, между прочим. В этой небрежности чудился вызов.

– Бриллиант Власти один?

Изар намеренно назвал Властелина так, как по протоколу полагалось; будь на месте этих четырех свои, дворцовые, он спросил бы более интимно.

– Властелин отдыхает. А может, спит – мы не заглядывали. – Это уж и просто грубостью было: назвать разговорным титулом, а не по ритуалу. «Свиньи, – подумал Изар, – что они – не понимают, что сейчас совершается? Или наоборот – слишком хорошо понимают и мне решили с самого начала указать мое место? Хорошо, это им зачтется. И очень, очень скоро... Им воздастся; а мне простится. В эту ночь мне будет прощено все – будь их даже дюжина...»

Но вслух он отвечать ничего не стал, только сверкнул взором. На легионеров это, похоже, никак не подействовало. Слабина чувствовалась здесь, явная слабина... Сделал шаг к внутренней двери. Тот, что был ближе к нему, проговорил,

по-плебейски растягивая слова:

– Прошу оставить оружие.

Такое правило существовало; другое дело, что у Наследника оружия никогда не требовали – с таким же смыслом можно было пытаться разоружить его перед входом в его собственную спальню. Изар вскинул голову. Все взгляды как бы сошлись в одной точке. И Наследник вдруг понял: нет, они неспроста так. Они тоже натянуты, как струны. Кто-то все сделал для того, чтобы он, Изар, войдя, уже не вышел из Жилища Власти живым. И повод прекрасный: они люди маленькие, в традициях не искушены, а тут страшное дело произошло, и нам, мол, ничего другого не оставалось, как... Ага, значит, игра на игру, удар на удар. И совесть чиста.

– С кем говоришь, пес безродный! – Он откинул голову, обождал секунду: не заведется ли? Тот сдержался, только скрипнул зубами. Теперь можно было пройти.

Ах, как страшно ему вдруг стало на миг. Все ломалось. Все...

Он протянул руку. Мягко щелкнул замок двери. Изар вошел, и дверь с едва слышным шорохом закрылась за ним.

6

Малая спальня Властелина уже почти год, как была преобразована в больничную палату, потому что уже почти год Властелин не вставал с постели. Никто не питал надежды,

что он когда-нибудь встанет. Властелин был стар и болен, и доживал свою жизнь среди ампул, шприцев и капельниц, дыша воздухом, пропитанным запахом лекарств, не выводившимся, невзирая на самую совершенную вентиляцию. Такая жизнь была не по нему, и несколько дней назад он бросил цепляться за нее, прекратил последние попытки. Тогда же он пригласил Наследника, и они говорили долго и обстоятельно; о многом надо было сказать, да к тому же Властелин и говорил теперь с трудом, медленно. А ведь много лет считался – и был лучшим оратором мира. И тогда же, в самом конце разговора, они установили день.

Наследник знал, конечно, что когда-нибудь это произойдет. Но знал как-то отвлеченно. Думал об этом, как и о собственной смерти: придет ее срок, конечно, но ведь не сегодня и не завтра же, Великая Рыба добра... И так же об этом дне: не сегодня, не завтра. И когда вдруг оказалось, что событие подошло вплотную, Изар не сразу смирился с этим.

– Не надо! – сказал он тогда отцу почти в ужасе. – Не сейчас! Я не готов...

– Неправда, – сказал ему отец. – Ты всю жизнь к этому готов. Ты знал, что это неизбежно. И все знали и знают. Ты никогда не был трусом. Ты знаешь, что в этом действии, определенном Порядком, есть глубочайший смысл; об этом написаны сотни книг. Нарушь Порядок – и мир поколеблется. Я понимаю тебя. В свое время и мне было не по себе. Но иного выхода у меня не было – да и у тебя нет и не может

быть. Полная власть достается не даром. За нее нужно платить. И не одновременно; платить придется каждый день и каждый час, пусть и по-разному. И вот это, сейчас предстоящее, – твой первый взнос...

Отец говорил тяжело, задыхаясь, иногда умолкая надолго. и на самом деле был он уже не жилец, это любой понял бы, едва взглянув на него. Но что-то протестовало в Изаре против предстоящего, против отведенной ему роли. Как бы ни было все это освящено традицией – от этого не становилось оно ни менее жестоким, ни более человечным.

– Папа, папа, а если... если я просто не могу?

Отец медленно открыл глаза. Не сразу собрался с силами, чтобы ответить:

– Слушай меня внимательно... Никому и никогда не говори таких слов. Они означают лишь одно: что ты непригоден для того, чтобы перенять власть. Ты – не властелин. И если только люди поймут это, они отстранят тебя. Или устранят. Законно или незаконно, все равно. Даже сам себе никогда больше не говори этого.

– Но почему, почему? Неужели по одному этому поступку можно судить о том, способен ли человек управлять Державой или нет?

– Может быть, в каком-то другом мире и нельзя. Но в нашей Державе... в нашей Державе власть – прежде всего твердость, даже жестокость. Мы издавна приучены понимать только такой язык. Да, быть жестоким, порой очень жесто-

ким – неприятно. Никому не приятно. И если ты берешься за власть, то первым твоим врагом, с которым придется схватиться не на жизнь, а на смерть, будешь ты сам. То доброе и ласковое, что есть в тебе. Это ты можешь оставить для твоих близких – но и только. Для остальных ты – сама твердость, сама жестокость, непреклонность. И по тому, что тебе предстоит сейчас сделать, люди составят свое первое впечатление о тебе... А первое впечатление бывает самым сильным и остается надолго...

– А если это свыше моих сил?

– Глупости. Минутная слабость. Но для нее нет никаких причин. Ты видишь меня? Разве не ясно, что меня уже и нет здесь... что я – уже там, перевоплощенный в одну из блистательных рыб в окружении Великой... Днем позже это все равно произойдет само собой, но тогда ты потеряешь все...

– Так скоро. Но почему? Разве ты не мог бы жить еще?

– Пока врач не назвал мне дня, я не посылал за тобою. Все. Больше не желаю слышать ни слова об этом. Да, вот еще что... Найди своего... Обязательно. И не спускай с него глаз. Он...

Отец не договорил – видно, силы иссякли и он не то уснул, не то потерял сознание; так и осталось неясным, что хотел он сказать, от чего – или от кого предостеречь. Больше он не пришел в себя.

...И сейчас он лежал спокойно, укрытый до подбородка. Горел маленький светильник на прикроватном столике.

Изар протянул руку, не глядя нашарил выключатель, включил верхний, сильный свет (об этом просили – как было ему передано – телевизионщики). И, твердо ступая, пересек комнату, приблизился к кровати. Властелин не шевельнулся. Когда Изар остановился рядом, отец открыл глаза, но в них не было мысли – бездумная пустота. Наркотик?.. Изар резко, почти грубо, откинул одеяло. Худая, морщинистая шея... Старик медленно, как во сне, стал поднимать руки – инстинктивно? Но Наследник уже наложил пальцы на горло отца. Он умел душить, он был научен с детства. Как и его отец. Как и сын будет научен, когда явится на свет: душить безболезненно, пережимая сперва артерии, выключая сознание... Изар душил. Тело отца напряглось, рот раскрылся, вывалился язык. «Он не чувствует этого, – повторял про себя Изар, – не чувствует...» Тело опало, но Изар все еще не отпускал руку: пальцы свело, и мгновенно промелькнула идиотская мысль, что вот так он и останется навеки соединенным со своим отцом – с руками на его горле... Мертвая тишина стояла, только журчала едва слышно установленная на спинке кровати – откровенно, по-деловому – камера.

Наконец он отнял руки. Пошевелил пальцами, потом растер их: сейчас ему понадобится не только сила их, но и гибкость, точность – едва уловимыми движениями пальцев изменится направление разящего клинка... На миг закрыл глаза, прощаясь с переставшим быть. Повернулся. Решительно подошел к двери. Распахнул. Вышел в прихожую, уже

держа кинжалы в руках, готовый с ходу атаковать.

Он не ошибся: четверо стояли, приготовившись к убийству. Не по-благородному, как полагалось бы офицерам – со шпагами наголо (как-то не обращались мысли к огнестрельному оружию в этой обители традиций, где, кажется, за всю историю так и не раздалось ни единого выстрела, – а клинки, случалось, звенели весенними ручьями, и подлинные ручьи текли по самоцветным полам – только не вода то была...). Вместо шпаг даже не кинжалы были у них в руках, а воровские ножи, воистину более всего другого им годившиеся. Четыре ножа взвились, кратко блеснув белым, – и голубоватые молнии вылетели, казалось, из двух кинжалов; но то были лишь отблески на благородной стали... «Ну, посмотрим, как вас натаскали, – про себя говорил он, – какие секреты открыли, какие приемы преподали...» – продолжал, отбивая еще одну атаку. Конечно, драться тут было неудобно, тесно – однако это мешало legionарам больше, чем ему. Все же один или два удара он пропустил; не наряди его Эфат в десантный жилет под камзолом – добром бы не обошлось... Но и эти четверо снарядились, как на генеральное сражение, так что бить их приходилось в горло. Что же, он и это умел, он мог бы лихо командовать десантным взводом – вот хватит ли его умения на Державу?.. – Бой шел, его загоняли в угол. Что же, тем хуже для них! В последний момент Изар нырком ушел от удара, показал ложный удар ниже живота, тот невольно пригнулся, пальцы Изара чуть повернули граненую рукоят-

ку кинжала – клинок, словно в воду, вошел в открывшееся на долю секунды горло. Это не первый был, сейчас их осталось двое, и те их сотоварищи, что теперь смиренно-смирно лежали на полу, и вовсе ограничили возможность наступательного маневра, нахрап кончился, теперь решала техника – а-а! – выпад – снизу в челюсть, кинжал застрял – но ведь и враг остался только один. Кинжал Наследника мельничным крылом завертелся в воздухе, быстрее, еще быстрее – уже не различить стало, где клинок – последний остервенело кинулся вперед наугад, вобрав голову в плечи, – но ведь шлема с забралом на нем не было, не полагалось такого при несении дворцового караула...

Изар медленно вытер кинжал о мундир ближайшего поверженного, с усилием высвободил второй. Ах, как сейчас млеют люди у телевизоров! Прав был Ум Совета: «Тебя не знают, ты не показывался. Так пусть сразу же поймут, что ты человек серьезный и плохой партнер для шуток». Смотрите, понимайте... Впрочем, еще не все сделано. Впереди – действие второе.

Он вышел в коридор, всем своим видом показывая, что совершенно спокоен и не ожидает никаких случайностей. Сделал несколько шагов. Впереди распахнулась дверь. В коридор метнулась женщина и встала на пути Изара. Жемчужина Власти, молодая супруга Властелина, вот уже несколько минут как его вдова. В ночном убранстве, с распущенными волосами, молодая, прекрасная, разъяренная.

- Убийца! Люди, слуги! Хватайте убийцу!
- Пропусти меня!
- Ты убил Властелина!
- Не по злобе, но ради величия мира!
- Тогда погибнешь и ты!

И она бросилась на Изара, сжимая в пальчиках смешной дамский кинжальчик – остро, впрочем, наточенный. Изар, разумеется, и не подумал применить оружие – просто перехватил ее руки, завел их назад, за ее спину, неизбежно прижавшись при этом голой грудью – лохмотья камзола не в счет, жилет нараспашку – к ее груди. На мгновение-другое оба застыли так; потом он начал медленно сгибать ее, повалил на затянутый ковром пол. Она сопротивлялась. Пеньюар распахнулся. Тень промелькнула над ними, Изар краем сознания подумал, что повесит того, кто ухитрился протащить в Жилище Власти операторский кран. Мысль тут же исчезла, он уже одолевал Жемчужину – одолел. В борьбе она уступила. Где-то наверху влажно сопел оператор. И сами они тоже дышали громко, хрипло, наперебой, она едва слышно стонала, он лишь стискивал зубы – начатое надо доводить до конца...

Ну наконец-то! Свет выключили вовремя, не то Изар был уже готов вскочить и – к дьяволу все традиции! – выпустить всю обойму по объективам камер, по операторским черепам. «Хватит с них – попиروвали, – подумал он, застегиваясь и поднимая с пола упавший раньше «диктат». – Их работа кон-

чилась, наша только в начале».

Он бережно поднял женщину с пола. Поцеловал. Она прижалась лицом к его груди.

– Прости, Ястра, – прошептал Изар ей на ухо. – Я не сделал тебе слишком больно?

Она, не отрывая лица от его груди, покачала головой.

– Ты простишь меня?

– Так было нужно?.. – прошептала она.

– Одевайся, – сказал он. – Поедем в летнюю Обитель. Придем в себя. Там накрыт ужин. Безумно хочется есть...

Глава вторая

1

Мне давно уже казалось, что прожитые годы дают мне право считаться испытанным путешественником в Пространстве; во всяком случае, немало повидавшим. Поэтому я не ожидал, что предстоящая пересадка в точке Таргит чем-то обогатит мой опыт. Оказалось не так. У меня понятие пересадки, видимо, подсознательно связывалось с каким-то подобием вокзала, кассовых окошечек, информационных табло, громкоговорителей и массы пассажиров, половина из которых терпеливо ждет, другая же суетливо спешит. В точке Таргит я не увидел ничего похожего. Когда неизбежное мгновенное помутнение сознания прошло, я обнаружил себя висющим в воздухе примерно в метре над черной монолитной поверхностью, кроме которой здесь ничего не было. Поверхность уходила в бесконечность. Предполагая, что в следующий миг я на нее грохнусь, я рефлексивно подтянул ноги, чтобы смягчить удар. Однако продолжал висеть в полной неподвижности. Мне это не понравилось; как и Архимеду, мне нужна точка опоры, чтобы чувствовать себя пристойно. Я сделал несколько не весьма красивых телодвижений, но не сдвинулся ни на миллиметр. Тем временем кусочек поверх-

ности, находившийся прямо подо мной, – круг около метра в поперечнике – желто засветился изнутри. Одновременно кто-то как бы сказал мне: «Туннель временно занят. Ожидайте». Я произнес: «Гм...»; не знаю, что еще тут можно было сказать. Круг налился красным светом, все более интенсивным (мне почудилось даже, что оттуда, снизу, повеяло жаром, и возникла смешная мысль о том, что в Ассарт мне суждено попасть в хорошо прожаренном виде), слегка завибрировал, – дрожь каким-то образом передалась и мне, потом раздался звук, словно вскрыли хорошо укупоренную бутылку – свечение погасло, а на том месте, где оно было, что-то заворчалось, темное на черном фоне и оттого с трудом различимое; я и по сегодня не знаю, было ли это существо человекоподобным или еще каким-то. Оно переместилось на несколько метров в сторону, я внутренним слухом уловил звуки, сложившиеся в некое слово, похожее на «Ирмас, ах, ах, у-у», черная плита заворчала, щелкнула, вспыхнула ярко-зеленым. Существо немедленно заняло освещенный круг. Снова дрожь – и площадь очистилась. Это было любопытно, но еще более любопытным, пожалуй, являлось все-таки то, что я продолжал висеть, никому вроде бы не нужный. Я решил обидеться, и в этот миг плоскость подпрыгнула и сделала мне подсечку, так что я оказался на черном – и, как оказалось, очень твердом – грунте. Во мне заговорили: «Задерживаете обмен, задерживаете обмен. Ваша точка – в темпе, в темпе – ваша точка?» «Ассарт, – гром-

ко подумал я, — Ассарт восемь-восемь, семь, три». Координаты эти я затвердил еще на Ферме. Одновременно кто-то, невидимый и наглый, забормотал рядом: «Застава, застава, застава». «Ассарт, — настаивал я, — Ассарт восемь-восемь...» Другой, как показалось, голос не дал мне договорить: «Застава, Ассарт закрыт, только застава, просьба не прекословить!» «Никто и не прекословит, — возразил я, — место следования Ассарт». Мне показалось, что вслед за мной повторили: «Ассарт»; потом уже я решил, что слово было «Старт». Несуществующий мир вокруг меня пожелтел, покраснел, голова снова нырнула в туман, и последним, что я понял, было — что меня больше нет.

2

Происшедшее видел весь мир. Не удивительно: лишь раз в жизни приходится наблюдать такое, и сейчас не так уж много оставалось людей на Ассарте, видевших, как старый Властелин так же вот расправился со своим отцом, тогдашним Властелином Мира, и как тут же, в том же коридоре в незапамятные времена построенного Жилища Власти, изнасиловал молодую вдову, которая потом стала его женой и родила ему сына. А если забраться еще дальше в потемки истории, то окажется, что и тот, тогдашний Властелин в свое время — лет уже сто с лишним назад — подобным же образом поступил с отцом и с его молодой женой — и его отец тоже — и отец

его отца тоже...

На многие поколения в истории, на несказанную глубину уходил странный этот обычай, давно уже включенный в Порядок и потому нерушимый и неотменяемый. Причиной же тому было, что когда к власти пришел родоначальник нынешней династии, Эгор Маленький, то он таким именно способом и пришел: задушил последнего, бездетного Властелина династии Шан по имени Ан-Зет-ан-Гри, и, проявив силу членов, привел к покорности его вдову – потому что женитьба на вдове покойного Властелина по древнему обычному праву давала ему законное право на власть – одного только убийства здесь было недостаточно. Эгор Маленький правил удачно; ему удалось привести к подчинению властительных донков на всей планете, и если пришел он к власти лишь в одном, хотя и самом обширном донкалате, то ко дню его кончины (официально это всегда так называлось: преждевременная кончина) под властью Ассарта (таково было название донкалата) находилась уже едва ли не половина земель и вод планеты – хотя, к слову сказать, окончательное объединение всех донкалатов и маригатов в единую всепланетную Державу произошло лишь два поколения спустя. Но эпоха Эгора Маленького ознаменовалась не только выгодными территориальными приобретениями, но и улучшением жизни: еды стало больше, ткацкие станы работали беспрерывно, стада множились – как нетрудно понять, именно потому, что закончились постоянные стычки и неразлучные

с ними грабежи, угоны и убийства; успешно искоренялась преступность и процветали добродетели, науки и искусства. В национальном характере ассартиан (а они были всегда, по сути дела, одной нацией, с перегородками или без) всегда присутствовала такая любопытная черта, как любовь и внимание ко всякого рода ритуалам, которым придавалось едва ли не магическое значение, и никакая цивилизованность не могла заставить людей отказаться от таких воззрений. Ничем иным нельзя объяснить, в частности, то, что и поныне не только уцелел, но процветал неизвестно в каких безднах прошлого зародившийся культ Великой Рыбы – возможно, возникновение его относилось ко временам, когда впервые осознан был факт, что жизнь зародилась именно в океане, а также и то, что человек в своем развитии в утробе матери какое-то время является, по сути дела, рыбой и лишь потом лишается жаберных щелей. Культ у этому давно пора бы отмереть – но он жил. Итак, весьма внимательные ко всему внешнему ассартиане легко связывали внешние проявления, сопровождавшие какой-либо процесс, с его сутью и крайне неохотно отказывались, а чаще вообще не отказывались от многих, казалось бы, совершенно уже устаревших вещей. По этой причине на вооружении, к примеру, вместе с лазерными фламмерами состояли – пусть только как оружие церемониальное – шпаги и мечи, копья и кинжалы. И потому же в дни, когда звезда жизни Эгора Маленького склонилась к закату и готова была вот-вот угаснуть, старейшины (в те давние эпохи

они еще играли в жизни немалую роль), хотя и не сразу и не единогласно, но все же решили: правление уходящего Властелина было крайне удачным и не было оснований не связывать это с теми действиями, которые были им предприняты, чтобы его правление вообще стало возможным. А следовательно, для того, чтобы и следующее правление оказалось не худшим, все надо было повторить в точности. Надо сказать, что сын, рожденный Эгору вдовой убитого им Властелина, далеко не сразу согласился на то, чего от него требовали, хотя особой любви к отцу, человеку жесткому и жестокому по отношению к близким даже в большей степени, нежели ко всем прочим, включая открытых врагов, Наследник не испытывал; он просто полагал, что если дело так или иначе близится к развязке, то и не следует человеку брать на себя обязанности природы. То есть молодой человек еще не проникся всерьез ощущением важности ритуальных сторон жизни. Однако тогда ему объяснили, что уж коли старейшины так решили, то ритуал будет соблюден, а кто его соблюдет – Наследник или кто-либо иной – дело второе. Прижатый таким образом к стене, юноша перестал возражать против первой части ритуала, что же касается части второй, то ему было все равно, на ком жениться – была бы она женщиной; нетрудно понять, впрочем, что женщина, ставшая второй супругой Властелина, была далеко не самой худшей в мире, а что касается ее мыслей по этому – матримониальному – поводу, то ими никто не интересовался; да ей и хотелось

остаться хозяйкой в Жилище Власти, которое, конечно, в те сказочные времена было далеко не столь комфортабельным, как сегодня, однако и тогда уже являлось наилучшим из всех возможных.

Вот так обстояли дела с историей. И поскольку все это было известно всему миру – недаром в школах преподавали историю, – и поскольку, в силу уже упомянутой особенности характера, поголовно все на планете были знатоками – подчас очень тонкими! – ритуалов, умели подмечать малейшие детали и потом их истолковывать, то никакого удивления не должно вызывать, во-первых, то, что у телевизоров сидел весь мир, и, во-вторых, что совершенное на их глазах никому и в голову не пришло расценить, как преступление, как надругательство над женщиной и так далее. Это был всего лишь нерушимый ритуал, это было исполнение Порядка – и ничто больше. Вот когда миру стало известно, что ритуальный насильник Изар и подвергшаяся насилию Ястра уже два года любили друг друга и спали в одной постели куда чаще, чем порознь, – это, разумеется, возмутило многих и многих моралистов, ибо не было освящено ни законом, ни традицией. Убийство же, когда оно совершается в соответствии с тем и другим, – это уже не убийство. Что же? Хотя бы безвременная кончина, когда смерть вырывает из рядов. И так далее.

Вот, следовательно, по каким причинам, – а не только развлечений ради, как мог бы подумать легкомысленный наблю-

датель со стороны, окажись такой в Ассарте, – жители Дер-
жавы в тот исторический вечер напряженно вглядывались в
свои экраны. И те же мотивы заставили их все ближайшие
дни только тем и заниматься, что обсуждать виденное, – точ-
но так же, как футбольные болельщики смакуют разные де-
тали виденной игры: кто как отдал пас, кто как обвел трех
защитников у самой штрафной, и как ударил в падении че-
рез себя, и как и почему вратарь мяч не взял, но отбил кула-
ками, а защитники, спохватившись, вынесли мяч из штраф-
ной и тут же дали длинный пас для контратаки...

– Вы видели, конечно?

– Ну, разумеется!

– Убедительно, не правда ли? Я всегда был уверен, что
Наследник – человек с характером. Надеюсь, волею Рыбы он
будет достойным Властелином.

– Да, конечно, есть основания и так думать, однако же...

– А что? Вам что-нибудь не понравилось?

– Не то, чтобы не понравилось, но все же... Конечно,
схватка с офицерами – это хорошо, я бы сказал даже – пре-
красно, и главное действие – тоже, не скажу – безупречно, но
вполне, вполне прилично. Однако, что касается последнего
поступка, то у меня такое впечатление, что он... как бы ска-
зать... жалел ее. А это заставляет подозревать, что в харак-
тере его есть какие-то скрытые слабости.

– Вы думаете? Но, дорогой коллега, разве вы не знаете,
что он и она...

– Великая Рыба, об этом знает весь мир. Но до сих пор это было их личным делом, а в тот вечер стало общедержавным! И как бы он к ней ни относился, в те минуты он обязан был все принести в жертву государственному интересу.

– Но что, собственно, вы имеете в виду?

– А разве вы не заметили, как он старался укрыть ее лицо от объектива? Да и овладел ею, я бы сказал, очень нежно, а тут нужна была, не испугаюсь этого слова, жестокость! И предельная выразительность! Мой дядя Таш рассказывал, как получилось это у бывшего Властелина, когда он приходил к власти: во-первых, действие продолжалось раза в два дольше, затем, оно было не столь... как бы это определить... академичным, что ли. И темперамент, темперамент! Люди сходили с ума, глядя на это, один из операторов отбросил камеру и повалил свою ассистентку, а по всей Державе через положенные месяцы был зарегистрирован резкий всплеск рождаемости. На этот же раз ничего подобного не было. Так что какие-то сомнения есть...

– И тем не менее я искренне желаю им счастья!

– О, конечно, конечно! Но все же я далек от полного спокойствия. Великая Рыба, сохрани нас!

– От чего же, коллега?

– Ну, как вам сказать... Вы не находите, что жизнь становится не лучше? Скорее наоборот?

– Не стану спорить, это чувствует каждый. Но я объясняю это тем, что покойный Властелин уже лет десять тому на-

зад... э-э... утратил возможность активно влиять на события в Державе. А нам ведь нужна твердая рука! Вот если бы тогда Наследник был всерьез допущен к власти... пусть и без официального провозглашения...

– Вы сами знаете, коллега, что это было невозможно. Это шло бы вразрез со всеми традициями, стало бы грубым нарушением Порядка!

– Ну что же, нам остается только ожидать от нового Властелина поступков.

– Совершенно согласен. Значительных, серьезных поступков. Я бы сказал даже – крутых.

– Подождем...

Такие вот разговоры шли. Но не только такие, понятно.

– Мама, ну почему он такой злой?

– Злой? С чего ты взяла?

– Ну, как он мог так поступить с нею! Это грубо, жестоко, это... Не знаю, но я в нем разочаровалась.

– Ты видишь, видишь? Я говорил тебе, что ей еще рано смотреть на такие вещи! Она еще девочка!

– Молчи лучше. С каких пор это ты сделался специалистом по женскому восприятию! Может быть, раз уж ты стал таким просвещенным, может быть, ты скажешь мне...

– Прости, но мне некогда – я опаздываю.

– Счастливого пути, но ты меня не удивил: ты вообще никогда ничего не делаешь вовремя... Да, дочка, я с тобой согласна в том смысле, что мужчины вообще существа несо-

вершенные, – как и твой папа, как и наш новый Властелин. Однако должна сказать тебе, что в этом есть глубокий смысл.

– Фу! Так овладеть женщиной – смысл?

– Да. Ученые объясняют это так: приходя к Власти таким образом, новый Властелин как бы показывает всему народу, что он виноват, что он совершил то, что можно было бы назвать преступлением. И вся его жизнь после этого, все его дела будут направлены на то, чтобы искупить эту свою всем известную вину, а значит – сделать нашу жизнь лучше. Кстати, ты успела разглядеть ее пеньюар?

– Тебе понравился? А я бы сказала, что он слишком закрытый.

– Зато ты, дочка, последнее время стала носить все слишком открытое, тебе не кажется?

– А если у меня есть, что показать?

– И – кому, не правда ли?

– Мама! Я уже не маленькая. И вообще, не будем об этом. Я хотела только сказать, что Властелину, чтобы я его опять полюбила, надо совершить что-то такое... выдающееся. Небывалое.

– Вот не знала, что ты влюблена в него.

– Не было такой девочки, которая не любила бы Наследника.

– А сейчас он вам изменил и вы обиделись?

– Не надо смеяться над нашими чувствами, мама. Я надеюсь, он очень скоро поймет, чего мы от него ждем.

– Небывалого поступка? Ну что же, будем ждать поступков. Это, кстати сказать, не только вас, молодых, волнует... Мы все надеемся, что ждать не придется слишком долго.

– Вот увидишь!

...Сколько людей – столько мнений, не правда ли? Но если мнением юных девиц можно пока пренебречь (хотя совсем сбрасывать его со счетов нельзя: молодежь – материя, взрывающаяся легко и охотно, едва лишь сработает детонатор), то мнение аккредитованных в Ассарте дипломатов – послов и посланников семнадцати иных миров – имеет немалое значение уже сейчас. И очень интересно то, что в принципе представления квалифицированных политиков почти не отличаются от впечатлений ассартского обывателя. В срочных отчетах своим правительствам по поводу давно ожидавшейся и наконец совершившейся смены власти послы не преминули отметить, что новый, до сей поры почти неизвестный в политической среде Властелин первыми своими действиями заставил считать себя человеком твердым, решительным и жестоким, а его замкнутый образ жизни до сих пор позволяет предполагать, что эти свойства его характера, лишённые тех сдерживающих рефлексов, какие неизбежно вырабатываются при жизни в обществе, в постоянном общении с людьми, в сложных ситуациях могут приобретать весьма высокие значения. А следовательно, вряд ли разумно ожидать какого-либо смягчения как внутренней, так и внешней политики Ассарта, которая если и будет меняться, то в сторону

ужесточения, к чему соседние миры должны быть готовы... Короче говоря, правительства были предупреждены о том, что Ассарт при новом Властелине вряд ли отойдет от всегдашней привычки решать политические проблемы военными способами, а потому надо держать порох сухим и быть постоянно начеку.

Странно, но далеко не все послы сочли нужным проанализировать факт серьезной, а вовсе не ритуальной, стычки между Наследником и охраной почившего Властелина, в результате которой четверых гвардейцев пришлось исключить из списков полка вследствие, как было сказано, их гибели при исполнении служебных обязанностей. То ли потому, что дипломаты не очень поняли разницу между одним и другим и решили, что так оно и должно было быть, то ли по другим причинам. И лишь трое или четверо заметили, что стычка эта весьма смахивала на заранее подготовленное покушение, а следовательно, что новый Властелин может столкнуться с сильным противодействием на самых верхних уровнях власти, если только в самом ближайшем будущем не предпримет таких шагов, которые заставят даже оппозицию если не согласиться с ним, то во всяком случае притихнуть. Правда, тут следует заметить, что никто из дипломатов – и не только они – собственно, и не знал, существует ли вообще какая-то оппозиция, а если и существует, то каких взглядов придерживается, чего хочет от нового Властелина и чего не хочет. Они просто исходили из того, в общем правильного, пред-

положения, что какая-то оппозиция, явная или скрытая, существовала, существует и будет существовать всегда и везде – все по той же причине биполярности мира.

Итак, все, поголовно все ожидали от нового Властелина каких-то решительных действий, на которые он своим поведением при выполнении древнего ритуала как бы подал заявку. И нельзя сказать, чтобы он этого не понимал: все-таки он рос в Жилище Власти, и политика была тем воздухом, каким в этом доме дышали все, от Властелина до последней судомойки. Однако он был, пожалуй, единственным человеком, понимавшим, что сегодня он ни к каким действиям готов не был, завтра тоже мог еще оказаться недостаточно подготовленным, и лишь послезавтра, может быть... Думая так, он имел в виду, разумеется, не календарные, а политические «завтра» и «послезавтра», которые, как известно, могут растягиваться на недели, месяцы и даже годы. И мы с вами, пожалуй, можем понять причины этой его неуверенности.

Вынужденный совершить требуемое и оправданное Порядком насилие, и не единичное, а многократное – включавшее в себя пять убийств, – он тем самым совершил и еще одно насилие: над самим собой, как и предсказывал его ныне покойный отец. И как Ястре (он чувствовал) необходимо было время, чтобы прийти в себя после учиненного над нею, опять-таки законного и неизбежного, надругательства, так и ему требовалось не меньше часов и дней, чтобы понять, кто же он теперь таков и на каком обретается свете. Потому что

именно от этого зависело, что он должен и чего не должен впредь делать.

Ему нужно было примириться с самим собой; и он старался сделать это. Он видел два пути для достижения такого примирения. Можно было признать себя виноватым и пообещать самому себе тем или иным способом искупить вину, и впредь поступать совершенно иначе. Но можно было и наоборот: раз и навсегда сказать себе, что все произошло именно так, как только и могло, и должно было произойти, что его личная вина во всем случившемся была не большей, чем вина топора, которым рубят головы; ручку топора в данном случае сжимали и все его многочисленные предки, установившие и выполнявшие такой порядок, и бесчисленные современники, которые этот порядок принимали и одобряли, — а следовательно, виниться было не в чем и нечего искупать. В таком случае не следовало искать никаких новых путей, но двигаться по проторенной дороге до тех пор, пока не пробьет и его последний час.

Этот второй вариант был проще и в чем-то даже приятнее: в нем была, самое малое, полная ясность. Во всяком случае, так казалось с первого взгляда. И, наверное, Рубину Власти потребовалось бы минимальное время, чтобы справиться со своими переживаниями, если бы не кое-какие несовпадения, на которые он при всем желании не мог не обращать внимания.

Первым, что заставляло его вновь и вновь возвращаться

к своей позиции, к ее выбору, была схватка с гвардейцами. В отличие от дипломатов, Изар прекрасно понимал разницу между ритуальным бряцанием шпагами и серьезной дракой, когда тебя хотят убить. Он не сомневался в том, что это было покушение, но пока еще не мог понять: кто и зачем его организовал. Значит, существовали в Ассарте какие-то силы, о которых не предупредил его ни отец, ни кто-либо другой.

Вторым же являлось чисто интуитивное ощущение того, что в Державе что-то идет не так, как нужно, как должно бы идти. Не поняв того и другого, считал он, нельзя было предпринимать никаких серьезных шагов. Об этом он и думал днями и ночами, не покидая Летней Обители Властелинов, где находился вдвоем с грустной Ястрой, не считая, разумеется, прислуги и охраны.

...Он лежал в постели, но не спал, когда ему доложили, что его просит незамедлительно принять Ум Совета для важной беседы.

3

Женщина, с которой мы не раз уже встречались в былые времена, стояла на опоясывавшей дом галерее и, опершись локтями о балюстраду, глядела в небо – густое, южное, цвета индиго, в котором, однако, не было солнца, хотя все вокруг заливал июньский, утренний, животворный свет. Пахло цветущими травами, и казалось, размышлять там можно было

лишь об одном: о прекрасном чуде жизни, не прерывающейся даже и тогда, когда завершился твой планетарный цикл; нет, не прерывающейся, хотя и во многом меняющейся. Однако, судя по выражению лица женщины, по нахмуренному лбу, сведенным к переносице бровям, плотно сжатым губам, ее занимали совсем другие мысли.

Она была совершенно неподвижна, и никто не взялся бы сказать, как долго уже она стоит так: неподвижность – палач времени, она его уничтожает. Но вот женщина распрямилась – резко, как лук, у которого лопнула тетива; посмотрела по сторонам, топнула ногой, как бы в нетерпении. И решительно двинулась по галерее.

Она нашла Мастера наверху – там, откуда видны миры и пространства. Мастер смотрел в одно из них и чуть заметно покачивал головой, словно что-то отрицая, не соглашаясь с кем-то. На ее шаги он обернулся не сразу. Но обернулся все-таки, и на лице его возникла улыбка. Но, по мере того как женщина приближалась, – улыбка угасала, и на лицо возвращалось выражение озабоченности.

– Ну что? – спросила она кратко, как спрашивают, когда не может возникнуть сомнений в смысле вопроса. – По-прежнему?

Мастер медленно кивнул.

– Ничего нового. Ни от экипажа, ни от Рыцаря, ни от капитана. Хотя на точке Таргит он оказался вовремя.

– Что же могло случиться?

– Трудно сказать. Его прибытие на точку обозначено четко. А вот выход как-то смазан. Словно кто-то пытался подавить наш канал связи.

– Но он продолжил путь?

– Несомненно.

– Разве он мог направиться оттуда в другое место – не в Ассарт?

– Не допускаю такой мысли. Ему известны только те координаты. И он никогда не пользовался такими линиями самостоятельно.

Женщина решительно тряхнула головой.

– Я немедленно отправляюсь туда.

– Куда?

– В Таргит. На Ассарт. В любое место, где можно будет найти хоть какие-то следы – его или любого из них.

– Я не позволю тебе, Эла.

– Ты, кажется, забыл: теперь я независима ни от кого. И от тебя тоже. Как всякий человек Космической стадии жизни.

– Не забыл, поверь мне. Однако...

Она перебила:

– Не трать слов попусту. Я не хочу потерять его. Хватит и того, что он потерял меня.

Мастер с грустью посмотрел на нее.

– Я знаю, Эла, что ты поступишь так, как сочтешь нужным. Но хотя бы выслушай меня. А слушая – вспомни, что Космическая стадия еще не делает тебя всесильной.

– Хорошо, – сказала женщина после секундной паузы. – Я согласна выслушать. А что до моих сил – я сама знаю им меру. Итак, чем же ты станешь убеждать меня?

– Не собираюсь убеждать. Хочу только подумать вслух, – а ты дашь оценку моим мыслям, – может быть, они ничего и не стоят.

Эла кивнула, принимая его условия.

– Я думаю вот о чем, – продолжал он. – Когда исчезли трое – экипаж – можно было подумать, что возникло какое-то неблагоприятное стечение обстоятельств, случайность, – одним словом, некое естественное препятствие, не более того. Потом отправился Рыцарь – и тоже канул в неизвестность. Это уже вызвало определенные подозрения. Однако и тут еще можно было найти какие-то оправдания: он пустился в дорогу в то время, когда прямой канал был прерван возникшей областью мертвого пространства, – и его могло забросить куда-нибудь в другое место, где нет условий для связи со мной. И вот ушел капитан. Но уж его-то я отправил круглым путем, в обход всех возможных помех. И когда пропадает и он...

Не выдержав, она перебила:

– Посылать с таким заданием человека, который чуть ли не двадцать лет не выступал эмиссаром! Разумно, нечего сказать...

– Верно, верно. Хотя тут он успел получить неплохую подготовку, я согласен: отсутствие практики не говорит в его

пользу. Но тем не менее, Эла, это – его экипаж. При всех своих недостатках он и сейчас, да и в любой миг способен повести их за собой. А ведь каждый из них – сильный человек с крутым характером.

– Не хватает малости: чтобы он нашел их – иначе кого он поведет? Он бы разыскал их – если бы с ним самим ничего не случилось. Но, видимо, случилось все-таки...

– Об этом я и говорю.

– Ну, извини. Постараюсь не перебивать тебя. Да, конечно, вы его готовили. И все же он не выглядел совершенно собранным – я ведь знаю его намного, намного лучше, чем ты, или Фермер, или любой здесь!

– Значит, ты все-таки видела его?

– Неужели ты думал, что я подчинюсь твоему запрету? Видела, разумеется. Успокойся: сама я ему не показалась. И теперь понимаю, что напрасно. Потому что я сумела бы придать ему еще что-то... вложить в него... то, что ему пригодилось бы в трудный час и чего ни ты и никто из твоих учителей дать ему не в состоянии. Вот, больше я не стану прерывать твои мысли.

Мастер помолчал, словно вспоминая то, что хотел сказать.

– Итак... После ухода капитана мне стало ясно, что все происходит не случайно. Случившееся – результат чьих-то осмысленных и направленных действий. Направленных против кого? Экипажа? Рыцаря? Капитана? Вряд ли; каждый из них, да и все они вместе – еще не такая сила, чтобы кто-то

захотел устранить их именно потому, что это – они, а не кто-то другой. Видимо, будь на их месте совсем другие люди, и тех постигло бы то же самое. Значит, действия направлены не против самих людей, а против их задачи. Иначе говоря, кому-то не нужно, чтобы информация об Ассарте поступила сюда, ко мне, к нам. Я рассуждаю логично?

– Пока, по-моему, да. Продолжай.

– А это может означать лишь одно: с Ассартом, а может быть, и со всем скоплением Нагор у кого-то связаны свои планы, и они не совпадают с нашими.

– Откуда кто-то может знать о твоих планах?

– Не обязательно, чтобы он знал их содержание. Но он зато хорошо знает свои собственные намерения. И уверен, что они не совпадают, не могут совпасть с нашими.

– Что же, правдоподобно.

– Это, в свою очередь, говорит о том, что тот, кто осуществляет действия против нас, знает меня. Или Фермера. Или нас обоих. Мне кажется очень вероятным, что это – кто-то из нас...

– Из людей Фермы? Невероятно. Тут ты ошибаешься.

– Ты не так поняла меня, Эла. Я сказал – кто-то из нас... То есть из людей того уровня сил, к которому принадлежим и мы с Фермером. В Мироздании их не так уж мало, – а ведь некогда все мы вышли из одного гнезда.

– Мастер, ты очень любишь повторять: «Мы, люди...» Но я-то знаю, что ты все-таки не совсем человек...

– Это сложная проблема, – улыбнулся он, – и сейчас ни к чему заниматься нашей родословной. Итак, это может быть кто-то из нас. И если это так, то дело сразу становится куда серьезнее, чем представлялось сначала.

– Почему?

– Потому что наш уровень сил не действует по пустякам. Если задумывается какой-то план, то, даже ничего о нем не зная, можно наверняка сказать: это масштабный план. И последствия его выполнения могут быть, к сожалению, тоже весьма масштабными.

– Ты сказал – к сожалению. Ты уверен, что делается что-то опасное? Для нас, для всего Мироздания?

– Не удивлюсь, если так и окажется. Опасное... Это ведь зависит от системы понимания Бытия, – а систем этих может быть множество, и то, что опасно в одном мировоззрении, может казаться благом в другом.

– Обожди, обожди... Мастер, а то, что твои интересы и еще чьи-то столкнулись именно в скоплении Нагор, – это случайность, как ты думаешь? Или эта масса светил чем-то выделяется среди прочих?

– Вот видишь, ты заглянула в самый корень. Для меня Нагор – просто место проведения очередной повседневной работы, даже не проведения, а лишь подготовки к нему. Но для моих оппонентов, надо полагать, значение Нагора куда больше. Потому что уже сам способ их действий говорит о немалом размахе.

– Ты об исчезновении наших?

– Не только. Куда более многозначительным кажется мне возникновение того самого мертвого пространства – именно теперь и тут. Это уже не просто перехват эмиссара или даже пятерых. Это уже...

Он неожиданно умолк – словно не знал, как продолжить.

– Ну, Мастер! Что же ты?

– Видишь ли... Откровенно говоря, я не знаю, что такое – мертвое пространство. Никогда не приходилось сталкиваться с этим.

– Разве нельзя спросить у Высших Сил?

– Это уже сделано. Но и им нужно время, чтобы найти ответ. А это, кстати, свидетельствует о том, что им тоже не приходилось встречаться с таким явлением, – или, во всяком случае, оно настолько редко, что не сохраняется в памяти. Так что пока мне ясно лишь, что такие необычные явления не используются ради решения однодневных проблем.

– Видимо, ты прав, Мастер. Мне кажется, надо постараться как можно скорее выяснить, кто действует против тебя и что такое это пресловутое мертвое пространство.

– Целиком с тобой согласен. Итак, теперь ты понимаешь, почему я против того, чтобы ты отправилась на поиски Ульдемира и его экипажа?

– Совершенно не понимаю. Постой... Ты хочешь послать меня... туда?

– Я не знаю никого другого, Эла, кто справился бы с этим.

Человеку Планетарной стадии не стоит и пытаться: он погибнет. А ты...

– А мне, как бессмертной, ничто не грозит – поэтому?

– Не только. Я ведь тоже знаю тебя... в какой-то степени. И уверен, что тебе это по силам. Конечно, я мог бы отправить туда и Никодима, на время оторвав его от пашни...

– Иеромонах – надежный человек. Почему же нет? И он ведь тоже закончил свою Планетарную пору – куда раньше меня...

– Верно. И если бы там предстояло драться или сокрушать что-то, я и не подумал бы о тебе. Но этого не потребуется. Побывать там и попробовать разобраться; тихо, осторожно, быстро и успешно. Это, по-моему, дело как раз для тебя.

– Чувствую себя польщенной. И не колебалась бы ни секунды, если бы могла быть спокойна, целиком отдаться делу. Но сейчас... Мастер...

– Я понимаю.

– Кто же поможет ему, если не я?

– Я могу обидеться, Эла. Неужели мы способны бросить наших людей на произвол судьбы?

– Но время идет – а ты ничего не делаешь...

– Ошибаешься. Я делаю больше, чем тебе кажется.

– Например?

– Хотя бы – верю в него. В отличие от тебя. Ты полагаешь, что он без твоей помощи не переломит обстоятельств, если они неблагоприятны, не одолеет противостоящую силу,

не спасется и не выполнит того, что ему поручено. Вот что означает твое стремление поскорее кинуться на помощь – хотя ты и не знаешь куда. А я уверен, что он сможет справиться с этим сам. И то, что я в него верю, не остается, как ты понимаешь, одним лишь моим душевным движением; я открываюсь миру – и мое ощущение уходит, и где-то оно в эту самую секунду достигает его, – хотя сам он и не понимает, откуда вдруг возникает у него уверенность, которой только что не хватало, и прибавляются силы, казалось, уже иссякшие, и возникают нужные мысли... Нет, Эла, я делаю. То, что могу сейчас.

Она виновато улыбнулась.

– Конечно, ты прав, Мастер. Прости. Хорошо, я готова. Когда?

– Я скажу тебе. Скоро.

4

– Я надеялся, Ум Совета, что ты хоть позволишь мне выспаться. Что привело тебя сюда среди ночи? Ритуал? Или дела действительно не терпят отлагательства? – Изар с трудом удержал зевок. – Говори.

Старый вельможа позволил себе чуть улыбнуться. Но глаза оставались серьезными.

– Нет, это не ритуальный визит преклонения. Просто в мои годы ничего нельзя откладывать, иначе дело может ока-

заться отложенным навсегда. А на мне лежит слишком серьезная обязанность.

– О, я надеюсь, что ты проживешь еще много лет.

Это не просто формулой вежливости было; Ум Совета и в самом деле не был похож на человека, собирающегося в скором будущем распрощаться с жизнью.

– Благодарю тебя, Бриллиант Власти...

Такое обращение было новым, непривычным. Но – приятным.

– Однако, если даже Бог отпустит мне еще какое-то время, то я не собираюсь посвящать его той деятельности, которой отдал так много лет. Пора отдохнуть – начать новую жизнь, последнюю.

– Ты просишь отставки? Сейчас?

– Нет, я сделаю это завтра. А сегодня еще исполню свои обязанности.

– В чем же они заключаются?

– Я должен поговорить с тобой о том, в обладание чем ты вступаешь. О Власти.

– Ты думаешь, во Власти есть еще что-то такое, чего я не знал бы?

– Я знаю, что во Власти есть многое, о чем ты не думаешь. И никогда не думал, потому что не было ни повода, ни нужды.

Изар почувствовал себя несколько задетым.

– Например?

– Сейчас, сейчас. Дело в том, что, по сути, все это должен был проделать твой отец. Но не успел. Нет, время у него, конечно, было, но, видимо, он считал это плохой приметой. Он был немного суеверен – как и все мы, впрочем. А потом болезнь его свалила сразу – и тогда все время понадобилось для лечения. Одним словом, эта обязанность перешла ко мне. Я ведь единственный из того поколения, кому что-то еще известно.

– Что именно?

– Хотя бы обряд посвящения в служители Тайного Бога Глубины.

– Это что-то новое. Я умею возносить просьбы ему, но о служении мне ничего не известно. Это важно?

– По сути, ритуал, не более. Но ты ведь знаешь, как важны ритуалы для нашей жизни, для устойчивости Власти.

– Мне это всегда казалось не вполне понятным. Есть ведь Великая Рыба, к ней возносит слова весь Ассарт...

– Это для всех. Но для нас, для узкого круга Власти, существует поклонение Глубине. Оно намного древнее, никто не может сказать, когда оно зародилось. Наверное, еще до первой истории. Но об этом мы успеем поговорить, когда придет день посвящения. До той поры я еще буду находиться при тебе. И только после выполнения этой церемонии ты отпустишь меня на покой.

– Я не хотел бы.

– Ничего не поделаешь. Это тоже традиция. И она разум-

на. Новое время – новые песни. Тебе нужен свой Советник. Из твоего поколения. Такой, кто будет советовать то, чего ни за что не посоветовал бы я.

– Хочешь сказать, что твои советы были плохи?

– Они были хороши, Властелин, – для того времени, для твоего отца. Но сейчас... Поверь, черствый хлеб не станет мягче от того, что ты намажешь его свежим маслом.

– И ты рекомендуешь мне того, кто заменит тебя?

– Это свыше моих сил. Тот или другой, кого я мог бы предложить тебе, будет лишь мною самим, отличаясь разве что возрастом и опытом. Я ведь не стану, не смогу приблизить к тебе того, кто рассуждает не так, как я. А тебе нужен именно тот, кто думает иначе. Мой кругозор, Властелин, теперь не шире, чем конус разлета дроби из охотничьего ружья. Тебе же нужен советник с кругозором локатора. И у тебя лишь одна возможность: найди его сам.

Изар задумался. Ум Совета терпеливо ждал.

– Но, мне кажется, я не хочу никаких советников. Если уж ты не можешь остаться. Обязательно ли я должен назначать кого-то?

– Н-ну... Властелин всегда волен поступать по-своему, – если Порядок при этом нарушается не слишком грубо. Надо быть очень уверенным в себе. Потому что, если не будет Советника, кто же станет нести ответственность за твои ошибки?

– Разве я обязательно должен ошибаться?

– Может быть, конечно, ты станешь первым в истории Властелином, который не ошибается. Хочу надеяться. Однако практика говорит... Это как со смертью: нет непреложного закона природы, по которому человек должен умирать. Но до сих пор не нашлось ни одного, кто рано или поздно избежал бы этой участи.

Старик задумался – о непреложности смерти, наверное, для него тема эта была актуальной, в отличие от Изара.

– Но слушай, Ум Совета... Я что-то не помню, чтобы в нашей истории нашелся хоть один Властелин, совершавший ошибки.

Сохраняя неподвижность, Советник перевел на него взгляд. Усмехнулся.

– Да, разумеется. Ни один Властелин из нынешней династии – твоей. И, как ты справедливо заметил, – в нашей истории.

– По-твоему, есть и другие? Другие истории, я имею в виду?

– Это не по-моему, а независимо от моего мнения. Вот об истории, мы и должны поговорить сейчас. Это первая тема. Будет еще и вторая. Но не станем опережать Порядок. Итак – что тебе известно о нашей истории? И что – о других?

– Мне известно, что никаких других историй не существует. Есть легенды... сказки... мифы, относящиеся к доисторическим временам. Но ведь само слово «доисторическим» свидетельствует о том, что на самом деле никакого отноше-

ния к истории они не имеют.

– Легенды и мифы, да. О том, что Ассарт – особая планета, отмеченная и избранная...

– Вот-вот. О том, что она пришла из черной неизвестности и хранит в своих недрах Великую Тайну...

– Совершенно верно. Отсюда, кстати, и наша тайная религия Глубины. С тех времен, когда эти сказки были Историей.

– Разве кто-нибудь хоть когда-то верил в такую чепуху?

– В чепуху верят охотнее всего, Бриллиант. Чепуха – это все то, что не совпадает с привычными нам взглядами и мнениями. Но в совпадающее верить незачем. И люди в свое время охотно верили в то, что возникли не так, как убеждает нас наука, а неким иным образом. Гораздо раньше.

– Как же они тогда объясняли отсутствие каких бы то ни было доказательств? Ведь никакие раскопки не дали...

– Да-да. Объясняли, насколько я знаю, тем, что вовсе и не было таких периодов, таких уровней развития, следы которых наука пытается отыскать. Если ты, взрослый человек, поселился в своем новом доме год назад – бесполезно искать на его чердаке обломки твоих детских игрушек: они остались где-то в другом месте.

– Ну хорошо. Но мы-то знаем, что то были всего лишь поэтические рассказы. Конечно, очень приятно размышлять о своей избранности. Но когда приходит наука, то неизбежно возникает и настоящая история. Вот как наша.

– О, безусловно, Властелин. История, как точная наука. О

том, как в предшествовавшие века и тысячелетия все делалось не так. Но народ выдвинул из самых своих недр таких людей, которые знали, в чем заключаются потребности народа, их интересы, – и с тех пор дела стали идти все лучше и лучше, пока не достигли нашего нынешнего уровня. Я правильно изложил суть научной истории?

– Ну, в общем... да.

– А то, что возникновение этой научной истории по времени почти совпало с приходом к Власти нынешней династии – из самых низов, действительно, – это, видимо, чистая случайность. Не так ли? Или все-таки не случайность?

– Что ты хочешь сказать, Ум Совета? – нахмурился Изар.

– Я просто задаю вопрос и хочу слышать, что ты ответишь.

– Я верю науке. И исторической – в том числе.

– Это меня радует. Но если я положу перед тобой еще, самое малое, три истории – тоже научных, конечно, но различающихся по времени их действия, – какую из четырех ты выберешь? Одна из них просуществовала больше тысячелетия и закончилась с появлением нашей, нынешней, а три тысячелетия назад возникла другая – и была отменена, когда наука дошла до той, о которой я только что сказал. А самая первая из тех, что нам известны как научные, возникла вскоре после того, как Ленк Фаринский завершил создание Державы, то есть шесть с лишним тысяч лет тому назад. Вот до нее существовала эта самая – мифическая история, назовем ее так. И перестала существовать именно с воцарением

Ленка. Так вот: какая из этих многих историй, по-твоему, истинна?

– Наивный вопрос. Наша, конечно.

– Тебя не клонит в сон, Изар, от этих рассуждений?

– Напротив. Совсем расхотелось спать.

– Тогда продолжим. Ты, я думаю, ориентируешься в нашем законодательстве.

– Думаю, что в какой-то мере да. Конечно, сейчас мне потребуется...

– О том, что потребуется, – потом. Сейчас скажи: когда возникли основы наших сегодняшних законов?

– Ну... с приходом нашей династии.

– Верно. А до нашего законодательства существовало другое. И третье. И четвертое. И то, которое мы считаем самым ранним, – свод эдиктов Азры Менотата. Я прав?

– Не нахожу никаких ошибок...

– Тогда скажи: какие из этих законов настоящие?

– Постой, Ум, разве можно так спрашивать? Для нас, конечно, настоящие – те, какими мы пользуемся сегодня: наши законы.

– Значит, остальные вовсе не были законами?

– Ну почему! Были – в свое время. Пока они действовали...

– Ага! Стало быть, они все же законы. Почему же тогда те истории – не истории? Не правильнее ли будет сказать: истории, но ныне утратившие свою действенность. Как и за-

коны Азры.

– Гм... Я не думал в этом направлении. Но, в конце концов, почему вообще я должен этим интересоваться? История у нас есть...

– Правильнее будет сказать: была.

– То есть как?

– Да просто, Бриллиант Власти, очень просто. Та история, что была и которую ты называешь научной и настоящей, свою роль сыграла и больше не годится. Она отработала. Кстати, научных историй не бывает, как не бывает и научных законов. Бывают лишь соответствующие запросам времени и не соответствующие. Вот и все. Тебе, Изар, досталась нелегкая судьба. Со смертью твоего отца кончилась, если не бояться громких слов, эпоха. Тебе начинать новую. А новая эпоха – это и новые законы, и новая история...

– Постой, постой. Почему? Что такого произошло? Я вообще не вижу никаких причин...

– А что ты вообще видишь?

– То же самое, что все.

– Все не видят ровно ничего. Они думают, может быть, что видят, но на самом деле лишь представляют то, что им велят представить. Нет, не приказывают, конечно, это все происходит мягче, деликатнее – и твоя любимая история тут играет не последнюю, совсем не последнюю роль. Как ни странно, в этом отношении наши люди пользуются полной свободой – свободой видеть не то, что есть на самом деле, но то,

что им нравится, что они хотят видеть. Но для тебя, Изар, время этой свободы минуло. Отныне ты – Властелин. Ты – Бриллиант Власти, но она – твоя оправа, и ты крепко зажат в ней. Так что отныне тебе очень редко будет удаваться делать то, что захочется. Примиись с этим.

– Я подумаю...

– Думать тут совершенно не о чем. Но если тебе угодно – думай. Однако лучше – о том, каков на самом деле врученный тебе мир.

– Полагаю, что знаю о нем достаточно много.

– Ты ничего не знаешь. И не должен был. Еще одна традиция. Основанная на требованиях рассудка. Если бы ты знал наш мир с самого начала, ты успел бы привыкнуть к нему, притерпеться. И сейчас не смог бы ничего другого, как продолжать начатое другими до тебя. Отцами, дедами... Ехать по той же дороге – лишь сменив возницу. По той же дороге, что не ведет никуда.

– Ты намерен поносить почивших Властелинов? Сказать, что они завели нас в тупик?

– Отнюдь, Властелин. Жизнь – это развитие. Развитие подобно лабиринту. Ты находишь верный путь. Но он будет верным лишь на каком-то своем отрезке – а потом разделится на два, три, четыре рукава – и верным окажется только один из них. Сейчас мир на распутье. Если бы не это, твой усопший отец мог бы еще некоторое время бороться с болезнью. Но власть, Изар, не только жизнь Властелина регулирует.

ет, но и смерть. Властелин умирает тогда, когда ему должно умереть. Иначе будущее его становится плачевным.

– Звучит оптимистически...

– Да – если сравнивать с тем, что тебе еще предстоит услышать.

– Хорошо. Я уже готов к самому худшему. Говори.

– Сделаем, с твоего соизволения, иначе. Сначала будешь говорить ты.

– О чем?

– О том мире, в котором, по твоему мнению, мы живем. Потом скажу я. Мы сравним. И ты сможешь начать думать.

– Ладно. Будь по-твоему...

Изар задумался.

В каком мире он жил до нынешней ночи?

Тот мир выглядел устойчивым, неизменным, единым, сильным и нерушимым. Одна Держава, один Народ, одна Цель.

Целью же было достижение Великого Мира.

Что такое Великий Мир, было не вполне понятно. Во всяком случае, Изар не смог бы объяснить смысл этих слов в немногих словах. Когда он начинал думать об этом, мысли как-то не собирались воедино. Представления о Великом Мире походили на загадочную картинку, где во множестве штрихов спрятано нечто. Оно там обязательно есть, но не всякий способен его выявить. Хотя в принципе это очень просто: надо лишь отбросить все лишние линии, сделать вид,

что их не существует. Иногда Изару казалось, что он уже вот-вот увидит, что-то начинало складываться, – но ощущение оказывалось ложным, линии ни к чему не приводили. Но если не стремиться к точности, то можно было сказать: Великий Мир – это такой мир, в котором всем будет хорошо, все и каждый будут доброжелательны друг к другу, честны, справедливы, обеспечены всем, что нужно для нормальной жизни. А для того чтобы так было, требовалось очень немного: чтобы каждый делал свое дело и по возможности лучше. Народ Державы, всегда единый, всецело поддерживал такую политику. Жители мира Ассарта любили Властелина и самой Власть, потому что только она знала, какой путь ведет к цели, и не позволяла никому сбиться с него. Никому, начиная с высших сановников – Сапфиров Власти, ее Шпинелей, Эвклазов, Топазов, Гранатов, Аметистов, Гиацинтов, Опалов и прочих – вплоть до последнего Кирпича Власти, каким был любой житель Ассарта, – стены, как известно, складывают из кирпичей... Но они могут и остаться кучей или россыпью, при определенных условиях даже обрушиться, погребая под собою все. Вот Власть и была гарантией Порядка, при котором ничего подобного произойти не могло.

В этом мире Изар родился, в нем вырос и в нем же собирался прожить всю свою жизнь.

– ...Ну, что же, – сказал Ум Совета. – Можно лишь низко поклониться твоим учителям. Да, тебя хорошо учили.

– Значит, я вижу мир правильно?

– Клянусь Глубиной, конечно же нет! Тебя учили видеть мир таким, каким он никогда не был – да и не будет, я думаю.

Изар вытер сразу повлажневший лоб.

– Значит, мне просто врал? Все вы!

– Изар, разве я не учил тебя воздерживаться от выражения чувств с плебейской прямолинейностью? Да, мы рисовали тебе картину желаемую, но, увы, совершенно не схожую с действительностью.

– Извини меня за резкость. Теперь скажи: зачем вам это понадобилось?

– Я ведь тебе сказал уже: надо выбирать новый путь. Но чтобы его выбрать, надо хотя бы знать, к чему ты хочешь прийти! И уж это у тебя есть. Это именно и есть тот мир, в котором ты прожил все годы, – твой личный мир, который благодаря твоей деятельности должен стать всеобщим – или хотя бы более приближенным к нему, нежели наш нынешний. Наша задача была – воспитать в тебе чувство Цели, как у игрока на площадке должно возникнуть чувство мяча – иначе он вечно будет проигрывать. И это нам удалось – если только ты сейчас был искренним.

– Совершенно.

– Вот и прекрасно. А теперь повесь эту картину, твою картину мира, на стенку и время от времени поглядывай на нее, чтобы не забывать о конечной станции твоего маршрута. А на рабочий стол положи совсем другое. – Старик перевел ды-

хание. – Позвони вниз, я с удовольствием выпью чашку кофе с чем-нибудь таким; в мои годы усталость приходит быстро.

Изар повиновался. Он и сам был не против немного освежиться.

– Итак, о чем мы? Да, что тебе положить на рабочий стол – стол Властелина, правителя и главнокомандующего. Я не могу и не должен делать это за тебя, но мой долг – показать тебе картину, гораздо более приближенную к истине. Приближенную – потому что сама истина неуловима и ее не знает никто. Но с точностью хотя бы до третьего-четвертого десятичного знака.

– Я готов слушать.

– Потерпи еще немного. Пока не принесут кофе. У меня пересохло в горле.

Он умолк, опустил веки, казалось – задремал. Изар встал, сделал несколько шагов по комнате – Летняя Обитель была не столь просторной, как его городской дом, не говоря уже о Жилище Власти. Но ему просто необходимо было двигаться – много, резко, чтобы хоть немного привести чувства в порядок... В дверь поскреблись, приопухший ото сна слуга вкатил столик. Изар кивком отпустил его. Ум Совета открыл глаза.

– Побольше сахара. И добавь несколько капель Золотого Сока Холмов... – Он протянул руку, взял чашку, осторожно поднес ко рту. – Неплохо. Потом напомни мне – я прикажу научить твою челядь варить по-настоящему вкусный

кофе. Один из не столь уж многих моих советов, имеющих практическое значение... – Он провел языком по сухим губам. – Итак, о мире, в котором тебе отныне предстоит жить и который я вскоре, к великому моему удовольствию, покину... Как я уже сказал, мы прошли до конца нашу часть дороги – ту часть, что, по нашему мнению, вела к Цели. При этом наша Цель – не совсем та, что представлялась тебе: нам нужна самая сильная и самая богатая Держава; что же касается справедливости, доброжелательности и прочего художественного свиста, то они при этом могут появиться – сытые люди нередко бывают и доброжелательными, – а могут и не развиваться совсем; абсолютная справедливость, например, – совершенный миф, ее не было и не будет. Итак, наша цель выражается в двух словах: сильная и богатая. Это ты и повесь на стенку. Мы облекли ее в одежды Великого Мира и какое-то время продвигались. Но путь кончился. Потому что со временем самые прекрасные слова перестают обозначать хоть что-либо, становятся сотрясением воздуха, и делать из них приманку оказывается столь же бессмысленным, как пытаться заставить заупрямившегося осла сдвинуться с места при помощи поучений из «Слов Рыбы». Цель исчезает. А людям она необходима. Значит, ее нужно найти и показать. Новую, старые цели больше ничего не стоят. Вот это я и имею в виду, когда говорю, что тебе предстоит начать новую эпоху. Не потому, чтобы ты был более мудрым или гениальным, чем твои праотцы; нет, просто – пришла пора. Не знаю,

может быть, тебе придется делать все наоборот. Вернее, не делать – в поступках все мы ограничены реальной действительностью, – но провозглашать. Не знаю, я уже сказал тебе – это задача для молодых, не для меня. Так вот, один или с чьей-то помощью попытайся найти такую цель. Вообразить ее. Она должна быть простой, – чтобы понять ее мог даже дурачок, – и захватывающей, чтобы в нее поверили и умники. Умники, кстати, нередко бывают романтиками – природа любит сбалансированные системы... Итак – найди цель. А потом?

– Что – потом? – спросил Изар в некотором недоумении.

– Определив цель – что ты будешь делать после этого?

– Как – что? Добиваться ее, естественно!

– Ах, Изар, Изар...

– Опять не так?

– Совершенно не так. То есть добиваться, конечно, нужно, однако ты, видимо, имел в виду движение вперед – к цели?

– Какое же еще?

– Противоположное, мой ослепительный Бриллиант! Движение не вперед, но назад; не в будущее, а в прошлое, прежде всего – в прошлое!

– Это слишком умно для меня, Советник моего отца!

– Ничуть не бывало. Это примитивно просто. Представь себе прямую линию. Она кончилась. В точке окончания мы с тобой находимся сейчас. Представил?

– В этом-то нет ничего сложного.

– А в жизни, да и в политике, вообще все просто. Ну, дальше. Из этой точки ты начинаешь движение – ну, допустим, повернув на девяносто градусов вправо. Наглядно?

– Вполне.

– Теперь представь, что идущие за тобой люди оглянулись. Что они увидят позади?

– Ту точку, в которой мы повернули.

– Совершенно верно. Но как раз ее-то они и не должны видеть. Не должны даже представлять, даже заподозрить, что был какой-то поворот.

– Почему?

– Если сохранится память о повороте, то те, кто будет недоволен – тобой ли, вообще ли жизнью, своей ли судьбой, все равно, – обязательно скажут: повернули неправильно, надо было не направо, а налево, или же следовало продолжать движение, никуда вообще не сворачивая... Недовольные всегда были и будут, Изар, они есть и сейчас, и их не так мало, как тебе казалось, пока ты пребывал в своем уютном, но нереальном мире. Поэтому – никакого поворота! Вы все время двигались по прямой, никуда не отклоняясь! И те, кому взбретет в голову посмотреть назад, должны видеть за спиной этот самый прямой путь, чье начало теряется где-то далеко-далеко, в неразличимом прошлом, в не то, что седой, но даже в лысой древности. То есть, первой – нет, уже второй твоей задачей после отыскания благовидной и благозвучной цели будет – проложить эту прямую в обратном направлении

так далеко, как только возможно. Ты понял, о чем я говорю?

– Об истории?

– Наконец-то ты попал в центр мишени. Именно об истории. Только выстроив ее, укрепив таким способом свой тыл, ты сможешь продвигаться вперед – независимо от того, будет ли твоя цель достижима или нет. Нужно, конечно, постараться, чтобы путь к ней был достаточно протяженным – не только на твое время чтобы хватило, но и сыну осталось, а по возможности – внукам и правнукам.

– Послушай, Ум Совета... А может быть, наоборот?

– Не понял.

– Может быть, если найти такую цель, о какой ты говоришь, окажется нелегко – лучше начать именно с прошлого? Найти историю? И по ней уже определить направление в будущее...

Старый Советник пожевал губами.

– А знаешь, вовсе не исключено. Нет, совершенно не исключено. Неплохая мысль. Только тогда надо учитывать некоторые особенности.

– Что ты имеешь в виду?

– В этом варианте тебе придется не тащить спереди, но толкать сзади. Это может оказаться сложнее – возрастет вероятность произвольного поворота, схода с рельсов, так сказать. Видишь ли... Мы – как народ, мечтательны, эмоциональны, непокорны и ленивы. И стараемся делать все одной рукой, оставляя другую свободной для жестов – красивых

или угрожающих, все равно. Мы любим жест.

– И мы всегда были такими?

– Нет. Но давно стали. Народ – как человек. Помимо врожденного характера, он формируется обстановкой и воспитанием в первые годы жизни; для народа это будут десятилетия. Обстоятельства прошлого и есть история. Так что каждая новая история в начале своего существования будет испытывать немалые неудобства. Но это преодолимо. Все преодолимо. Если серьезно подумать, непреодолимых препятствий вообще не бывает. Но для того, чтобы находить выход, нужен талант – в нем-то больше всего и нуждаются политики.

– И как же по-твоему, я...

Изар запнулся: каким-то детским получался вопрос. Но Смарагд Власти не улыбнулся.

– А иначе я не тратил бы на тебя время, – ответил он, – которого у меня в любом случае мало, очень мало...

Он взглянул на часы.

– Ну вот, я обеспечил тебе бессонную ночь: задал головоломку. Ничего, в твоём возрасте думать полезно, а вот в моём бывает уже и бессмысленно. Думай. Ищи людей, которых ты приблизишь к себе. Из нынешнего Корпуса Власти даже те, кто возрастом невелик, все равно морально устарели, износились. Нужны новые люди. Те, кто тебе поверит. Пойдет за тобой. Для начала найди умных, чтобы набрать полный сундук идей. Потом, когда придет пора исполнять, –

найдешь других, с кулаком вместо головы. Не кривись, это все политика, это искусство. От умных тогда избавишься: всякая идея должна исходить от Властелина, иначе в нее не поверят, да и в тебе, может статься, разуверятся. А этого ни в коем случае не должно быть: если что-то еще держит Ассарт вместе как единое целое, то именно вера во Властелина – не доверие, а именно вера. Ну, все это азбука, это ты быстро освоишь.

– Это и есть то второе, что ты хотел мне сказать?

– Нет, это было затянувшееся первое. Второе заключается вот в чем: хотя я разговариваю с тобой, как с полноправным Властелином, ты еще не стал им. К трону Властелина ведет лестница, в ней не очень много ступеней, но они круты. Пока ты поднялся на две из них. Я имею в виду отца... и Жемчужину.

– Разве бывало, что кто-то не одолевал их?

– В прошлом можно найти все, что угодно. Но не в книгах по истории – таких вещей там нет, они переносятся изустно из поколения в поколение. Бывали такие, кто не мог покончить с уходящим Властелином; жалели, или сама идея убийства была им глубоко чужда; бывали и такие случаи, когда спотыкались на второй ступени. Помню, у одного из наследников ничего не получилось потому, что он настолько ненавидел жену своего отца, что когда надо было... усмирить ее, он оказался просто физиологически не способен на это. Да, многое бывало...

– И как же они выходили из положения?

– Они из него не выходили. У политики, как и у природы, всегда есть резервные кандидаты... Но ты прошел это отлично. Однако еще не все позади. Тебе сейчас надо беречься. Не исключено, что кто-нибудь... Ну, да ты и сам прекрасно понимаешь, что схватка в прихожей, перед спальней твоего отца, была не случайной – не просто у гвардейцев мозги сорвались с резьбы... Но кого из Властелинов не хотели убить – особенно в дни, когда они лишь начинали править?

– Об этом в истории тоже ничего нет.

– И не нужно. Властелинов всегда хотят убить, Изар. И никогда не убивают. Во всяком случае, в Ассарте. Но если говорить о покушениях, то самое опасное для тебя – ритуальные появления, когда заранее известно и где ты будешь, и когда, и откуда появишься. Так что тебе нужны, конечно, преданные люди рядом.

– Хорошо. Сразу после Проводов я назначу Большое преклонение, и там...

– Ради Глубины, не совершай такой ошибки. Нужных тебе людей ты не найдешь ни в Жилище Власти, ни в его окрестностях. Наши близкие слуги хлипки и жадны. Они тебя или оставят, или продадут. Я не говорю, что их нужно прогнать. Нет. Им просто не надо верить ни в чем, что выходит за рамки придворной таблицы умножения. А тебе потребны люди, способные быстро изучить высшую математику власти.

– Где я найду их? Чем привлеку, чем удержу? Богатыми

дарами? Но тогда они вскоре станут такими же, как те, о ком ты говорил.

– Без награды нельзя. Но она не обязательно должна быть для желудка. И даже не для спеси. Ищи не жадных и не спесивых, но по-хорошему честолюбивых.

– Но где они, эти люди?

– Они могут быть всюду. На улице. В пивной. В школе. На заводе или верфи. В мелком учреждении или фирме. Их не очень много, Изар, но они есть. Но искать и найти их ты должен сам. Не поручая никому другому. Так твой отец в свое время нашел меня. В дни нашей молодости. А знаешь, кем я был до того, как он призвал меня служить ему?

– Ты? Почему-то я всегда был уверен, что ты родился в кругах Власти...

Старик засмеялся.

– Ты ошибался, Изар, ошибался. Да и не один ты. А на деле у меня тогда была маленькая мастерская – в ней я ремонтировал часы. Да-да, был часовых дел мастером, не более. И, казалось, мирился с перспективой просидеть всю жизнь с лупой в глазу.

– И Властелин пришел к тебе, когда испортились его часы?

– Конечно же, нет. Кстати, тогда он еще не был Властелином. Но, в отличие от тебя... Ты всегда старался поменьше находиться среди людей. В этом есть свое благо: такая привычка нужна, потому что Властелин всегда одинок, сколько

бы народу вокруг него ни толпилось. Одиночество не должно причинять ему неудобств. Но вот сейчас эта твоя привычка обращается против тебя. Потому что твой отец в пору прихода к власти уже имел множество людей, которых знал, которым верил. И когда день настал – он просто позвал нас, и мы пришли. Наш мир хорош тем, Изар, что в нем нет аристократии – она погибла в самом начале нынешней истории – с приходом к Власти твоих предков. И никто не удивляется, когда часовщик становится Советником Властелина. Когда человек с улицы приходит в Жилище Власти – и остается там надолго, нередко на всю жизнь.

– Туда было так легко войти?

– Ну, это не следует понимать буквально. Явись мы сами, нас туда бы и на порог не пустили. Нет, сперва твой отец шел к нам, а не наоборот. Так поступали и многие из твоих, теперь уже легендарных, предков. Просто шли на улицы. В толпу. Бывало, возникали острые положения, доходило до оружия. Такое случается в толпе нередко... Что, ты не знал этого о твоём народе? Да, не знал... Но в таких случаях кто-то бросался на помощь. Вот с лучшими из них Наследник Власти и завязывал дружбу. И с мужчинами, и... не только с мужчинами.

– Но он мог получить и кинжал меж ребер...

– Ты ведь надел не простой камзол, когда шел совершать Действие? Ты не выбросил его? Если и да, ничего страшного – возьмишь новый. Только не спеши показать, что он на тебе

надет. А кроме того, ты, как и твой отец, владеешь оружием намного лучше, чем те, с кем ты можешь столкнуться там – даже если то будут отставные десантники. У тебя твердая рука. Кстати, стрелять на наших улицах не принято. Тогда вмешиваются Заботники. А твои выходы, конечно, хороши для рекламы, – но только потом, когда ты уже вернешься в безопасность. Вначале тебя просто не должны узнавать. Хорошо, что ты редко показывался. Ну, и существует, конечно же, грим...

– Ты словно инструктируешь меня и выпроваживаешь на улицу.

– Не я. Прежде всего традиция. Это – одна из ступеней той лестницы, о которой я говорил. Плата за народную веру в тебя.

– Но ты предостерегал против покушений...

– На ночной улице – кому придет в голову искать тебя там? Могут, конечно, опознать по охране – но от нее тебе придется ускользать. Властелин должен уметь не только являться взорам, но и избегать их, когда нужно. Вот; это был мой последний совет. На сегодня, во всяком случае. Ты все еще обижаешься, что я не дал тебе выспаться? Или, того хуже, оторвал от приятностей времяпрепровождения вдвоем?

– Я благодарен тебе за все сказанное. Я чувствую, что моему отцу было легко работать с тобой.

– Нет, если Властелину становится легко, это значит, что он на пути к своему концу. Но, возможно, это не были по-

следние мои советы: я пока никуда еще не уезжаю, намерен с твоего позволения присутствовать и на Проводах, и на Бракосочетании. А вот после них ты, надеюсь, будешь настолько милостив к старику, что отпустишь меня, приняв мою отставку. С твоего соизволения я уеду тогда в мой лесной дом. Возможно, там мне и в самом деле удастся прожить несколько дольше. Все-таки интересно, как и что у тебя будет получаться.

– Ум Совета, скажи все же: кому нужно, чтобы я умер?

– Непростой вопрос... Тебе отец говорил что-нибудь о...

Старик умолк, не закончив.

– О чем? Или о ком?

– Значит, не сказал. Так я и думал. Не счел нужным. Что же, такова была его воля. И не мне нарушать ее. Прости, Изар, – не знаю, что тебе ответить.

– Это следует понимать так, что такой человек есть и тебе он известен...

– Могу с чистой душой сказать: он мне не известен. А что на тебя покушаются – мы об этом говорили, и сам ты знаешь это лучше любого другого. Я сказал тебе, что мог: остерегайся, ищи людей и копи идеи. Да ты и не совсем один: у тебя есть Эфат. Мало, конечно, но лучше, чем совсем ничего. Да, и Ястра у тебя тоже есть – возможно, есть. А теперь, прости за такое затруднение – позвони, пусть подадут мою машину. И вправду спать пора.

Человеку, побывавшему в центре Сомонта и потом – случайно или по какому-то поводу – оказавшемуся в сети переулков Второго городского пояса, может придумать, что он попал в лучшем случае в другой город, а не то и на другую планету: настолько в этих районах все разное. Вместо гладко уложенного плита к плите, без малейшего зазора, тесаного камня, всегда чисто вымытого и только что не лакированного, под ногами окажутся вдруг разнокалиберные булыжники, между которыми буйно растет короткая, но даже по виду жесткая, какая-то чуть ли не проволоочная трава. Хотя на обширных участках не видно уже ни травы, ни булыжника, а просто лежит мусор – мощным, хорошо утоптаным слоем – мусор, который уже никак не делится на элементы, но представляет собою некое новое вещество. Местами над забитыми всякой дрянью сточными отверстиями стоят лужи, радужно отблескивающие в хилом свете, выбивающемся из окон, не мытых, можно поверить, со дня восшествия на трон ныне уже покойного Властелина; от луж исходит мускулистый, выразительный запах, к которому, впрочем, обитатели этих мест давно притерпелись. В поле зрения любопытствующего прохожего попадет в лучшем случае один мусорный контейнер – да и тот валяющийся на боку; находчивая кошка неопределенной масти нянчит в нем недавно пода-

ренных ею миру котят, и, судя по находящейся там же площадке, мать кто-то подкармливает. Уличное освещение, столь нужное здесь, разумеется, отсутствует; то есть столбы наличествуют, но одни без лампочек, другие же едва доросли до половины, верхнюю часть их то ли забыли смонтировать, то ли обломали, кто и для чего – одна лишь Рыба знает. Дома не выше четырех этажей, в отличие от дворцов и деловых зданий Центра, стоят, как и полагается нижним чинам, сплошным строем, плечо к плечу; их узкие подворотни ведут в совсем уже темные дворы, куда зайти, кажется, способен лишь сорвиголова – искатель приключений. Разрисованы дома одними лишь трещинами, но зато обильными, смахивающими на карту неведомой, но весьма богатой реками и ручьями страны, есть даже одно бездонное озеро, через которое виднеется часть шкафа и угол покрытого клеенкой стола. Там, где идущий от уличных луж запах ослабевает, его заменяет другой, комбинирующийся из кухонной гари, гнили подвалов, дешевых харчей и не менее дешевой косметики.

Однако это вовсе не покинутый жителями, по причине невозможности обитания в нем, район. Напротив, улица живет, особенно в вечерние часы, да и в ночные тоже. По ней идут, исчезают и вновь появляются, собираются кучками и расходятся люди. На первый взгляд они могут показаться подозрительными, но это не заговорщики, не подрыватели основ; в самом плохом случае это воровская шушера (крупные воры здесь не живут), а в большинстве – мелкие и мель-

чайшие чиновники, уличные торговцы, молодежь без определенных занятий, рабочие с небогатых предприятий, пенсионеры низкого ранга, короче – неизбежная и необходимая часть населения всякого большого города. Магазины тут не ослепляют витринами, но все, потребное в этом быту, купить можно без труда и недорого, пиво тоже стоит дешевле, чем в Центре или в Первом поясе. Есть даже один кинотеатр, откуда вдруг сразу повалила толпа, как бывает обычно после окончания сеанса, обмениваясь мнениями насчет только что увиденного: «А я бы на ее месте плюнула ему в рожу – после всего того, что он позволил себе!» «Проплевалась бы! – Это уже мужской голос. – Ей же некуда деваться было, или с ним – или на улицу». «А что, на улице не живут разве? Даже лучше, чем так: на улице все по-честному...» «Ну ладно, нашла, чем хвалиться!..» – ну, и так далее.

Толпа быстро растеклась по улице, и лишь небольшая кучка, состоявшая из четырех человек, задержалась близ выхода, словно затрудняясь выбором – куда же направиться сейчас, чтобы продлить отвлечение от жизни, протяжной и унылой. Четверо ничем, казалось, не выделялись из уличного люда; судя по одежде, один из них был человек сельский, близкий к почве и просторам, некогда зеленым, ныне же изрядно пострадавшим от научного прогресса, – он, похоже, не совсем уверенно чувствовал себя в мире булыжника, закрывавшего плодородный слой, и таких же булыжных лиц толпы; второй лесоруб или охотник – такое мнение возникало

при взгляде на его высокие сапоги и побелевшую от долгой и постоянной носки кожаную куртку со множеством карманов, карманчиков и кармашков; третий – просто мелкий горожанин, чиновник или, скорее, ремесленник, и четвертый – отставной солдат. И лишь одно могло бы возбудить сомнения у внимательного наблюдателя: их глаза, непроницаемо-спокойные, как будто давно разучившиеся удивляться чему бы то ни было, а также (что куда важнее) бояться чего-либо на свете. Однако четверо не очень позволяли заглядывать себе в глаза, их же собственные взгляды были мгновенны и неуловимы, как неожиданный удар кинжалом.

Итак, четверо остановились и стали негромко переговариваться. Такой локальный разговор порой вызывает опасения; но они вовсе не походили на людей, замышляющих нарушить общественный порядок, – слишком много уверенной солидности в них чувствовалось, так что смотритель улицы, дважды уже за вечер проходивший с неторопливым обходом, только внимательно посмотрел на них, успокоился, видимо, и тревожить не стал. К разговору никто не прислушивался: тут тайна разговора охранялась не менее ревниво, чем тайна переписки в более высоких кругах (здесь переписка просто не была в чести). Но если бы кто и проявил излишнее любопытство, рискуя получить в ухо, он вряд ли услышал бы что-то, способное заинтересовать искателя и распространителя слухов, – хотя говорили они, разумеется, по-ассартски, пусть и с каким-то жестким акцентом. Впрочем, может быть,

именно так и разговаривают в густых и далеких лесах донкалата Рамин, расположенного там, где, как известно, зима бывает чаще, чем лето, — или же в степном и хлебном донкалате Мероз.

— Итак, мы его не встретили, — проговорил отставник, сухощавый и горбоносый, вооруженный полагающимся ему после увольнения со службы широким армейским кинжалом. — Так что рассчитывать можно только на самих себя.

— Может быть, там изменились намерения? — предположил горожанин (невысокий, но хорошо сложенный, что замечалось даже под мешковатой одеждой, с прямым носом и большими глазами). — Ты не поинтересовался?

— Не проходит ни единое слово, — ответил отставной.

Трое глянули на него. Он понял вопрос и пожал плечами:

— Объяснения нет. Полная тишина.

Все переглянулись. Потом лесной человек сказал:

— Здесь неудобно. Чье жилье ближе?

— Я пока нигде, — ответил отставник.

— Я недалеко, — откликнулся горожанин. — Но возвращаться не рискну. Там горячо.

— У меня то же самое, — произнес крестьянин. — Мне удалось не оставить следов.

— Что касается меня, — сказал лесовик, — то боюсь, что один, самое малое, след я оставил. Неудачный удар, и лезвие увязло. Правда, тот, у кого остался мой нож, никому уже не пожалуется. Итак, мы все подвешены. Что же, зайдем сюда. —

Движением подбородка он указал на дверь пивной по соседству. – Здесь вполне приличное пиво. Я пробовал.

Солдат высоко поднял брови, словно сомневаясь, что в такой дыре можно получить хоть сколько-нибудь приемлемый напиток. Но не стал возражать – напротив, первым распахнув дверь, вошел в помещение, откуда несло плотными запахами всеми уважаемого напитка, а также вареного гороха со шкварками. Прошел между столами. Места еще были за длинным, но тесное соседство с посторонними не устраивало Уве-Йоргена. Он обвел распивочную взглядом.

– Питек, вон там один занимает целый столик – и спит притом.

Лесной человек мягкими шагами приблизился к облюбованной жертве. Прикоснулся пальцем к плечу. Реакции не последовало. Тогда он поднял спящего вместе со стулом и оглянулся. Горожанин Георгий отодвинул от длинного стола стоявший в торце табурет. Питек водворил стул с беспробудно спавшим на освободившееся место. Никто не обратил внимания; в права личности в подобных заведениях всегда вносятся некоторые коррективы. Затем четверо уселись, Уве-Йорген подал знак хозяину, и, дождавшись первой порции пива, они продолжили разговор, так же негромко, как и на улице.

– Не думаю, – сказал Уве-Йорген, – чтобы вам померещилось. Значит, мы здесь кому-то мешаем. Вероятнее всего – местным службам, хотя не исключено и другое. Никакой

местной службе не под силу нарушить нашу связь.

– Даже узнать о ее существовании, – добавил Гибкая Рука.

– Ну, о нашем-то существовании кто-нибудь знает, – про-
бормотал Питек. – Надо искать пристанище. Я, конечно, мо-
гу жить и на дереве, но вам вряд ли это придется по вкусу.

– Я не умею чирикать, – подтвердил Рыцарь, – и нуждаюсь
хотя бы в минимальных удобствах. Но об этом станем думать
в последнюю очередь. Нас ведь переправили сюда не ради
приятного времяпрепровождения.

– Из того, что нам поручали, главное сделано, – сказал Ге-
оргий. – Во всяком случае, обстановка на этой планете нам,
кажется, достаточно ясна.

– Что же, обменяемся сразу же информацией, – предло-
жил Уве-Йорген. – Если верно то, что некто дышит нам в
затылок, то, может статься, и не все из нас доберутся до фи-
ниша. Значит, то, что хотел знать Мастер, должно быть из-
вестно каждому. Если уцелеет один, он передаст все, что мы
смогли выяснить.

– Он не сообщит ничего веселого, – сказал Питек. – Не
знаю, обидится Мастер или нет, но он, по-моему, весьма пе-
реоценил возможности этого человечества. Им сейчас не до
расселения в широком пространстве. Похоже, что они заня-
ты прежде всего тем, чтобы выжить здесь. Во всяком случае,
такие выводы я делаю из того, что видел сам.

– Давай по порядку, – предложил Рыцарь.

– Мне удалось побывать в четырех из пяти больших пор-

тов Ассарта, – в тех, конечно, что находятся на планете; орбитальные придется исследовать, пользуясь кораблем. Впечатление: все постепенно приходит в негодность. Я говорю о торговых портах. Сообщение весьма скудное, торговля ведется по минимуму: Ассарту нечего продавать и не на что покупать. Старые корабли живут от ремонта до ремонта. Старые экипажи. Была возможность поболтать с пилотами в непринужденной обстановке. Все мрачны, считают, что перспектив никаких. Старые призывы осточертели, высокие порывы улеглись, и зреет злость на всех, начиная с собственной Власти и кончая всеми семнадцатью другими планетами. Считается, что строятся новые корабли, более современные, но никто их и в глаза не видал. Начинали в свое время, это верно, но потихоньку все заглохло.

– Это совпадает с тем, что происходит в армии, если не считать гвардейских полков и, в какой-то степени, космического десанта, – кивнул Рыцарь. – Есть еще Легион Морского дна – ну, это войска специфические. Сейчас, как и полагается, ждут каких-то изменений от нового Властелина, считают, что он способен на крутые решения. Может быть, и так – пока судить рано. Ясно только, что войска питаются настроениями всего общества, – но их никак не назовешь жизне-радостными. Георгий, ты у нас столичный житель...

– Я согласен с тобой, Рыцарь, – подтвердил спартиот. – Да вы и сами успели кое-что увидеть. Работы становится меньше, люди недовольны, люди разочарованы, общество посте-

пенно становится толпой, и толпа эта взрывоопасна. В то же время на какие-то слаженные конструктивные действия ее сейчас не поднять, это долгая песня. Сейчас ее можно быстро мобилизовать лишь на разрушение чего-то. Безразлично, чего. В толпе много крикунов разных уровней, но нет программ. Пока людей сдерживает одно: ожидание каких-то благ от Властелина, хотя при простейшем анализе легко понять: он ничего не в состоянии сделать, – если он, конечно, не чудотворец. Слишком далеко зашли процессы распада.

– Да, – сказал Уве-Йорген задумчиво. – Мастеру вряд ли понравится услышать такое; он рассчитывал, что здесь едва ли не готовая стартовая площадка, а мы вместо этого дадим ему картину первоклассной свалки. И все же надо как-то ему все это переправить: возможно, у него есть какие-то средства в запасе, о которых мы и не догадываемся. Гибкая Рука, может быть, на просторах картина приятнее?

Гибкая Рука промолвил с расстановкой человека, привыкшего к тому, что каждое его слово воспринимается со вниманием, потому что говорит он редко:

– То же самое. Все ждут чудес. Сеют меньше, чем раньше: говорят, невыгодно и никому не нужно. Уходят в города. Говорят, что стало опасно: мир настолько отравлен, что земля отомстит за это, вырастет отравленный хлеб, ядовитым станет молоко. Плохо.

– Дикая люди, – не удержался Питек.

– Люди дичают быстрее, чем деревья, – ответил Георгий.

– Короче говоря, – сказал Рыцарь, – весь мир смотрит на нового Властелина. Пока он показал, что умеет надежно задушить старика и завалить даму. Не знаю, может быть, у них это и считается особой доблестью... Хотя – если порыться в нашей собственной истории, там отыщется немало подобного. Ну, судить его – не наше дело. Теперь займемся делами попроще. Что предпримем в ближайшем будущем?

– У нас есть корабль, – сказал Георгий, – и нет связи. Наверное, самым лучшим будет – возвратиться на Ферму, все рассказать Мастеру и действовать по его указаниям.

– Придется подождать, – покачал головой Питек.

– Почему?

– Ты не знаешь правил. Сейчас траур. И целую неделю ни один корабль не покинет планеты.

– И еще одно, – сказал Рыцарь. – Даже не одно. Во-первых, где Ульдемир?

Переглянувшись, все промолчали.

– Хорошо, – продолжал Уве-Йорген, – если его по каким-то причинам просто не стали отправлять. Но я опасаясь другого: его направили сюда, но что-то заставило его отклониться от маршрута или задержаться в пути. Точнее, не что-то, а кто-то. Те неизвестные, что начали проявлять такой интерес к нам здесь.

Остальные трое, один за другим, медленно кивнули.

– В таком случае он – я уверен – доберется сюда. Не так-то легко выключить его из игры. Но если он окажется здесь,

а нас уже не будет, ему придется очень нелегко.

– Беда в том, – сказал Питек, – что мы не можем все время торчать на точке выхода. Каждый может попасть – или уже попал – под наблюдение, и нам ни к чему – вывести их к этой точке.

– Сходить один раз, – сказал Гибкая Рука. – Оставить посылку. Где искать нас. И самое необходимое.

– А где искать нас? – спросил Георгий.

– Не спешите, – посоветовал Уве-Йорген, чья роль командира сейчас не оспаривалась никем. – Об этом мы еще подумаем. Я не успел закончить. Итак, капитан – это одна причина. Вторая заключается вот в чем: Ассарт сейчас – в неустойчивом равновесии, и куда он склонится – станет ясно в ближайшее время. Это будет зависеть от действий Властелина, а ему придется действовать сразу же – и он это прекрасно понимает, да и любой поймет. Следовательно, может получиться так, что, убравшись отсюда сейчас, мы привезем Мастеру тухлую информацию. Мы дадим ему моментальный снимок, но не сможем обозначить тенденцию. Я считаю: мы должны оставаться здесь, пока не станет ясным – куда повернутся дела. Иначе все, что мы сделали, не будет стоить и пфеннига.

Все помолчали.

– Ну что же – придется еще покрутиться, – сказал затем Питек. – Значит, придется все-таки квартировать на деревях?

– Можно жить в корабле, – сказал Георгий.

– Нет, – отверг его предложение Гибкая Рука. – Тогда узнают, что корабль этот – наш. И мы лишимся его.

– Верно, – согласился Уве-Йорген. – Думаю, так: нам не стоит держаться вместе – на случай, если на нас действительно стремятся выйти. Нужно искать самое безопасное место, где мы сможем обосноваться. Собственно, такое место есть, но нам не попасть туда просто так, с улицы: это не гостиница. Догадались, о чем я? Где никто, я полагаю, не станет искать нас?

– Где нас не станут искать? – пожал плечами Питек. – Разве что в Жилище Власти?

– Это я и имел в виду, – кивнул Уве-Йорген. – Уверен, что мы, – если как следует возьмемся за дело, – отыщем ход туда. А до тех пор, видимо, придется обходиться, кто как сумеет. По-солдатски, черт побери! На свете существуют подъезды, подвалы, чердаки, вокзалы – множество мест, где умеющий устраиваться человек может провести ночь, не привлекая внимания...

– Почему-то ты не упоминаешь дам легкого поведения, – обиженно проговорил Питек. – А я с нетерпением жду этого. Потому что нет лучшего способа сочетать приятное с полезным!

– Отставить! – сурово молвил Рыцарь. – Посмотрите-ка на него: прямо король Генрих Четвертый Бурбон! Но король сперва побеждал, а уж затем... Если ты хочешь сдать местным властям, так и скажи. А если нет – оставь свой способ

до лучших времен.

– Эти рыцари с трудом понимают невинные шутки, – сказал Питек.

– Есть еще одна возможность, – вступил в разговор Георгий. – По-моему, самое надежное место – не уступает Жилищу Власти, но попасть туда будет значительно легче. Я говорю о Летней Обители Властелинов. Недалеко от города, но место достаточно глухое, безлюдное...

– А ты что, охрану не считаешь людьми? – спросил Рыцарь.

– Охрану снимут, едва высокие лица покинут усадьбу. Как я слышал, на зиму она вообще консервируется. И, если не устраивать большого шума, мы сможем прожить там достаточно долго.

– Идея неплоха, – согласился Уве-Йорген. – Будем иметь в виду.

– Да, – подтвердил Гибкая Рука. – Там неподалеку наша точка. Куда должен был прибыть капитан.

– Решено, – заключил Уве-Йорген. – Едва начальство сюда – мы туда. Чем мы хуже молодого Властелина с его дамой сердца?

6

– Ястра... – негромко молвил Изар. Они медленно шли по аллее парка, окружавшего Летнюю Обитель Властелинов

Ассарта.

Женщина взглянула на него, опустила глаза и отвернулась.

Властелин помедлил. Почему-то ему было трудно говорить со своей будущей – официально будущей, на деле же и сегодня фактической супругой, партнером по Власти, человеком, который, по ритуалу, сам и передаст ему эту власть. Сам он уже более или менее пришел в себя – просто-напросто понял, что сделанного не вернешь, ни хорошего, ни плохого, а значит, не надо и терзаться, надо жить завтрашним, а не вчерашним днем. Ястра же, похоже, никак не могла пережить случившееся, вырваться из его когтей, почувствовать себя новым человеком, которому доступно многое, практически все, чтобы заставить себя забыть... Но вот не мог он...

– Послушай, – заговорил он снова. – Великий Порядок требует, чтобы бракосочетание Властелина со Вдовой Власти совершилось на восьмой день после печального ухода, то есть на четвертый – после воссоединения Старого Властелина с Великой Семьей.

– Я знаю, – едва слышно проговорила она.

– Не думаешь ли ты, что нам пора вернуться в город? Тебе будет там куда веселее. Нам пора готовиться к обоим событиям. Наверное, тебе потребуется что-то сшить. У меня же, как у всякого Властелина, много дел, более не терпящих отлагательства. Положение в мире не внушает спокойствия. Да и негоже в начале правления не проявить достаточной энер-

гии. Сейчас я у всех на глазах.

– Ты прав, – промолвила Вдова Власти так же тихо. – Конечно, тебе нужно быть там. Поезжай.

– Лучше – вместе. Чтобы показать, что между нами согласие.

– Между нами полное согласие, – подтвердила она, но Изару почудился в ее голосе призыв то ли иронии, то ли тоски, а может быть – того и другого вместе. Но Жемчужина Власти тут же продолжила: – Конечно, Изар, я приеду. И на проводы в Семью, и на все... Но мне хотелось бы побыть тут еще денек.

Несколько шагов они прошли в безмолвии.

– Хорошо, – сказал Властелин безрадостно. – Я сообщу, что задерживаюсь еще на день.

– Этого не нужно, – сказала Ястра. – Мне лучше побыть здесь одной. Я... Одним словом, лучше.

– Понимаю... – пробормотал Изар, ударом ноги отбросив упавшую на аллею шишку. – Наверное, ты права.

Он и в самом деле вроде бы понимал. Традиция, которую они блюли, была не то чтобы жестокой – просто возникла она в те времена, когда люди, которым следовало ее выполнять, были другими. Столетия назад изнасилование женщины, даже на глазах у всего мира, было делом, в общем, естественным; войны приучили к этому, как и к убийствам, грабежам, пожарам. В те времена, если насиловал одиночка, считали, что женщина легко отделалась. И чем иным было право пер-

вой ночи, принадлежавшее донку, если не узаконенным насилием? Но это было давно. Люди изменились, и женщины, может быть, даже в большей степени, чем мужчины. А ритуал остался прежним. Да, Изар все понимал. Однако такова жизнь, а другой жизни просто нет. Идиотизм, конечно, – силой брать то, что у тебя и так было: они с Ястрой еще два года назад пришли друг к другу, это было неизбежно, потому что Изар избегал женщин, как вообще всех людей, старый Властелин чувственной стороной жизни уже не интересовался, и Ястру сама судьба поставила лицом к лицу с Наследником. Оба они знали: этого все равно не избежать. Близость их недолго оставалась секретом, но никто не усмотрел в случившемся ничего особенного – Ястра была не единственной частью наследства, перешедшей в пользование Рубина Власти прежде, чем наследство открылось официально. Это – жизнь, говорили сановники и шоферы. Это и в самом деле была жизнь.

Но женщины – существа не всегда понятные. Особенно для Изара с его крохотным опытом.

– Хорошо, – повторил он и остановился. Ястра сделала то же. Он взял ее руку и поднес к губам.

– Тебе трудно, – сказал он. – Но ведь не я виноват.

Ее губы дрогнули, словно она хотела что-то возразить; однако промолчала, лишь кивнула в знак согласия.

– Останься еще на два дня. Дай только список – что привезти тебе из туалетов и прочего. Тогда ты сможешь прие-

хоть на Проводы на третий день утром – прямо отсюда.

Ястра на миг остановила на нем взгляд – и снова отвела.

– Спасибо, – и на губах ее возникло подобие улыбки. – Ты очень добр.

– Я... – сказал он, но продолжать не стал. Он чувствовал, что сейчас ему нужно уйти, но что-то мешало. Что-то еще хотелось сказать.

– Ястра... Ведь все останется, как было, правда?

На лице ее мелькнуло выражение боли.

– Я не опоздаю на бракосочетание, Изар. Скажу и сделаю все, что полагается. И стану твоей женой. Не беспокойся. Я ничем не хочу мешать тебе...

Ну, в этом он и так был уверен. То есть ему просто в голову не приходило – усомниться. Но не об этом же он спрашивал!

– Я о другом. Я имел в виду... любовь.

Она резко вскинула голову. Но тут же потупилась.

– Позволь мне сейчас не отвечать на этот вопрос.

Ему ответ показался ударом кинжала – снизу, в незащищенное место.

– Не отвечай, – произнес он, едва разжимая губы. – Если уж это так трудно...

Он повернулся и, широко шагая, почти бегом направился к Обители.

Не посмотрев ему вслед, Ястра так же медленно, как и раньше, пошла дальше по аллее.

Ей было жаль его – неплохого человека, чьи достоинства и недостатки за два года их близости она успела узнать и понять. Она приняла его с радостью, потому что выбирать было не из чего, то был единственно возможный для нее почти законный выход. Конечно, она заранее знала, что именно ожидало их обоих: традиция требовала, чтобы девушке, которую готовили к роли Жемчужины Власти, все было известно с самого начала: по традиции, она могла и отказаться от предназначения. Она не отказалась, потому что ее несогласие повергло бы в ужас всю семью, – отец ее был главой департамента внешних связей; она, как и полагалось, поблагодарила тогда за высочайшую честь и дала обещание под клятвой Великой Рыбы – выполнять все, чего требовал и еще потребует Порядок. Она и сейчас была готова на это.

Однако, к великому для нее счастью, ни Порядок, ни Традиции ничего не говорили о том, что она должна спать с новым Властелином в одной постели. Не говорили, потому что это само собою подразумевалось: ведь она обязана была родить второму мужу сына, будущего отцеубийцу. Именно сына, никак не дочь; теперь рождение мальчика гарантировалось генной хирургией, и все, связанное с зачатием, из области чувств перешло в ведение технологии; так что родить можно было без соития. Сейчас Ястра воспринимала это именно как счастье. Потому что на близость с Изаром – во всяком случае, в эти дни – никак не чувствовала себя способной. Наверное, что-то не так у нее было устроено, как

у других (еще в юности она знала женщин, которым насилие нравилось, они жаждали остроты чувств). Но так или иначе, после того как великий ритуал был выполнен и мужчина распластал ее на полу коридора (раньше она, минуя это заранее известное место, всякий раз смотрела на него со смесью страха и любопытства), она вдруг почувствовала, что больше не может относиться к нему так, как прежде. И уехав с ним из Жилища Власти сюда, в Летнюю Обитель, лежа в одной постели, Ястра неожиданно для самой себя воспротивилась, когда он снова захотел близости, – это после всего, что только что было! Вместо того чтобы какое-то время думать только об очищении от совершенного, он захотел того, что сейчас стало казаться ей лишь немногим лучше смерти. Это означало, что он не желал понять ее – или не мог. Она решительно запротестовала. Если бы он захотел настоять на своем, она бы... Ястра точно не знала, что сделала бы тогда, но что-то очень страшное. Недаром то была ночь убийств. К счастью, он все-таки что-то понял – или почувствовал, – и оставил ее в покое. И все-таки она не смогла уснуть до утра: боялась, что он повторит попытку. И забылась лишь после того, как он вдруг поднялся и ушел (она тогда решила, что от обиды, но оказалось – ему срочно понадобилось поговорить с Умом Совета – хотя нет, кажется, наоборот, Ум Совета попросил срочной встречи). Вчера они вообще почти не разговаривали, хотя выказывали друг другу все знаки внимания: слишком много глаз было вокруг. Сейчас она искренне ра-

довалась тому, что он уедет и хотя бы на два дня она останется в одиночестве.

Ей вдруг захотелось видеть, как он уезжает, – может быть, чтобы совершенно увериться в том, что его тут больше нет. Ястра свернула с главной аллеи на поперечную, которая вела в ту сторону, где пролежала дорога, – по ту сторону высоченной кованой ограды, надежно защищавшей парк от непрошенных визитеров. Но она, во всяком случае, увидит проезжающие машины – его и охраны. Увидит – и станет легче на душе.

Ястра пошла быстрее, чтобы не опоздать. Парк был плохо расчищен, нападало много веток, они хрустели под ногами. Аллею окаймлял густой, давно не подстригавшийся кустарник. Ястре вдруг показалось, что за кустами что-то мелькнуло. Она знала, что зверей в парке не водится, но на миг испугалась, приостановилась, потом вновь двинулась, убеждая себя в том, что ей просто почудилось. Подбежала наконец к ограде и остановилась, ухватившись за железные четырехгранные прутья, облегченно переводя дыхание. Потом подумала, что не нужно стоять здесь, на виду у проезжающих, но лучше укрыться в кустах, откуда дорога была видна ничуть не хуже, но заметить Ястру было бы не так легко. Пригнувшись, она нырнула в кустарник. И едва не потеряла сознания от страха: там, в двух шагах, действительно находился некто! Нет, не зверь – человек, почти совершенно обнаженный, покрытый густым загаром, широкий в плечах, муску-

листый, длиннорукий... Сейчас он схватит ее, опрокинет!.. Ястра вдохнула побольше воздуха, чтобы закричать. Человек неожиданно поднес палец к губам, раздвинувшимся в улыбке – или в оскале? – и она даже вскрикнуть не успела, как он исчез. Только наверху, на дереве, зашелестели листья, потом – на соседнем. С дороги слышался приглушенный рокот моторов: уезжал Изар. Ястра не сразу заставила себя двинуться с места – на четвереньках, разрывая платье о кусты, подползла к ограде и увидела, как слева машины уходят, скрываются за поворотом дороги. Она передохнула: оказывается, она забыла выдохнуть воздух, которого была полная грудь. Мгновенный шелест снова прошел по листве где-то высоко над ней, за оградой промелькнул падавший с высоты человек – нет, он не падал, поняла она, он спрыгнул с дерева, пронесся над оградой и сейчас на ее глазах мягко приземлился на согнутые ноги. Тут же вскочил и побежал – длинными, стелющимися прыжками. На дороге показалась еще одна машина. Она была не из гаража Жилища Власти, не принадлежала и никому из вельмож, в этом Ястра была уверена. Таких машин она вообще раньше не видала: эта была какая-то приплюснутая, широкая, с черными стеклами, без номеров... Завидев ее, голый прыгун метнулся к придорожной канаве и скрылся в ней – одновременно боковое стекло машины опустилось, она чуть замедлила ход, короткой дробью простучали выстрелы – и она умчалась, скрылась за тем же поворотом, который минуту назад миновала колон-

на Властелина. Ястре стало тревожно, сердце провалилось куда-то вниз, во рту пересохло. Она порывисто обернулась: почудилось, что за спиной – новая непонятная опасность... Нет, никого не было. Она перевела дыхание, почувствовала, что дрожит. Снова глянула на дорогу. Прыгающий человек успел уже выбраться из канавы и теперь легко, упруго бежал по дороге, а его, треща глушителем и лязгая расхлябанным корпусом, догонял еще один автомобиль – их тут оказалось сегодня немногим меньше, чем на ежегодной выставке, только там такую развалину не увидеть было... Рыдван поравнялся с бегуном, замедлился, распахнулась дверца, голый метнулся, скрылся внутри, дверца захлопнулась – машина извергла струю дыма, загрохотала сильнее, но, вместо того чтобы следовать за проехавшими раньше, свернула, не доезжая до поворота, на проселочную дорогу, и исчезла, затерялась среди деревьев.

Может быть, ей тоже следовало уехать в город? – подумала Ястра, все еще дрожавшая от испуга и странного возбуждения. – Жилище Власти обширно, там можно жить, даже не встречаясь с Изаром. И все равно ведь придется обитать там: другого жилья у нее просто не было.

Придется. И потому женщина решила, что останется здесь. На позволенные ей два дня. Кто знает, когда еще возникнет такая возможность – побыть совершенно одной? Бояться ей, собственно говоря, нечего: кому она нужна – опозоренная перед всем миром? Разве что любителям острых

ощущений? Ну, на этот случай есть пусть и немногочисленная, но охрана, да и у нее самой имеется пистолет, с ним она будет выходить в парк на прогулку. Жемчужине Власти с незапамятных времен полагалось иметь свое оружие. Кстати, и владеть им Ястра умела.

«Но Изару, кажется, приходится нелегко: это ведь за ним охотятся – и этот, на дереве в парке, и те, на низкой и скоростной машине. Наверное, он в опасности... – Ястра подумала об этом совершенно спокойно, как-то безразлично, словно бы это ее ничуть не касалось. Она сама удивилась собственной бесчувственности, но тут же пожала плечами: не ее вина в этом. – А чья же? Жизни? Ну, ладно, если так – жизнь дает яд, она же наделяет и противоядием. Сейчас просто не надо об этом думать...»

Она повернулась и неторопливо пошла к Обителю. Все-таки было еще страшновато: а вдруг еще кто-нибудь прячется в кроне и в следующий миг, пронесшись в воздухе, окажется тут, перед нею? Да, страшно... Но тут же она почувствовала, что была бы рада, случись так; она сама не знала почему.

Три машины, в средней из которых находился Властелин, были уже невдалеке от выезда на магистральную дорогу, когда в задней из них произошло некоторое движение.

– Кто-то настигает нас. Прытко, – негромко проговорил тот охранник, кому следовало наблюдать за дорогой через заднее стекло. Двое, сидевшие рядом с ним, смотревшие по

сторонам, оглянулись; старший, располагавшийся рядом с водителем, секунду-другую смотрел в зеркало.

– Всем наблюдать за своими направлениями, – напомнил он. И еще всмотрелся, повнимательнее. – Военная машина, – определил он. – Дорожный разведчик. Только перекрашена под гражданскую. Оружие к бою!

Двое из сидевших сзади изготовили автоматы, третий был вооружен гранатометом.

– Первая, вторая! – заговорил старший в микрофон. – Сзади военная машина. Идет на высокой скорости, быстро сближается. Никаких предварительных сигналов мы не получали. Подозреваю умысел. Открою огонь, как только окажется на дистанции выстрела.

– Увеличим скорость, – донеслось по радиации из головной.

– Думаю, этого не надо делать. Возможно, нас и хотят заставить разогнаться – чтобы в случае внезапного возникновения препятствия нельзя было избежать катастрофы. Как только сможете, открывайте огонь на поражение. А сейчас зажгите сигнал: «Обгон запрещен. Прошу уменьшить скорость». Помогите основательно, чтобы они обратили внимание.

– Понял вас.

На задней панели охранной машины яркими буквами вспыхнуло табло. Погасло, вспыхнуло, еще и еще раз. Одновременно замигал голубоватым лучом задний прожектор, и красным – три расположенных треугольником предупрежда-

ющих фонаря.

– Сигнал подан.

– Как реагируют?

– Продолжают приближаться.

– Будете отбиваться сами. Я остаюсь в голове колонны. подозреваю засаду. Тут впереди удобное место: выезд из леса, там не одну машину можно укрыть... На случай их огня – старайтесь все время закрывать номер второй.

– Ну, для маневра дорога узковата... Но я вас понял. Они...

– Что у вас?

– Они открыли крышу. Безоткатное орудие.

– Правильно, дорожный разведчик. Не ждите...

Выстрелы ударили одновременно с обеих сторон. Машины мчались зигзагами, шарахаясь от обочины к обочине. Попасть было трудно. В воздухе свистели пули и осколки бетонного покрытия дороги. По сторонам падали срезанные пулями и гранатами ветви деревьев. Высоко, словно жалуясь, выли мощные моторы.

– Черт побери!

Это крикнули в первой машине.

– Что у вас?

– Проколы! Сразу два! Наверняка засада – это тут, рядом! Вторая сейчас попытается проехать, оседлав кювет, – может быть, там шипов нет. Прикрывайте ее! Я вынужден остановиться, преследователя приму на себя, попытаюсь нейтрали-

зовать и засаду...

– Вас понял, выполняю. Они показались?

– Медлят... Вперед, вперед! Магистраль совсем рядом, больше перекрестков не будет.

– Вызвали подкрепление?

– Вызываю. Вы дублируйте.

– Наша дальняя разбита пулей. Уходим. Желаю удачи!

– Взаимно... У вас все целы?

– Не совсем. Но боеспособны. Сейчас дадим по ней последний, прощальный...

Коротко фыркнул гранатомет с задней машины. Секунда – и гулкий взрыв.

– Первая! Мы достали его! Достали! Порядок!

– Что с ним?

– С ним – все! Замедляю скорость. Вернусь к нему. Для верности.

– Опасайтесь ловушки!

– Ну уж нет! У него, похоже, сдетонировал боезапас. Такое изобразить нельзя. Вряд ли там хоть один выжил.

– Согласен, проверьте. Я и вторая ждем здесь.

– Смотрите и вы – насчет засады...

– Кажется, ее не было. Сейчас, пока меняем баллоны, мы сходим тут на разведку. Может быть, они тут были, но не решились...

Они, точно, были. И, наверное, решились бы. Тяжелый грузовик стоял на лесной дороге, мотор урчал на холостых

оборотах. Шестеро в штатском располагались в машине и близ нее, вооруженные автоматами, пистолетами, у двоих – лазерные фламмеры, у каждого – сумка с ручными гранатами.

– Без единого выстрела... – с некоторым удивлением сказал начальник охраны, старый десантный волк. – Кинжалом. Каждого – с одного удара.

– Спали они тут, что ли?

– Не верится...

– Кто же это их так? Какой умелец?

– Нет, – сказал начальник охраны. – Их было, самое малое, двое. – Он медленно шел, вглядываясь в дорогу, на которой четко пропечатались следы. – Непонятно, откуда взялись: вот тут следы начинаются с пустого места... С неба прыгнули, что ли?

Он прошел еще дальше.

– Ага, тут была машина. Другая, не грузовик. Легковая. Не пойму только, что за марка; вроде старье какое-то, времен Ленка Фаринского... Подъехала, тут стояла, развернулась, уехала в лес, откуда пришла. Просто чудеса какие-то...

– Слава Рыбе, мы выкрутились. А могло быть похуже.

– Могло быть и совсем плохо. Задумали они разумно. Но кто-то помешал. Ладно. Двое остаются здесь пока что. А мы – в столицу.

Меня взяли под руки, вежливо, но крепко, и повели. Еще даже не успев как следует прийти в себя после переброски, я понял, вернее – почувствовал, что посылку под названием «Капитан Ульдемир» доставили не по адресу: я помнил, что должен был оказаться на планете (хотя название ее восстановилось в памяти не сразу), а тут было явно что-то другое. Человеческий организм определенным образом реагирует на присутствие крупных тяготеющих масс – и, напротив, на их отсутствие; на планетах или околопланетных орбитах мы этого не ощущаем – просто не с чем сравнивать, – но с опытом путешествий в открытом космосе такое чувство вырабатывается и уже не исчезает. И вот сейчас я был уверен, что ни звезд, ни планет в непосредственной близости не имеется; что-то неуловимое подсказало мне, что я нахожусь в какой-то системе, напоминающей Ферму, хотя это наверняка была не она.

Меня то ли провели, то ли протащили по коридору и втолкнули в большую, хорошо освещенную комнату. Невольно я зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел перед собой целую компанию – человек пять или шесть, они почему-то никак не сосчитывались точно. Одного из них я сразу же определил как хозяина дома: что-то было в нем общее с Мастером, хотя внешне они были совершенно не по-

хожи друг на друга; еще один запомнился сразу: здоровый, топорный амбал.

Не дожидаясь, пока мне предоставят слово, я заговорил и с ходу произнес что-то около трехсот слов. Слова были русские, и каждое из них в отдельности ни один из тех, к кому я обращался, не смог бы понять, даже будь у него в руках словарь; однако я очень надеялся, что генеральный смысл всего сказанного до моих собеседников дошел, хотя бы благодаря интонации. Правда, слово «собеседники» тут не совсем точно передает обстановку: они, безусловно, хотели бы выйти на трибуну, но я им не позволял, и едва кто-нибудь из них разевал рот, как я снова открывал огонь на поражение. Так что, когда мне потребовалось подвезти боеприпасы, они этому страшно обрадовались и заговорили все сразу – очень уж они измолчались, пока я солировал, и грянули враз, словно бы нашей целью было – исполнить концерт для барабана с оркестром, где ударные, конечно, принадлежали мне. Оркестр вступил, я помахал ладонями около ушей, тогда они спохватились, быстренько разобрались в колонну по одному, и направляющий приступил к просветительской деятельности.

– Господин капитан! – сказал он мне. – Мы претендуем на спокойную и содержательную беседу. Мы не думаем, что ее можно заменить извержением вулкана.

Он говорил на каком-то языке, которого я не знал, но тем не менее прекрасно понимал сказанное.

– Вот и зашли бы ко мне вечером, – ответил я. – Посидели бы за чашкой чая или чего-нибудь другого, в тех же тонах и потолковали бы по душам. Тогда у нас было бы больше шансов для взаимопонимания. А сейчас? Вы, без всякого на то основания, перехватываете меня на точке Таргит, так что вместо того места, где мне следовало бы сейчас находиться, я оказываюсь в какой-то дыре в обществе нескольких подозрительных типов и вынужден выслушивать разные глупости – вроде той, что все это сделано только ради удовольствия видеть меня. Спокойную беседу! А вы на моем месте стали бы беседовать спокойно?

– Да, господин капитан, – соврал он, даже не покраснев при этом. – Я, да и любой из нас, на вашем месте стал бы вот именно беседовать спокойно. И в этой беседе постарался бы как можно скорее установить, во-первых, кто мы такие, во-вторых, куда и, в-третьих, зачем мы вас переместили. Так поступил бы любой здравомыслящий человек.

Должен признаться, что говорливый тип довольно точно изложил ту программу, которую я и сам успел выработать и единогласно (одним голосом при отсутствии прочих) принять. Я и начал, собственно, ее выполнять, только они этого не усекли – их обучали тактике совсем в другом заведении. Я провоцировал их на откровенность, а они решили, что я просто ругаюсь, чтобы стравить пар. Но раз они вроде бы не собирались далеко прятать свои намерения, можно было и принять их подачу и посмотреть, как пойдет игра дальше.

Кто знает – может, и на их подаче я смогу выиграть гейм.

– Не могу сказать, чтобы вы были правы, – ответил я, несколько убавив громкость, – но в качестве временно исполняющей обязанности истины вашу концепцию можно и принять. Итак, считайте, что я уже спросил вас: кто вы? Где мы находимся? Зачем я здесь нахожусь и почему? Дополнительные вопросы: долго ли я здесь буду содержаться и когда смогу благополучно завершить свое путешествие. Ваш черед. Если требуется небольшая преамбула – пожалуйста, я настолько терпелив, что перенесу и ее.

Собеседник посмотрел на меня с некоторой, как мне показалось, печалью во взоре.

– Господин капитан! – молвил он. – Хотелось бы, чтобы наш разговор был не только спокойным, но и серьезным. Очень серьезным. Впрочем, вы и сами понимаете, что без достаточно веских причин никто не идет на нарушение Генеральной Транспортной Конвенции, что всегда чревато серьезными неприятностями. Так что будет только лучше, если вы перестанете...

Тут у него, видимо, возникло затруднение с лексикой, и он зашептался со своей бандой, они что-то наперебой стали ему подсказывать, – на этот раз я не понял ни слова, – после чего он вернулся к тексту:

– Будет только лучше, если вы перестанете опрокидывать глупого.

Мне пришлось пустить в ход все мои врожденные способ-

ности, благодаря которым я понял сразу три вещи. Прежде всего – что оратор высказал пожелание, чтобы я перестал валять дурака. И что язык, которого я не знал, но почему-то понимал, оказался русским, но в непривычной для моего слуха аранжировке. (Что означало, что я вдвойне прав: никто из нас русского языка толком не знает, и чем дальше, тем хуже; однако когда к нам обращаются по-русски, мы понимаем.) И третье – что если у них и есть какая-то информация обо мне, то она далека от полноты; в противном случае им было бы известно, что человек я достаточно мрачный и валять дурака (о, как вульгарно!) начинаю только тогда, когда дела идут – хуже некуда и известный жареный петух уже поставил клюв на боевой взвод. Ну что же – пусть думают, что я чувствую себя легко и весело. Уверенность противника в своих силах всегда несколько сбивает пыл атакующих; а сейчас инициатива была, безусловно, у них, я же играл свободного защитника.

– О'кей, – сказал я. – Могу перестать. Но уж если серьезно, то серьезно. Без финтов ушами. Итак: вследствие каких причин я оторван от горячо любимой семьи и преданных друзей? На обдумывание дается одна минута.

– Господин Ульдемир, – сказал он с погребальной серьезностью. – Прежде всего, как вы выразились, преамбула. Нам известно, кто вы. На кого работаете. Кто послал вас в Ассарт. И с какой целью. Вряд ли надо говорить об этом подробнее, потому что все это вы и сами прекрасно знаете. Теперь то,

чего вы совершенно не знаете. Мы вовсе не собираемся помешать вам в выполнении поставленной перед вами задачи. Наоборот, хотим предельно облегчить это нелегкое дело. Мы намерены заверить вас, что с нашей помощью вы исполните все быстро и успешно. Без нее вы вообще ничего не исполните.

– Откуда такая уверенность? – не удержался я.

– Потому что без нашего согласия вы отсюда вообще не выйдете. Никогда и никуда.

– Ясно, – кивнул я.

– Считаю необходимым добавить: если неприятное постигнет вас именно здесь, то уж на Ферме вы никогда не окажетесь.

Пока он грозил, у меня где-то в затылочной части головы стали складываться некоторые соображения. Но показывать это сейчас никак не следовало. Так что я ответил лишь:

– Ну, предположим, что так. Что вы хотите мне предложить?

– Сотрудничество.

– В чем же?

– Я уже сказал: в выполнении вашей задачи. Все дело в том, что необходимо видоизменить эту задачу – в некоторых деталях. От этого она не делается сложнее. Ни в коем случае.

– Ближе к телу, – сказал я. Впрочем, они не уловили фонетического расхождения.

– Чтобы подойти ближе, – ответил он мне, – сначала отойдем подальше. Чтобы проблемы стали видны нам, так сказать, в общем виде.

Я вздохнул.

– Что же, если без этого никак нельзя...

– Увы, никак нельзя. Но я полагаю, что мы можем продолжить нашу беседу за столом. Вы ведь проголодались, господин капитан?

Вот это уже была сама истина, а не временная концепция. Мне оставалось только склонить голову.

– Где вы предпочли бы: здесь или на воздухе?

– Дождь не идет?

– Нет, господин капитан. Здесь никогда не бывает дождя.

Я так и думал.

– Тогда на природе.

– О'кей, – сказал он и вызывающе посмотрел на меня.

С полчаса, или около этого, за столом все молчали, и я успел убедиться, что в этой игре они ничуть не уступают мне. Правда, все было вкусно, хотя некоторых блюд (например, фаршированного скорпиона – или его ближайшего родственника – под каким-то зеленым с разводами соусом) я так и не решился отведать, боясь несварения. И лишь когда мы прошли примерно две трети дистанции, разговор возобновился. Один из них (всего, как я окончательно установил по числу тарелок, было пятеро, но один то и дело раздваивался, и

тогда я на всякий случай придерживал свою тарелку) – не тот, что открывал конференцию, обнажил длинные, янтарного оттенка зубы и произнес:

– Итак, господин Ульдемир. Вам выпала. Редкая возможность. Присутствовать. В резиденции. Охранителя. Которая называется. Застава. В, может быть. Переломный момент. Развития Вселенной...

Он весь свой реферат – не из самых коротких – продекламировал в такой манере: похоже было, что во рту у него больше двух слов сразу не умещалось и каждую новую пару подавали откуда-то с большой глубины. Я попробую изложить смысл его высказываний обычным языком; если подсунуть вам стенограмму, боюсь, вы начнете думать обо мне еще хуже, чем я того заслуживаю.

Так вот, прежде всего он сообщил, что я нахожусь на «Заставе». Попросил обратить внимание на пейзаж. Это я уже успел сделать, как только мы вышли из резиденции – в отличие от Фермы, тут дом был сложен из массивных каменных плит, – и несколько удивился увиденному. Вокруг простирался черный песок со вкраплениями камней; ни травинки, ни кустика, что уж говорить о деревьях. По-видимому, мы – пятеро или шестеро и я – были здесь единственными представителями какой бы то ни было жизни. Ни птиц, ни насекомых, ни единого водоема тоже не было в поле зрения, в котором горизонт так же располагался где-то наверху, образуя подобие чаши – только напиться из этой чаши было нельзя.

Ну что же, о вкусах не спорят. Можно было подумать, что у существа, которым все это было задумано и осуществлено, была стойкая идиосинкразия к зелени (допустим, в детстве поел немытых овощей или ягод, заработал понос и возненавидел все, что растет из почвы), – если так, пейзаж оставался его личным делом. Но дальнейшие откровения показали, что причины были куда более глубокими и, пожалуй, не столь безобидными являлись следствия.

– Мое имя, – сказал тогда докладчик и очень красивым жестом ткнул в себя, – Охранитель. Я издавна знаю и Фермера, и Мастера. Когда-то мы вместе постигали одни и те же премудрости, но потом оказалось, что мир мы воспринимаем совершенно по-разному и представления о его судьбе у них и у нас совершенно противоположны. Поймите, капитан: мы не враги в обычном смысле этого слова, то есть я не желаю никому из них, да и никому из тех, кто с ними работает, ничего плохого. Но мы – люди противоположных взглядов. Мы по-разному понимаем, что хорошо для мира и что плохо. Это, так сказать, исходная предпосылка. С их точки зрения я глубоко и опасно неправ, с моей – наоборот. Если бы все оставалось в умозрительной сфере, наши расхождения вряд ли заслуживали бы серьезного разговора. Но они стараются реализовать их на практике, и я вынужден делать то же. Как и у них, у меня достаточно своих эмиссаров, которые выполняют мои поручения не хуже, чем вы – задания Мастера или Фермера. То есть существует противостояние,

в котором ни один не обладает решающим перевесом. Вам понятно то, что я изложил?

– У вас несомненный талант популяризатора, – признал я. – Но я не сумел уловить: в чем же заключается расхождение? Безусловно, вы это сказали, но я порой с трудом постигаю фундаментальные истины.

– Нет, – ответил он совершенно серьезно. – Я только собирался сказать это. Хотя, конечно, к каким-то выводам вы могли уже прийти самостоятельно. Поскольку вы знаете суть воззрений Фермера и Мастера.

– Ну, в моем постижении, – сказал я, так как видел, что они ждут моего ответа, – их воззрения – это развитие Вселенной, вернее, развитие жизни во Вселенной, как главного условия продолжения ее существования (уф! Вот такой период я одолел без запинки). Развитие – качественное и количественное – разумной жизни. Это благородная деятельность по насаждению жизни и ее охране.

По их лицам прошли улыбки, а один из них, тот, что постоянно раздваивался, от восторга разделился даже на три ипостаси.

– Охрана – это очень хорошо, – сказал дирижер. – Но Охранитель – это я.

– Ну что же, – сказал я. – Чем больше, тем лучше.

Они поулыбались еще немножко и скисли.

– Главное заключается в том, – сказал докладчик, – что же нуждается в охране, а что, напротив, в ней не нуждается.

– Ну, – сказал я, – мне как-то не кажется, что в охране нуждаются, например, камни. Или... хотя бы газовые туманности.

– Вот здесь вы очень ошибаетесь, – сказал Охранитель. – Они как раз и нуждаются. Они, а не растения или животные...

– Или даже человек, – закончил я его интересную мысль.

– Даже человек, – согласился он, – нуждается в охране вовсе не в такой степени, как кажется Фермеру... и всем вам.

– Это интересно, – сказал я, потому что это действительно становилось интересным. – Может быть, вы объясните подробнее? Не забудьте, я ведь просто человек с планеты, и то не самой развитой.

– Но ведь именно для этого мы вас и пригласили! – воскликнул Охранитель, а остальные скорчили такие рожи, словно я их обидел.

– Я вас внимательно слушаю.

– Конечной целью, так сказать, сверхзадачей вашей стороны является заселение Вселенной целиком. Разумная Вселенная. Прекрасная, благородная задача – на первый взгляд. Но стоит вдуматься – и вы увидите, насколько она несостоятельна.

– Помогите вдуматься, – попросил я.

– С удовольствием. Ваши взгляды можно критиковать с разных позиций. Начнем с простого примера. Нам не очень многое известно о планете, на которой началась ваша лично

Планетарная стадия – хотя, как видите, мы даже знакомы с вашим языком. Скажите, если смотреть с точки зрения планеты, на которой вы родились: много ли добра принесло ей возникновение на ней разумных существ? Или, может быть, вреда оказалось больше?

– Стоп, стоп, – сказал я. – Вы рассуждаете так, словно планета – разумное существо. Во всяком случае, живое.

– Планета – часть мира, не так ли? Как и вы сами. Если ей нанесен ущерб – то он нанесен и всему миру, и вам – верно?

– Опять вы за свое! Что значит – планете причинен ущерб? Ну ладно, согласен – сведены леса, опустошены недра, отравлены воды и воздух... Но что до этого планете? Она же не живая, я уже сказал вам!

– Сказали, и я это услышал. Но, может быть, вы знаете, что такое жизнь и где проходят ее границы? Тогда поделитесь знанием с нами, потому что нам это неизвестно. Или, может быть, это все-таки находится вне нашей компетенции – хотя бы потому, что не мы сотворили жизнь, но сами были сотворены вместе со всей прочей жизнью?

– Ну, если судить по-житейски...

– Нет! Если речь идет о судьбе Мироздания, какое тут может быть житейское суждение! Оно – для вашей кухни, не более. Итак, что такое жизнь, мы не знаем. Зато знаем другое: до нашего с вами появления в мире он развивался по определенным законам. Потом явились мы. Нам показалось, что на дворе прохладно. Мы решили согреться. И подожгли

дом, в котором живем. Дом горит. Сейчас мы еще греем руки. Но он догорит, рассыпется угольками последняя голова. И что тогда?

– Но вы ведь знаете, мы вовремя спохватились! И больше не будем...

– Во-первых, я вовсе не уверен, что не будем! Для нас всегда самое важное – погреть руки сейчас, а завтра – пусть будет, что будет. А во-вторых – вовремя спохватились как раз мы! – Охранитель широким жестом обвел остальных четырех с половиной. – Мы поняли: расселение людей не нужно! Оно вредно! Смертельно опасно! Это процесс, который приведет к гибели мира, потому что разум эгоистичен и недалек!

– Ну, и что по-вашему – заняться истреблением рода людского? Всей жизни вообще? Чтобы мир стал таким, как вот у вас здесь: песок и камни – и ничего более?

– Не надо изображать нас человеконенавистниками. Мы не таковы. Поскольку человек не сам создал себя, можно верить в необходимость его существования. Он нужен как инструмент постижения миром самого себя. Но не более! Он – зеркало. Но в мире, состоящем из одних зеркал, недолго сойти с ума. Представьте себе комнату смеха метагалактических масштабов! Страшновато? Нет, наша позиция такова: что есть – да пребудет. Но – не более! Дадим миру отдохнуть от нашей экспансии! Вместо этого займемся собой. Пусть каждый микрокосм – и вы, и я, каждый! – станет открытым для всех остальных, пусть каждый станет звездой среди про-

чих светил – и тогда начнем думать о дальнейшем. Сейчас – это просто преступление, и помогать в его осуществлении способен только безумец – или преступник. Вы – не тот и не другой. Зачем же вы помогаете им?

Не знаю, может быть, он ожидал моих возражений; но я промолчал. Не то, чтобы признал его правоту, – но что-то в его речах было, в чем следовало разобраться на досуге.

– Капитан Ульдемир! Скажите: вы пойдете с нами?

Я вдруг почувствовал усталость. Мне больше не хотелось ни с кем полемизировать. И тем менее – принимать какие-то решения.

– Вы, однако, не сказали, – ответил я, – чего вы хотите именно сейчас и именно от меня. Ведь не всех же соратников вы вербуете таким способом! Или как раз таким?

Охранитель кивком головы переадресовал мой вопрос одному из тех трех-четырех, что до сих пор лишь слушали, помалкивая в тряпочку. Тот пренебрег вопросом о способах вербовки и сразу схватил быка за рога.

– Вот чего мы хотим, – молвил он негромким и даже приятным голосом. – Фермер и Мастер, как нам – и вам тоже – известно, принимают меры к заселению ближайших шаровых скоплений. Как известно, первая попытка не удалась...

«Теперь можно понять почему», – подумал я, но высказываться по этому поводу не стал, предпочтя слушать дальше.

– ...теперь предпринимается вторая. И поэтому вас послали сюда. Не так ли?

– Откуда мне знать, что в голове у начальства, – сказал я, но это положение не нашло поддержки среди присутствующих.

– Ну-ну, господин капитан, вы же прекрасно знаете, да и не в обычае Мастера – посылать эмиссара, не объяснив задачи. Вас послали сюда, чтобы вы постарались разобраться в том, что происходит на восемнадцати обитаемых планетах этого региона, чтобы потом принять меры к установлению здесь длительного мира. Ибо только в условиях длительного мира и научно-технического сотрудничества возможна космическая экспансия такого масштаба, как заселение и колонизация планет в других скоплениях. А другого пути нет, это вы тоже знаете. Вам предстояло сыграть роль разведчика, а если окажется возможным – и миротворца-невидимки. К счастью, это стало известно нам. Каким образом? Можете предположить, что среди окружения Мастера у нас есть сочувствующий нам человек, но можете и не предполагать: весь замысел настолько поддается простому логическому анализу, что затруднение может возникнуть лишь в определении личности эмиссара. Это было бы крайне просто, если бы Мастер послал одного из постоянно действующих эмиссаров; все они нам известны. Но именно поэтому он так не сделал, и нам еще до начала действий было ясно, что он выберет кого-нибудь из своего резерва, но имеющего достаточный опыт самостоятельной деятельности в иных цивилизациях. Безусловно, нам пришлось приложить усилия,

чтобы обнаружить вас. Но к моменту, когда вам предстояла пересадка на точке Таргит, мы уже все знали. Техническая же часть не представляла трудностей...

– Вам повезло с этой пересадкой, – вставил я. Он усмехнулся:

– Безусловно, безусловно. Но везет, как правило, тому, кто ищет везения. И даже создает какие-то предпосылки для него.

Я снова кивнул и сделал еще одну зарубку в памяти.

– Теперь перейдем непосредственно к вашей задаче. Как ни прискорбно, но в существующей обстановке нам не нужен мир в этом скоплении. Напротив. Чем меньше будет в нем порядка, тем лучше. Потому что во времена беспорядков государства используют корабли и десанты не для заселения далеких миров, а для борьбы с ближайшими. Да, вы можете сказать, что это негуманно, и прочее. Мы и сами уже не раз говорили себе все это. Но может быть, вы знаете другой способ охранить Вселенную от преждевременной человеческой экспансии? Нам такой способ неизвестен. У вас он есть?

Я лишь пожал плечами.

– Мы были уверены, что нет. Таким образом, вам придется направить свои усилия на Ассарте на создание не мирной, но военной ситуации. Только при таком условии вы вообще попадете туда. Вы нам верите?

В этом я им верил: если уничтожение людей в межпланетной войне, – тысяч, десятков, а может быть, и сотен тысяч

людей их не смущало, то жизнь одного эмиссара и подавно. Я сказал:

– Не вижу оснований сомневаться в ваших словах. Однако, думается, вы хватили через край. Я был послан, собственно, для сбора информации, не более того. Вы же требуете от меня куда большего: влияния на власть обширной державы. Боюсь, вы переоцениваете мои скромные возможности.

– Господин Ульдемир! На первый взгляд, сказанное вами выглядит убедительно, но лишь на первый. Мы знаем, что, разобравшись в обстановке, вы так или иначе вмешаетесь в нее. И не вы один: нам известно, что у вас имеется группа поддержки. Эти люди уже там, на Ассарте.

– Вам удалось убедить их? Я спрашиваю не из пустого любопытства.

– Да-да, разумеется... – Тут он сделал секундную паузу. – К сожалению, они прошли точку Таргит раньше, чем мы успели принять меры. Так что убеждать их придется вам. Впрочем, насколько нам известно, они привыкли верить вам – поверят и на этот раз. Теперь вам ясно, чего мы от вас ожидаем.

– Куда уж яснее, – согласился я.

– Итак: вы согласны? На прямой вопрос мы ожидаем столь же откровенного ответа. Мы знаем, что вы человек слова.

Выходит, они знали обо мне даже то, в чем сам я далеко не был уверен. Однако пользоваться хорошей репутацией всегда приятно, а если она не вполне заслужена – тем более.

Поэтому я приятно улыбнулся и сказал:

– Благодарю вас за лестное мнение.

– Следовательно – да?

– Мне нужно подумать.

– К сожалению, мы вынуждены принимать быстрые решения. Обстановка заставляет. Долго вы будете думать?

– Пять минут.

– Мы даем вам пять минут. Думайте. Мы не станем вас тревожить.

Можно было ожидать, что после этих слов они деликатно оставят меня в одиночестве; не тут-то было. Никто из них даже не пошевелился; все остались на своих местах. Они не двигались и не проронили ни полсловечка; но взгляды их, острые и немигающие, были прикованы к моему лицу и рукам, чьи движения часто выдают ход мысли, потому что человек в первую очередь думает о выражении лица, а о пальцах забывает. Я постарался не забыть.

Собственно, думать было не над чем, и я попросил это время главным образом потому, что мгновенное согласие кажется более подозрительным, чем данное по зрелому размышлению. В человеке, которому предложили переметнуться во вражеский стан, должна происходить некая внутренняя борьба – если только он не беспринципный авантюрист; но я знал, что так плохо они обо мне не думают.

Борьба должна быть серьезной. И я постарался всеми способами показать им, что схватился сам с собой не на жизнь,

а на смерть. Тогда как на самом деле я успел решить для себя все, еще пока они договаривали свои тексты. Репутация человека слова стоит, конечно, немало. Но она – мое личное достояние, и я вправе распоряжаться ею, как мне заблагорассудится. И если ты готов ради какого-то дела пожертвовать другим своим достоянием – жизнью, – то можно принести в жертву и репутацию. Хотя, откровенно говоря, порой она бывает дороже жизни.

Прошло уже минуты три из дарованных мне пяти, когда тишину нарушил сам Охранитель.

– Капитан! – сказал он. – Я вижу, что вам думается нелегко. Весы колеблются. Поэтому позвольте мне бросить на одну их чашу некое обещание. Если вы сделаете для нас все возможное – я не говорю, заметьте, «все, что нам нужно», но лишь – что сможете, то у вас не будет проблем в воссоединении с той женщиной, по которой вы так глубоко тоскуете. Причем воссоединение это произойдет не на условиях Мастера – только в пределах Фермы, – но там, где вы захотите. Потому что мы можем повторить ее планетарный цикл. У нас есть такие возможности. Я бы сказал даже, что наши возможности неисчерпаемы.

Честно говоря, то был удар ниже пояса. И как от такого удара я внутренне согнулся.

– Это вы могли сказать и раньше, – проговорил я слегка севшим голосом.

– Я понимаю, капитан, – продолжал он, слегка улыбнув-

шись, — что это новое обстоятельство вам тоже нужно всесторонне обдумать. Мне не нужны поспешные решения: бывает, от мгновенных обещаний так же скоропостижно и отказываются. Поэтому сейчас вас отведут в спокойное место, где вы сможете поразмыслить глубоко и всесторонне, и лишь после этого сообщите мне ваш окончательный вывод.

— И если я все же не соглашусь?

— Увы! — Охранитель развел руками. — Я предупредил вас еще в самом начале нашей содержательной беседы...

— Помню, — кивнул я. — Хорошо. Мне действительно нужно как следует подумать.

— Желаю вам ясного мышления, — напутствовал меня Охранитель. После чего меня вывели — снова под руки, словно дряхлую вдовствующую императрицу или еще кого-нибудь в этом роде.

Вероятно, Охранитель полагал, что рассудок мой успешнее всего будет работать в небольшом помещении с надежным запором; во всяком случае, именно в такое место меня водворили. Обстановка была под стать монастырской: жесткая коечка, столик, два стула, одна массивная дверь и ни одного окна. Что же — выбирать не приходилось, поскольку платы за постой с меня до сих пор не требовали. Я уселся на стул в ожидании, пока мой конвоир не оставит меня наедине с моими мыслями.

Однако он, похоже, даже и не собирался ретироваться.

Напротив, он взял один из стульев, поставил его рядом с дверью, попробовал пошатать – видно, чтобы убедиться, что стул не разъедется под его тяжестью и не убежит из-под него, как взыгравший жеребчик, – а после этого испытания на прочность плотно уселся и еще поерзал, устраиваясь поудобнее. Это, вероятно, должно было означать, что страж мой утвердился здесь всерьез и надолго.

– Парень! – сказал я ему нетерпеливо. – По-моему, тебя там заждались, тебе не кажется?

Он ухмыльнулся и доложил, что ему не кажется.

– Тогда, может быть, ты уйдешь просто так?

Он дал понять, что не собирается.

– Ты что же, – сказал я ему, – не слышал, зачем меня сюда отправили? Чтобы я мог подумать, не так ли?

Он кивнул.

– Ну, а как же я могу думать в твоём присутствии?

Ему понадобилось некоторое время, чтобы обдумать мой тезис. Потом он пожал плечами.

– Ну и что?

– Слушай, тебе случалось когда-нибудь в жизни думать?

Тут он заподозрил, что я над ним смеюсь, и нахмурился.

– А тебе какое дело?

– Если бы приходилось, – пояснил я, – то ты бы знал, что думание – это процесс очень интимный. Самый интимный, может быть. И присутствие посторонних ему совершенно противопоказано.

Кажется, слово «интимный» у него с чем-то ассоциировалось, и он ухмыльнулся. Но «посторонний» ему явно не пришелся по вкусу.

– Это я, что ли, посторонний? – спросил он мрачно.

– Ага, – согласился я. – Не я же!

Он поморгал, сосредоточенно глядя на меня. Похоже было, что ему очень захотелось дать мне в ухо – или еще куда-нибудь. Но он сделал усилие и сдержался.

– Ты давай, думай молча, – посоветовал он. – И не сердись на меня. Я ведь и стукнуть могу. И ничего мне не будет. Потому что тебе все равно крышка.

Слышать это было, конечно, не очень приятно, но я и глазом не моргнул: и без его слов я понимал, что положение мое вполне можно было назвать критическим.

– Стукал один такой, – сказал я. – И куда покрепче тебя был.

– Ну и что? – Он не удержался, как я и думал, – спросил.

– Очень пышные похороны были. Все очень жалели. Он, в общем, и неплохой человек был, только глуповатый: стукнуть захотел.

– Ну ты! – сказал мой страж угрожающе.

– Не бойся, – успокоил я его. – Сегодня я в добром настроении, так что можешь сидеть спокойно, если уж тебя ноги не держат. Я потерплю. Хотя несет от тебя, правду сказать, как из болота. Ты хоть иногда умываешься?

– Чего-о?

– Умываться, понимаешь? Ну, это когда берут воду, жепательно и мыло, и при помощи одного и другого удаляют с себя грязь. Не понял еще?

Я понимал, что перегибаю, но другого выхода просто не видел. Надо было поторапливаться: я не знал, когда Охранитель снова потребует меня, чтобы выслушать мой отказ. Мне обязательно нужно было перехватить инициативу еще раньше. Потому что из всей нашей долгой беседы я сделал один серьезный вывод: все то, что он мне пел там, была чистой воды липа: принципиальные вопросы такого типа, как судьба Вселенной, не решают при помощи перехвата чужих эмиссаров и прочей уголовщины. Здесь явно готовилось что-то куда более сиюминутное и конкретное. И раньше, чем я приложу усилия, чтобы убраться отсюда подобра-поздорову, мне нужно было хоть в общих чертах уяснить – что тут затевается. А для этого требовалась свобода передвижения – хотя бы в пределах Заставы. Свобода же начиналась с устранения этого типчика.

Впрочем, сейчас он уже не сидел, привольно развалившись. Он весь собрался, готовый вскочить в любую минуту. Кажется, желание поговорить со мной по-мужски уже вызрело в нем до такой степени, что вот-вот должно было посыпаться зерно. Оставалось добавить совсем немного.

– Ну, я вижу, насчет умывания ты не специалист, – констатировал я печально. – А в чем ты специалист? На что ты вообще способен, кроме сидения на стуле? А, да, жрать ты

здоров – это я еще за столом заметил. Жаль только – у тебя все в жир уходит. (Мой собеседник плотно стиснул челюсти и засопел носом, все громче и громче; мне это понравилось.) А ты еще хочешь, чтобы тебя боялись. Вот смотри: я сейчас подойду и дерну тебя за нос – и ничего ты мне не сделаешь...

И я на самом деле встал, в три шага приблизился к нему и решительно вытянул руку в направлении его носа.

И тут он наконец взорвался. Толчком метнулся вперед (стул отлетел и с треском впечатался в стену), заранее вытянув руки с увесистыми кулаками. Кажется, он пытался что-то сказать, но получилось одно лишь громкое шипение – словно челюсти его свело судорогой и он не в состоянии был разжать их.

Ярость, однако, не заменяет умения. Мне и до того представлялось, что драться этот парень любит, но не умеет – я имею в виду профессионально. И выпад у него можно было лишь улыбнуться. Он, конечно, заслуживал того, чтобы поиграть с ним, однако я чувствовал, что времени у меня в обрез, и поставил ему мат в один ход, легко уклонившись и рубанув его ребром ладони в переносицу. Это серьезный удар. Страж упал и выбыл из строя, думается, надолго.

Секунду-другую я постоял, прислушиваясь. Кажется, наша возня не привлекла ничьего внимания. Я осторожно отворил дверь. Тихо. Я двинулся по коридору – бесшумно, как меня учили на Ферме. В доме царил покой, где-то недалеко звучали голоса. Я определил направление. Приблизил-

ся, остановился перед двухстворчатой дверью. Она вела в то самое помещение, в котором мы вели переговоры; я установил это, потому что такая дверь была тут единственной, остальные – попроще, одностворчатые. Я вслушался. Говорили двое. Один голос я узнал сразу: то был Охранитель. Другой, низкий и хрипловатый, принадлежал, как мне припомнилось, тому здоровенному мужику, которого я тоже отметил с первого взгляда. К сожалению, начало разговора прошло без моего присутствия, но и продолжение его оказалось достаточно интересным.

– ...Непростительно. Две попытки – и обе неудачны. Вы потеряли время, Магистр, и не выиграли ничего. Я начинаю сомневаться, способны ли вы вообще добиться успеха.

– Стечение обстоятельств, Охранитель, способно разрушить даже самые лучшие планы. Но в третий раз осечки не будет.

– Наоборот, теперь она гораздо более вероятна. Они там не младенцы и понимают, что два покушения – это уже система. Они неизбежно примут меры.

– И все же я...

– Хорошо, хорошо. Но пусть это будет запасным вариантом.

– А что же – основным?

– Подумайте о ней.

– О...

– Да, именно. Потому что ведь если со сцены сходит она,

законная передача власти произойти не может, не так ли? И это дает вам некоторые шансы. То есть, во всяком случае, ваши шансы тогда уравниваются.

– Вы правы, Охранитель.

– Отправляйтесь и сделайте это. Я напоминаю еще и еще раз: у нас мало времени. Если самое большое через две недели мы не начнем схватку – можно будет ее вообще не начинать: все окажется бесполезным.

– Я помню это, Охранитель. Вы распорядились о моей отправке?

– Разумеется. Вам нужно будет лишь назвать адрес.

– Я сделаю это сию же минуту. Позвольте лишь один вопрос.

– Да?

– Вы и в самом деле полагаете, Охранитель, что этот... капитан, как вы его называете, захочет работать на вас?

– Я не придерживаюсь столь низкого мнения об эмиссарах Мастера. Нет, конечно.

– Но вы все же собираетесь отпустить его?

– Я рассматривал такую возможность. Если бы вы обеспечили качественное наблюдение за ним на планете, мы через него обнаружили бы и его сообщников. Я не буду до конца спокоен, пока они скрываются где-то на Ассарте – и, безусловно, действуют.

– Кучка людей – следует ли вам опасаться их?

– Маленькая горсточка песка способна вывести из строя

громадный и точнейший механизм. Но сумеете ли вы сейчас обеспечить наблюдение?

– Увы, нет, – после паузы последовал ответ. – Я потерял слишком многих в этих двух попытках.

– Я так и думал.

– Следовательно, мне не надо будет опасаться встречи с ним на Ассарте?

– Можете быть спокойны. Он не уйдет отсюда.

– Вы... ликвидируете его?

– Ни в коем случае! Тогда он снова окажется в распоряжении Мастера – уже в другом качестве. Нет, нет. Пусть пока побудет здесь; а время покажет.

– Благодарю вас, Охранитель. И еще одно...

Мне очень хотелось услышать, в чем заключалось это «еще одно». Но больше рисковать нельзя было. Я должен был опередить Магистра, стартовать прежде, чем это сделает он: ведь для меня они вряд ли станут включать транспортную систему. И я без колебаний покинул свой пост у дверей и бросился по коридору в его дальний конец.

Я действовал не совсем наугад, но исходил из того, что планировка жилища Заставы должна была в общих чертах походить на ту, по которой была создана Ферма. На Ферме транспортное помещение находилось на втором этаже, а лестница начиналась в самом конце коридора. Так оказалось и здесь. Я промелькнул по ней, едва касаясь ступеней. На

втором этаже было так же безлюдно. Я обратил внимание на то, что даже условные обозначения на дверях тут были такими же, как на Ферме; что же – большое спасибо, теперь я не рисковал ошибиться. Вот за этой дверью – связь; на мгновение у меня возникла нахальная мысль: войти туда и передать сообщение Мастеру. Наверное, я так и поступил бы, но сейчас самым важным было все-таки – выбраться отсюда живым и по возможности здоровым. «Связь можно будет установить и с Ассарта», – думал я, не замедляя шага. Будущее показало, что в этом я ошибался; но даже знай я это заранее, все равно не стал бы задерживаться.

Вот и нужная мне дверь. Я рывком распахнул ее. И на мгновение застыл от неожиданности. Почему-то я решил, что здесь будет пусто, никто мне не помешает. Однако в транспортном помещении находился человек – наверное, один из обслуживающих эту сверхтехнику. Он повернулся ко мне – брови его полезли вверх, рот стал медленно открываться... Я пожалел его задним числом – когда он уже лежал, скорчившись, в углу и судорожно хватал ртом воздух. В конце концов, он ни в чем не был виноват. Но ведь и я, кажется, тоже?

Встав на светящийся круг посреди комнаты, я едва не назвал Ассарт. И спохватился лишь в последний миг. Лететь отсюда на Ассарт нельзя было, потому что я попал бы в их точку выхода – и вряд ли меня встретили бы там гостеприимно. Мне надо было оказаться там, где еще ждали, как я

надеялся, меня – а не Магистра. И я скомандовал:

– Точка Таргит!

В тот неуловимо малый промежуток времени, что проходит между командой и ее выполнением, я успел еще заметить, как стала отворяться дверь из коридора. Наверняка это был Магистр. Но он опоздал. Темное облако упало на меня – и все исчезло. Это означало удачный старт.

Глава третья

1

В Жилище Власти в Сомонте царила суэта и взволнованная неуверенность, какие всегда сопровождают конец старого и начало нового правления. Все понимают, что перемены неизбежны, при этом одни надеются, что изменения их не коснутся, другие – что преобразования окажутся к лучшему для них, третьи с тоской предчувствуют свой закат. Самые немногочисленные – четвертые – предпочитают во благовремени уйти сами, не дожидаясь, пока сверху им придадут поступательное движение в направлении черного хода. Все знали, что сейчас, до Проводов усопшего Властелина в Великую Семью, ничего не произойдет, но потом изменения посылаются лавиной; и остававшиеся день-два были самыми мучительно-беспокойными. Пока же новым был лишь сам Властелин. Когда он, возвратившись из Летней Обители, впервые вступил в Жилище Власти пусть еще официально не утвержденным традицией, но фактически уже полномочным Властелином, выражение лица его было мрачным, и многие сердца дрогнули. Все успели уже утвердиться в мысли, что он – человек суровый и решительный и действовать будет круто, так что многие сразу же бросились в поис-

ках соломы, чтобы своевременно подостлать ее на том месте, куда предстояло упасть.

Однако и в первый день правления, и во второй не произошло ничего. Властелин, как все понимали, скорбел об отце; как-то не думалось о том, что ведь сам он отца и убил: все понимали, что не сын убил, но Порядок, так что никому и в голову не приходило применить к Властелину такое определение, как «отцеубийца»; ему самому, кстати, тоже. Тем не менее на лице его была скорбь, – но лишь он один (и разве что еще Ум Совета) знал, что вызвана она была не смертью отца, – смерть эта была неизбежной и необходимой, – но непонятно сложившимися отношениями с Ястрой, Жемчужиной Власти. А ведь раньше казалось, что где-где, но тут не приходится ожидать никаких подводных камней...

Об этом и размышлял Властелин, когда вошел Ум Совета. Вошел без доклада, воспользовавшись привилегией, предоставленной ему еще покойным Властелином много лет тому назад. Выглядел старик необычно торжественно и одет был во что-то, ранее ни на ком не виданное: в длинный черный балахон с капюшоном, оставлявшим на виду только глаза и нос. Изар, недовольно подняв голову, сперва даже не узнал его; мгновенно и суматошно ударила в виски не мысль, но какой-то внутренний отчаянный крик: «Убийца! Вот оно!..» – и рука сама потянулась к рукоятке кинжала, который висел на поясе постоянно. Но старик успел заговорить, и звук его голоса сразу привел Властелина в сознание.

– Вставай, Властелин. Пойдем.

– Куда и зачем? – спросил Изар, тоном выказывая недовольство. – И что это на тебе за черные паруса?

В другом случае Ум Совета наверняка ответил бы шуткой: на сей раз он остался торжественно-серьезным.

– В этот день ты должен вознести просьбу Богу Глубины.

– Ага, – пробормотал Изар, понимая. – Посвящение?

– Да. Только сперва надень это.

Он выпростал из балахона руку со свертком. Изар развернул. Там оказался такой же маскарадный наряд.

– Цвет мог бы повеселее быть, – упрекнул он.

– Придумано не нами. Черный – цвет Глубины.

– Глубины чего? Моря?

– Всего. Земли. Пространства. Постой. Помогу тебе облачиться.

Изар набросил на себя одеяние.

– Люди шарахаться будут... – пробормотал он.

– Мы никого не встретим по дороге. Я приказал. Меня еще слушаются – по старой памяти.

– Куда же мы пойдем?

– Увидишь. Недалеко.

Они вышли. Долго шли коридорами, сворачивая, опускаясь на несколько ступенек, потом опять поднимаясь; человеку, плохо знакомому с Жилищем Власти, заблудиться в его переходах ничего не стоило. Потом стали спускаться по лестнице – одной из заброшенных, каких в Жилище было мно-

жество. Оказались на первом этаже. Еще одна лестница вниз. Подвал.

– Ты ведешь меня в преисподнюю?

– Здесь это слово неуместно. Будь осторожен в речах. Кто знает...

Старик не закончил, умолк.

– Мы придем когда-нибудь?

– Еще немного терпения, Властелин.

Узкий подвальный ход. Протискиваясь по нему, Изар задевал плечами за стены. Потом ход расширился. И кончился, упершись в железную дверь.

– Что это, Ум Совета?

– Тут ты должен называть меня Посвященный.

Изар повиновался, невольно проникаясь ощущением серьезности и таинственности предстоящего.

– И все-таки: что там, Посвященный?

– Не забудь: Жилище Власти некогда было крепостью. Она строилась постепенно, разрасталась век за веком. Вот эти стены сложены четыре тысячи лет тому назад, а может быть, и еще раньше... Конечно, дверь куда новее. А за ней начинается подземный ход.

– Тоже древний?

– Под нашим городом целый подземный лабиринт, а под Жилищем Власти он особенно разветвлен. Никому не известно, когда он создавался.

– Во времена самой первой Истории?

– Первая она для нас. Но ведь и до нее что-то могло быть...

– Ты веришь в это?

– В молодости не верил. Как и ты сейчас. Но чем больше живешь, тем лучше понимаешь простую истину: в этом мире все возможно. Потому, может быть, что, как сказано в легендах – хотя и не прямо, – этот наш мир тесно переплетается с другими мирами – не «этими» и не «нашими».

– Наверное, чтобы размышлять о таких вещах, нужно иметь много свободного времени... Но чего мы ждем?

– Я жду, пока ты перестанешь внутренне суесться. Постарайся ко всему относиться серьезно.

Они постояли перед дверью еще минуту-другую.

– Теперь можем идти.

Замысловатым старинным ключом Посвященный отпер замок, с усилием отворил дверь. Первым вошел в подземный ход, подождал, пока не перешагнул высокий порог Изар, и запер дверь изнутри. Их охватила мертвая темнота.

– Если бы ты предупредил, я взял бы фонарь...

– Это было бы неуместно. Обожди немного.

Во мраке лишь по шуршанию одежды можно было понять, что старик совершает какие-то движения, делает шаг, другой... Потом звякнуло железо, посыпались искры – невиданной, как подумалось Изару, яркости. Впрочем, вероятнее всего, это в темноте так казалось. Еще удар, еще... Затлел трут. Старик дул, закашливаясь. Потом возник язычок пла-

мени: загорелся тонкий лоскутик древесной коры. И неожиданное пламя осветило ход, в котором они стояли, – каменную кладку стен, пол, сводчатый потолок.

Это загорелся факел, который старик теперь держал в руке. Из стенного зажима он вынул еще один, зажег от первого, вручил Властелину.

– Теперь можем идти.

Двинулись. Ход изгибался, местами от него ответвлялись другие коридоры, поуже или пошире; Ум Совета шел уверенно, ни разу не замедлив шага. Свернули еще раз; за поворотом ход стал опускаться все ниже и ниже. Воздух был сыроватым, но не затхлым – наверное, тут существовала какая-то система вентиляции. Глубже, глубже, еще глубже...

– Подниматься назад будет весело, – проворчал Изар.

– Нелегко, да. Особенно мне. Но я проделываю этот путь, надо полагать, в последний раз.

– Почему?

– Надеюсь, что теперь Посвящение перейдет на тебя. И освободит меня.

– Разве у меня и так мало дел?..

– А тебе ничего не придется делать. Отцу твоему, во всяком случае, это ни разу не доставило никаких забот.

– Зачем же тогда вообще...

– Так повелось издавна.

– Форма осталась, смысл утерян?

– Можно судить и так. А может быть – не было надобности

в наших действиях.

– Какие же действия, если суть дела непонятна?

– Понадобилось бы – стала бы понятной.

Изар не стал возражать, справедливо полагая, что со стариками вообще спорить бессмысленно: они уже мыслят иными категориями. Да, собственно, так и должно быть.

Наконец (одна Рыба знает, сколько они уже прошли) уклон начал уменьшаться, скоро совсем исчез, пол снова стал горизонтальным. А впереди почудился свет. Нет, не почудился: на самом деле оказался. Светилось непонятно что: как будто самый потолок – бледным, но вполне достаточным светом; достаточным, чтобы и без помощи факелов увидеть, что ход здесь кончается, упираясь в гладкую каменную стену. Не дойдя до нее несколько шагов, Ум Совета остановился.

– Пришли, – сказал он.

Изар осмотрелся вокруг. Ничего не было. Просто кончился ход. Или, может быть, не стена была перед ними, а тоже какая-то дверь особого толка?

Он высказал эту догадку вслух. Старик кивнул.

– Да. Глубина начинается за ней.

– Почему же ты не откроешь? Чего мы ждем?

– Ничего. Открыть ее нам не только не по силам; нам запрещено пытаться проникнуть за нее именем Бога Глубины.

– Зачем же мы пришли?

– Совершить обряд. Преклони колени.

Ум Совета сам опустился на колени, Изар повторил дви-

жение.

– Теперь ты будешь повторять за мной.

– Хорошо...

Старик помолчал. Вздохнул. И начал:

– Повелитель Глубины, стоящей на страже Вселенных и Миров...

Он сделал паузу. Изар повторил слова.

– Глубины, лежащей на ободе колеса Времен... Глубины, уязвляющей и уязвимой... Повелитель сущего, мнимого и неведомого... Твои слуги стоят на страже недреманно... И теперь пришла пора смены. Я, преклоняющийся и посвященный, ухожу. Но прежде посвящаю сего преклоняющегося. Узнай его, и найди, и пришли посланца. Мир Глубине!

С минуту помолчав, старик встал. Отряхнул колени.

– Вот и все, – сказал он. – Возвращаемся в молчании...

2

Было холодно и сыро. Я сидел на траве, медленно приходя в себя. Похоже, в точке Таргит что-то разладилось с транспортировкой или я по неопытности не совершил каких-то необходимых действий; так или иначе, когда меня раньше перебрасывал Мастер, это проходило без всяких неприятных ощущений. Сейчас же я был в состоянии крепкого похмелья. Надо было окончательно очухаться и собраться с мыслями.

Я попал сюда ночью. Стояла густая темнота. Это несколько удивило меня. Я никогда не бывал на Ассарте, но знал, что темных ночей здесь практически не бывает – ну, несколько в год, не больше. Ассарт ведь находился в центре звездного скопления, и ночное небо на нем – это не наше звездное небо даже в самую ясную погоду; наш звездный пейзаж – лишь хилый намек на то, что видно – или во всяком случае должно быть видно – в ассартских небесах. Великое множество звезд, составляющих скопления Нагор и расположенных относительно недалеко друг от друга, делают ночное небо Ассарта похожим не на черный бархат с блестками – как хотя бы у нас на Земле, на окраине Галактики, – но наоборот, на серебряную сферу, на которой лишь кое-где заметны темные пятна. Здесь множество звезд видно даже среди бела дня – во всяком случае, так объясняли мне те, кто готовил меня к этому путешествию. Но сейчас все это великолепие надежно закрывали от меня черные облака, их слой был, видимо, достаточно толстым, и они пропускали свет не больше, чем ватное одеяло, брошенное на ночник. И это в общем-то пустяковое обстоятельство почему-то сильно портило мне настроение, которое и так было, откровенно говоря, не блестящим. Потому что все началось не так, как предполагалось, а я по давнему опыту не люблю плохих начал. И в голову лезла всякая ерунда.

Хотелось думать, что меня пусть и не лучшим образом, все-таки забросили на Ассарт. Но не было гарантии, что

именно в то место, где наши должны были ждать. Да и если бы – что толку? Я прекрасно понимал, что все уговоренные сроки моего прибытия прошли и меня больше никто не ждет. Потому что нас было мало, а дела много. Каким-то образом надо было выбираться самому. Куда? Вероятнее всего, в столицу. И начинать работать. Скверно, конечно, что какое-то время придется действовать в одиночку. Но действовать надо: ведь я могу найти своих, а они меня – только по результатам нашей работы. Если даже ты угодил на дно – пускай понемножку пузыри, а те, кто тебя ищут, не пропустят их мимо взгляда. Это я понимал; недаром когда-то тонул.

Я почувствовал, как озноб пробирается все глубже, грозя дойти до костей. К своим костям я, как правило, отношусь доброжелательно, и не хотелось подвергать их лишнему испытанию. Надо двигаться. У меня была полная свобода действий: я мог отсюда направиться в любом удобном мне направлении. Все они сейчас были для меня одинаковы. Каждое вело куда-то – или никуда не вело. Впору было подбросить перышко и идти за ним. Я пошарил по траве, но никакого перышка не обнаружил. Я залез в карманы. Там оказалось столь же пусто. Ничего особенного у меня с собой, конечно, не было, но и то немногое, что оставалось, охранители, верно, забыли положить на место. Ну, конечно, им не до таких мелочей. Но там, кроме всего прочего, была моя любимая зажигалка. Будь она здесь, я попытался бы разжечь костерочек и погреться. А будь при мне и пакетик с бутербродами,

неведомым путем оказавшийся в моем кармане еще на Ферме, я сейчас бы поел; вероятнее всего, поужинал: сумерки, окружавшие меня, явно были вечерними, а не предрассветными. Вскоре совсем стемнеет. Значит, задача номер один – отыскать какое-то местечко для ночлега. Потому что переться в темноте неизвестно куда, да еще по лесу, было бы далеко не самым благоразумным. «Черт дери, да когда же это ты бывал благоразумным? – спросил я сам себя и тут же ответил: – Ничего не значит, пора им становиться...»

Я встал, сделал несколько приседаний, слегка подрался с тенью, стараясь не сделать ей больно. Кровь стала обращаться чуть быстрее. Наступила пора выбрать направление. Кругом был лес. Так. Я помнил, что мне и следовало прибыть в лес: место встречи, понятно, было выбрано в уединении, резонансные транспортировки на Ассарт происходили, как нетрудно сообразить, без ведома здешних властей. Ну, хорошо. Чтобы поправить настроение, предположим, что я оказался действительно в условленном пункте. Карты мне не дали, да и будь она у меня – охранители ее наверняка тоже присвоили бы. Жуликоватый народ. Чем дальше я об этом думал, тем больше приходил к убеждению, что они старались навешать мне на уши как можно больше лапши – к сожалению, совершенно несъедобной. Нет, не в сохранении Вселенной было тут дело, под всем этим была какая-то другая подоплека, и хотя во всем том, что они говорили, была своя логика, мне все время чудилось, что это была легенда, специаль-

но разработанная для меня. Ладно, разберемся на досуге... Да, так что же? Значит, я прибыл в условленное место. Если так, то здесь меня ждали. Ждали не пять минут. И не час. Дня два, пожалуй. Потому что был еще и резервный срок прибытия. Если здесь столько времени околачивался даже один-единственный человек, то он должен был оставить хоть какие-то следы. Даже если не хотел этого. А если хотел?..

В самом деле: а если хотел? Мои друзья знали, что я не прибыл вовремя. Но они неплохо знали и то, что я не так быстро поджимаю лапки. Иными словами, надежда на то, что я все-таки доберусь сюда, у них должна была остаться. И поэтому они не могли исчезнуть, не оставив для меня какой-то посылочки. У указанием на то, где искать их. С едой. С фонарем. С оружием...

«Ну конечно, – прервал я сам себя. – Со сменой белья. С новым костюмом. С небольшим, но ходким автомобилем. А лучше – вертолетом. С полдюжиной до зубов вооруженных парней охраны... Как же, все они для тебя припасли, все...

Ладно, ладно. И все же – надо искать».

К счастью, я все это время оставался на том самом месте, в котором впервые соприкоснулся с Ассартом. Теперь я зашарил вокруг себя в поисках уже не перышка, но чего-то более серьезного. Где можно было оставить передачу? По нашей практике – в месте, где ее можно без особого труда обнаружить не только днем, но и ночью. Почему-то искать такие вещи чаще всего приходится ночью. В то же время схо-

рон не должен бросаться в глаза: иначе днем его совершенно случайно обнаружит и подберет кто-то из местных, кому передача, в отличие от меня, совершенно не нужна. И все равно, он ее утащит. Значит: она не должна быть заметна даже при свете, но ее можно без труда обнаружить и во тьме – если искать.

Я знал только один такой способ. И знал, как ищут скрытую таким образом вещь: так, как отыскивают подо мхом боровики. Мне очень не хотелось, но я разулся. Носки сунул в карман, тяжелые ботсы связал шнурками и перекинул через плечо. В росистой траве ноги сразу же стали мерзнуть, так что я не стал мешкать и приступил – к поискам клада.

Способ этот прост: медленно ставишь босую ногу на почву, ощущая подошвой и пальцами каждую неровность, и, когда нащупываешь ее, – осторожно исследуешь. Чаще всего это не то, что нужно; кроме того, в местах, где устраивают пикники, лучше к этому способу не прибегать: первый же осколок бутылки отобьет у вас охоту искать дальше. Но тут, кажется, пикниками не пахло, место прибытия как-никак выбирали профессионалы.

Медленными шажками, плотно ставя ногу к ноге, я двигался по все расширяющейся спирали. Далеко спрятать они не могли, знали, что время будет дорого. И тем не менее... Нет, это не то. Плотная почва, пружинящая трава... Глупо, если они надумали положить сверху толстый квадрат дерна не оставив под ним пустоты: тогда я при всем желании не

смогу нащупать. В конце концов мой вес... Эп!

Было от чего вскрикнуть чуть ли не вслух: правая нога не успела еще как следует опуститься на траву, как дерн ухнул куда-то вниз – и нога устремилась за ним, заставив меня упасть. Яма оказалась чуть ли в полметра глубиной. Да нет, где там полметра, глубже! Голеностоп пронзила нехорошая боль. Пока я высвобождал ногу из ямы, хотелось выть. Очень похоже на вывих – как нельзя более кстати... Ну, мастера, ну, мыслители!..

Нога наконец вернулась на поверхность, боль, казалось, все усиливалась, но я, стараясь не орать вслух, лег на живот и запустил в яму руку. Да, это была передача. Я извлек маленькую брезентовую, с пленкой внутри, сумку. В ней оказалось куда меньше, чем мне хотелось бы, но вещи были полезными: фонарик – один, пистолет – один, запасная обойма – одна, сложенный листок бумаги тоже в единственном числе. Что же, и на том спасибо. Если бы они еще догадались засыпать все это землей, только не утрамбовывая ее, не было бы необходимости ломать ноги. Костыля они, к сожалению, к посылке не присоединили.

Ладно. Как говорится, так или не так – перетакивать не будем. Я снял куртку, снова лег, засунул под куртку бумажку, фонарь и собственную голову. Как я и надеялся, был нарисован маршрут. Профессионально, с указанием на север – юг. Жаль только, что здешние созвездия были мне совершенно неизвестны. Судя по плану, надо было держать на запад,

оставляя справа единственное, по-видимому, в этой округе населенное место; выйти на дорогу, и по ней свернуть налево. Что будет дальше – схема не указывала, да и не могла. Дальше будет, что будет.

Значит, на запад... Я рассовал все полученное по карманам, платком вытер мокрые ноги и стал обуваться. Правая нога упорно сопротивлялась этому; даже прикосновение к ней вызывало злобную реакцию вышедшего из себя сустава. Я попытался сам вправить вывих; не получилось; наверное, чересчур жалел сам себя. Что сейчас? Надо добраться до леса – полянка была метров сорока в поперечнике и я находился почти в центре; ничего, столько мы преодолеем и на одной, обутой ноге – вприпрыжку. Там попытаемся найти или выломать палку и определить север. И – в путь.

Так я и сделал. Если мох на деревьях растет в Ассарте по таким же правилам, как на Земле, то направление я избрал в принципе верное. Выбрать, однако, – полдела, надо его еще преодолеть... После некоторой возни – ножа у меня не было, а пистолет в таком деле плохой помощник, – я выломал сук, на который можно было опереться. Идти, конечно, я не мог – в лучшем случае ковылять. Но лучше даже видимость дела, чем полное бездействие.

Я одолел примерно километр, и с каждым метром мне становилось хуже, нога болела все сильнее. Наконец настал миг, когда я совершенно ясно понял, что ни до какой дороги мне не добраться. Нужен был кто-то, кто вправит мне сустав; сам

я попробовал еще раз и понял, что это не по моим способностям. И все же надо было идти. Тогда я придумал такую штуку: вытащил брючный ремень и как мог туго привязал палку к ущербной ноге – так, что конец ее торчал ниже стопы, – на этот конец можно было опираться, и усилие передавалось на голень, минуя дефектный сустав. Пошло несколько веселее, хотя ремень то и дело сползал и его приходилось водворять на место, – и я совсем уже поверил было, что доберусь до дороги, а там меня кто-нибудь да подберет; однако тут трава кончилась и начался сухой песок и все опять сделалось очень плохо. Потому что палка охотно уходила в песок, и нога вынуждена была раз за разом упираться в него – и каждый раз сустав протестовал все громче. Я позволил себе посидеть несколько минут, переводя дыхание и успокаивая боль; осторожно ощупав пальцами лодыжку, понял, что она уже опухла почти до упора – и, наверное, будет продолжать в том же духе. Кстати был бы холодный компресс, но воды не было, даже чтобы напиться, – а я и в этом испытывал все более серьезную потребность. Сведя воедино все эти обстоятельства, я понял, что единственный более или менее приемлемый выход в моем положении заключался в том, чтобы добраться до обозначенного на схеме обитаемого места и попросить там первой помощи, а если повезет – и ночлега. Бояться местных жителей у меня не было причины: я вполне мог сойти за их соотечественника, потому что одет был, разумеется, во все ассартское, язык был в меня вложен креп-

ко-накрепко, и даже сочиненная на всякий случай легенда – кто я и откуда – прочно сидела в памяти. Конечно, серьезный допрос расколол бы меня довольно быстро, но тут его опасаться вроде бы не приходилось, от обитающих здесь отшельников вряд ли следовало ожидать проявления сыскных инстинктов. Так что оставалось одно: свернуть с маршрута и добираться до жилья. Хотя бы доползти до него.

Ползти как раз и пришлось – на четвереньках, потому что нога совершенно уже отказалась служить и мне минутами чудилось даже, что она торчит как-то под прямым углом к остальному телу, – что, разумеется, было лишь игрой воображения. Я пополз, уповая единственно на свое чувство направления. Было уже совершенно темно, хоть глаз выколи; не знаю, за сколько времени, но я преодолел песчаное поле, по траве пробираться стало легче. Впереди уже угадывалась масса более густого мрака, чем тот, что окружал меня; это вполне могли быть деревья. Но одновременно я ощутил впереди и нечто другое, чуждое. Я рискнул и, вытащив фонарик, на мгновение включил его. То была хорошая, добротная колючая проволока на бетонных, похоже, столбиках, высотой забор был метров до трех. Та-ак. Проволока была не на изоляторах, но бетон и сам по себе неплохо изолирует, так что ограда вполне могла находиться под током. С одной стороны – чего ради? Может быть, огорожено просто пастбище – чтобы скотина не разбредалась; но мои друзья не потрудились указать, что тут такое находится, – не рассчиты-

вали, верно, что мне такая информация понадобится, — а это мог вполне быть и, скажем, склад боеприпасов или какое-нибудь секретное заведение... Во всяком случае, мне не захотелось использовать себя в качестве вольтметра; с другой стороны, ограда свидетельствовала, что я продвигаюсь правильно. Пришлось, жертвуя временем, подкапываться под нижний ряд проволоки. Лопатка для меня, естественно, тоже не была припасена, пришлось орудовать наподобие крота — руками. Все же я прополз и, даже не попытавшись замаскировать место нарушения границы, последовал дальше. Метрах в десяти обнаружилось еще одно препятствие. На этот раз им оказался высоченный забор из кованых железных прутьев; решетка была, как мне показалось при мгновенной вспышке фонарика, выполнена художественно — мастером, а не просто деревенским кузнецом, — но мне от этого легче не было. Забор опирался на бетонный фундамент. Так что путь здесь был прегражден надежно — и сверху, и снизу.

Может быть, самым разумным сейчас было бы — отступить, отдохнуть немного и попытаться найти какой-то более приемлемый вариант. Но во мне уже выиграло любопытство: что же такое прячут за решеткой во всеми забытом уголке? Мне не пришло тогда в голову простое решение: от того-то угол этот и заброшен, что в нем что-то такое прячется, чему чужое соседство противопоказано. Любопытство оказалось настолько сильным, что даже нога, кажется, стала болеть меньше: в конце концов, это была моя нога, а значит,

не менее любознательная, чем я сам.

Не имея возможности преодолеть решетку, я встал на ногу, коленом другой оперся о фундамент, ухватился за прутья и попытался что-нибудь разглядеть за деревьями, что поднимались по ту сторону ограды. Сперва это показалось мне безнадежной затеей; но у нашего зрения есть свои резервы. И постепенно я пришел к выводу, что за ними наличествует некое строение, здание, причем не крестьянский дом, а что-то покрупнее. Понял я также, что наблюдения будут куда успешнее, если я продвинусь вдоль забора влево – там, показалось мне, деревья росли пореже. Я пополз, правым плечом все время ощущая фундамент. Потом, через сколько-то метров, фундамент исчез. Я остановился, пошарил вокруг и понял, что забор здесь свернул направо. Пришлось и мне менять направление. Еще метров через двадцать у меня возникло ощущение близости людей. Я сразу же остановился и напряг слух. Ощущение не обмануло: я услышал голоса. Два: женский и мужской. Приглушенные, но один раз женщина рассмеялась, неприятно привизгивая. Голоса – а следовательно, и люди – оставались на том же месте; это позволяло предположить, что там имелась калитка или ворота – одним словом, проход. Моя задача конкретизировалась. Я снова пустился в путь. Голоса становились все яснее, и я, при всем отсутствии практики, начал уже разбирать сначала слова, а потом и целые обороты речи. Слова, а еще более – интонация позволили мне довольно быстро сообразить, в чем

дело. Тема разговора была стара, как сама жизнь: один уговаривал, другой неохотно, как-то неуверенно сопротивлялся. Необычным (для меня) оказалось лишь то, что в данном случае активной стороной выступала дама. Когда ей все же удалось уговорить своего партнера и они, сойдя с места, на секунду-другую оказались передо мной на фоне уже слабо светлевшего у меня за спиной (так что подобие света падало на них) неба, – я понял причину удивившего меня расклада: мужчина был вооружен. Следовательно, он находился на посту и не сразу решился его покинуть. Я терпеливо обождал, пока они, исчезнув в траве, не проделали необходимой разминки; когда же игра пошла всерьез (судя по доносившимся звукам), я безбоязненно двинулся вперед – думаю, если бы я даже подъезжал на танке, часовой не среагировал бы. Так и есть – тут ограда упиралась в башенку с воротами и калиткой, благополучно продолжаясь по другую сторону сооружения. Я мысленно возблагодарил природу за то, что на свете еще существует любовь, нырнул в приоткрытую калитку и заторопился дальше – к тому белому дому, который заметил из-за деревьев. Не знаю, насколько разумно было ползти именно к дому – может быть, лучше было бы подождать, пока страсти улягутся, и попросить помощи у любовников: женщины в таких ситуациях бывают добры и отзывчивы к страданиям ближнего. Однако дом слишком уж заинтересовал меня; во всяком случае, другого объяснения я и сейчас не могу найти – разве что сослаться на интуицию. Может

быть, то и на самом деле была она.

Дом оказался куда больше, чем казалось мне издали. Был он старой архитектуры, с башенками, эркерами, стрельчатыми окнами, галереями на каждом из трех его этажей. Впрочем, может быть, на Ассарте именно такая мода господствовала сейчас – я судил по земным меркам. Окна были темны. Я успел определить, что, кроме главного входа, в доме были еще и другие, и обрадовался: уж какой-нибудь из них мне удастся уговорить, – и стал прикидывать, куда лучше направить – не стопы свои, но ладони и колени.

Я находился примерно на полдороге между калиткой и домом и полз не по подъездной дороге, достаточно широкой для двух машин, а сбоку, вплотную к росшему по обе ее стороны кустарнику, когда позади – за моей спиной и за оградой – раздался крик и почти сразу – второй. Кричала женщина, переживавшая момент счастья; в этот миг она уже не помнила и не понимала ничего, кроме бьющего через край ощущения полноты и великолепия жизни. Это не всякой дано, и даже из тех, кому дано, не всякой удастся достичь его – это зависит и от партнера, – но вот ей сейчас удалось. Я порадовался за нее, а за себя огорчился.

И не напрасно. Потому что едва я успел проползти еще несколько шагов, как услышал звук открывшейся двери, и на галерее первого (но на метр с лишним поднятого над уровнем почвы) этажа появилась светлая фигура. Человек. Если бы он спал, этот крик вряд ли разбудил бы его – хотя бывают

люди с очень чутким сном; но вернее – человек не спал и теперь вышел навести справки. Он постоял у балюстрады (я лежал, прижавшись к кустам, тихий, как покойник), потом сделал несколько шагов к сходящей вниз широкой лестнице, вновь остановился и громко спросил:

– Атина, это ты?

Ответа, разумеется, не последовало, – не думаю, чтобы там ее услышали, тут надо было бы орать во весь голос, – и женщина (судя по голосу, это была именно женщина), поколебавшись, ступила на лестницу и начала спускаться. И тут меня что-то словно толкнуло. Я встал, – больная нога, словно оценив серьезность положения, позволила даже опереться на нее и даже сделать несколько шагов вперед. Я остановился посреди дороги, так что женщина никак не могла не заметить меня. И заметила.

– Это вы, Серт? – спросила она, потому что в темноте, конечно, не могла разглядеть моего лица, как и я ее. – Что происходит? Я слышала крик. Какое-то несчастье? Что с Атиной?

– С ней просто любовь, донка-ла, – ответил я, употребив самое почтительное из известных мне обращений к высокопоставленной даме (согласно старой мудрости: лучше пересолить, чем недосолить; мудрость эта не для кухни, но на службе она, как правило, выручает). – Конечно, любовь бывает и несчастьем; но не в этом случае.

Услыхав мой голос, женщина остановилась как вкопан-

ная. Чувствовалось, что она напряглась. Однако я рассчитал верно: вряд ли мой ответ мог исходить от злоумышленника. Я тоже стоял неподвижно, стараясь ничем не испугать ее. Тем более что явственно различил в ее полусогнутой руке пистолет. Небольшой, но на расстоянии пяти шагов вполне убедительный.

– Вы не Серт; кто вы? Зачем вы здесь?

– Я не Серт, вы совершенно правы, донка-ла. Я путник. И здесь я потому, что мне нужна срочная помощь.

Кажется, она колебалась.

– Не бойтесь меня, – продолжал я. – К тому же, мне кажется, что Атина и Серт уже в состоянии вас услышать, если вы крикнете погромче. Но тогда кричите сейчас: через несколько минут они снова отвернутся от мира.

Мне показалось, что она усмехнулась.

– Вы знаете, какова любовь?

– Знаю, – ответил я с чистым сердцем. Это был, пожалуй, единственный вопрос, на который я мог дать правдивый ответ.

– Что с вами? Какая помощь вам нужна?

– Я вывихнул ногу. Не могу идти. Боюсь, что она сильно распухла.

– К сожалению, поблизости нет ни одного врача. И в доме тоже.

– Но, наверное, кто-нибудь из домочадцев сумеет вправить вывих? Я обещаю не кричать, чтобы не пугать вас. Я не

кричу от боли. Только от любви.

(Не знаю, почему я стал разговаривать в таком ключе. То же интуиция, наверное.)

Еще поколебавшись, она кивнула.

– Хорошо. Идемте. С вывихом я справлюсь сама.

Я сделал два шага. Она заметила, что перемещаюсь я с трудом.

– Обождите. – Она приблизилась ко мне. Остановилась, – Только имейте в виду: я вооружена.

– Я это понял сразу, донка-ла. И я боюсь вашего оружия. Не того, конечно, что у вас в руке, – это меня не пугает.

– Однако, вы... смелы.

– Увы, нет. Я лишь откровенен.

– Но знаете ли вы, с кем разговариваете?

– Кем бы я был, если бы не знал этого? С прекрасной женщиной. Самой прекрасной из всех, кого мне случалось видеть.

Откровенно говоря, я не был на сто процентов уверен в своих словах. Но за девяносто могу поручиться.

Она наконец решилась и подошла ко мне вплотную.

– Обопритесь на мою руку, господин путник.

– Но мне, право, стыдно...

– Я велю, – сказала она голосом, привычным к приказам.

Я повиновался, вдыхая тонкий, горьковатый аромат, исходивший от ее волос. Она поняла.

– Что это за аромат, по-вашему?

– Горькой красоты. Горькой любви, быть может.

Мы подошли к крыльцу.

– Кто вы?

– Путник, – повторил я.

Мы медленно поднялись наверх.

– Ну что же, – негромко сказала она. – Может быть, так лучше.

– Несомненно, – согласился я. Она повернула голову.

– Вы знаете, о чем я?

– Я знаю, что это сказали вы. Этого достаточно.

Она покачала головой – то ли удивляясь мне, то ли осуждая.

– Вы всегда такой?

– Нет.

Мы вошли в дом. Задержавшись у двери, женщина включила свет. Я осмотрелся и не сдержал удивленного восклицания:

– О!

И в самом деле, разглядывая дом снаружи, можно было заключить лишь, что он стар и надежно построен. Тем неожиданнее было то, что открывалось взгляду внутри. Обширный холл, резные панели какого-то, наверняка ценного, судя по глубокому коричневому с золотистым отливом цвету, дерева; набранный из самоцветов пол, на который просто жалко было ступать; резные колонны такого же дерева, уходившие на шестиметровую высоту, где тяжелые балки перекре-

щивались, давая опору потолку, с которого свисала на цепях массивная люстра желтого металла (я не очень удивился бы, если бы мне сказали, что она из золота, хотя не думаю, чтобы на самом деле было так). Две резные лестницы в противоположных концах помещения уводили наверх. Вокруг, на некотором расстоянии от стен, размещались диваны, кресла, столики, – судя по стилю, очень старые, хотя не исключено, что то была лишь стилизация. На стенах, выше панели – портреты. Бородатые, усатые и чисто выбритые, в костюмах разных эпох, они были схожи выражением лиц, сурово-повелительным. Портреты были хороши, устремленные на зрителя глаза обжигали. Я невольно поежился.

Кажется, женщина осталась довольна произведенным впечатлением, но постаралась не показать этого. Она помогла мне добраться до ближайшего кресла.

– Садитесь.

– Я так грязен, мадам...

(На самом деле сказано было все то же «донка-ла». Но сейчас, когда я рассказываю об этом, мне легче пользоваться терминологией Земли.)

– О, пустяки. Хотя... тогда на этот диван, кожаный. Вы босиком? Может быть, вы путешествуете по обету?

– В какой-то степени, мадам.

Она чуть улыбнулась.

– Что же, мне нравятся люди со странностями. А теперь займемся вашей ногой.

– Может быть, прежде я бы помыл ее...

– Потом. Сейчас горячая вода только повредит. – Она опустилась на колени, задумалась на несколько секунд, видимо, прикидывая, как совершить предстоящее действие. А я во все глаза смотрел на нее и радовался.

Все последнее время – после того, как я остался один, – я как-то не замечал женщин. Они просто перестали восприниматься как женщины, не вызывали больше никакого интереса, хотя раньше это было совершенно иначе, и я, может быть, слишком часто глазел по сторонам. Меня некоторое время после происшедшей перемены даже озадачивало – как сразу она совершилась: мгновенный скачок от точки кипения к нулевой температуре. Довольно быстро я к этому привык и нашел, что так жить легче. И только сейчас – может быть, сама необычность обстановки тому способствовала – я снова воспринял женщину именно как женщину. Нет, то никак не было реакцией изголодавшегося солдата; скорее – как если бы вы вдруг после долгого перерыва услышали некогда любимую музыку и с удивлением поняли, что, как бы вы ни менялись, музыка остается такой же прекрасной и так же действует на ваши чувства. Вот с таким примерно ощущением я смотрел сейчас на склонившуюся передо мной женщину с несколько удлинненным овалом лица, безукоризненно-правильными (по земным понятиям, во всяком случае) чертами лица, тонким и гордым носом, решительно изогнутыми губами. Никакого другого желания во мне не возникло – только

смотреть. И это было очень радостно: оказывается, произведения искусства еще интересовали меня, еще волновали...

Я совсем забыл о своей ноге; и когда женщина сказала мне: «Обопритесь руками... Сейчас будет больно... Ну!» – я не сразу сообразил, чего от меня ожидают, и выполнил ее указание почти машинально. В следующий миг ветвистая, усеянная шипами боль пронзила меня от пят до головы. Мне стоило большого труда не закричать. Но я удержался.

– Ну вот и все, – сказала женщина, поднимаясь с колен и опираясь на себе нечто облачно-туманное, взбитое, что было на ней надето. – Боль скоро пройдет. Если хотите, я могу применить обезболивающее.

– Нет, – сказал я, переведя дыхание. – Пусть будет так.

– Хорошо. Сейчас я велю Атине вымыть вас...

– Ни в коем случае, мадам, – возмутился я. – С этим я всегда справляюсь сам!

– Очень хорошо. – Она, не скрывая, внимательно наблюдала за мной. – В таком случае я попрошу, чтобы для вас подыскали какую-нибудь одежду. Эту придется облить бензином и сжечь (она, разумеется, сказала не «бензин», а «схип», но ведь мы и вообще говорили по-ассартски), она не придает вам достоинства.

– Как вам угодно, мадам. – Я нагнул голову, одновременно прислушиваясь к утихающей боли.

– Вы, вероятно, проголодались, господин путник по обету?

Откровенно говоря, так оно и было. Я кивнул.

– В таком случае после ванны... это будет уже ранний завтрак. Что вам угодно будет получить на завтрак?

– О, на ваше усмотрение, мадам; я буду благодарен за все.

– Вы очень непритязательны... Атина!

Она произнесла это негромко, но уже через секунду-другую внутри дома послышались шаги. Вошла служанка. Я посмотрел на нее. Откровенно говоря, у меня успело сложиться несколько иное представление о женщине, что упоенно предавалась любви в траве. Хотя – любви все возрасты покорны...

– Приготовьте ванну, Атина, и посмотрите в гардеробе хозяина... Старого хозяина... что-нибудь, что подошло бы господину, – она кивнула в мою сторону. – Потом проводите его в ванну.

– Да, хозяйка. – Служанка присела. – Сию минуту, хозяйка.

Она унеслась. Я глядел ей вслед. Когда я снова перевел взгляд на хозяйку, то увидел на ее губах откровенную усмешку.

– Что-нибудь не так, мадам?

Она на миг стала серьезной.

– Все не так... Хотя...

Не договорив, она повернулась и вышла. Атина уже входила, чтобы отвести меня, куда было приказано.

Примерно через час я не без сожаления покинул ванну;

но голод уж слишком настойчиво напоминал о себе – по мере того, как боль в ноге утихала. Я полагал, что хозяйка легла досыпать, и не думал, что заставляю ее ждать. Однако, когда Атина отконвоировала меня в обширный зал, служивший, судя по всему, столовой, женщина оказалась там; она уже сидела за столом, размерами напоминавшим теннисный корт (хотя и без коридоров для парной игры). Женщина жестом пригласила меня сесть – не рядом с нею, во главе стола, где стоял еще один стул, но сбоку, справа от нее. Я послушно уселся. И понял, что снова попал в затруднительное положение. Мне наверняка следовало предложить даме что-то из множества яств, которыми был уставлен стол; но черт меня возьми, если я мог назвать хоть одно из них или хотя бы определить, что из чего приготовлено. Женщина, как бы не замечая, что загнала меня в тупик (но, в конце концов, у меня просто не было времени, чтобы изучить ассартианский быт во всех его деталях!), предложила сама:

– Прошу вас, не стесняйтесь и простите за скудость выбора. Советую вам начать с липота... вот это – житар из парты... Грудка шушника – правда, соус очень острый, из китранских молав. Налейте мне, пожалуйста, кирбо, а себе – по вашему выбору...

Я беспомощно водил глазами по столу. Будь там бутылки с этикетками, я разобрался бы: настолько я владел языком. Но все было в хрустальных графинах и различалось лишь цветом; что-то было налито, вероятно, и в два серебряных кув-

шина, стоявших там же; но тут даже и цвет напитка оставался загадкой. Я попытался сделать обходной маневр, рискуя прослыть неотесанным вахлаком:

– Мадам, насколько было бы приятней, если бы вы своими руками...

– Я понимаю: болит нога... – Она произнесла это серьезно, но глаза ее – большие, серо-зеленые – откровенно смеялись. – Я с удовольствием поухаживаю за вами... Мне следовало бы понять сразу.

Она налила мне и себе чего-то темно-красного из графина, добавила светлой жидкости из кувшина. Положила на тарелку что-то – белое, залитое коричневым соусом.

– За ваш путь, – сказала она, поднимая бокал.

Я ухватился за свой и чуть не потянулся чокаться, но вовремя вспомнил, что на Ассарте это не принято. Выпил. Вкусное и крепкое. И с внутренним отчаянием (так бросаются в холодную воду) принялся за закуску. Вместо вилок здесь полагались плоские лопатки с короткими зубчиками с одной стороны; я постарался орудовать ими как можно непринужденнее.

Я наелся быстрее, чем ожидал; дама давно уже отложила свою лопатку и сидела, глядя куда-то вдаль и изредка отпивая из бокала уже что-то другое, зеленоватое. Когда я наконец отвалился от стола, она перевела взгляд на меня и еще несколько секунд помолчала. Под ее взглядом я почувствовал себя неудобно – ощущение было таким, словно меня на-

садили на вертел и сейчас начнут поджаривать.

В общем, так оно и получилось. Потому что она тут же сказала:

– Ну, а теперь, господин путник, расскажите мне сказку. Я люблю слушать сказки по ночам.

– Сказку мадам? Я не уверен...

– Но вы ведь все равно начнете рассказывать мне сказку, если я спрошу вас, кто вы и откуда.

Черт, она была права. У меня уже просилась на язык разработанная нами легенда.

– Мадам, почему вы...

– Погодите, я не закончила. Хочу предупредить вас: вымысел о путешествии по обету, или же о нападении, при котором вы лишились всего, или о заблудившемся горожанине – и так далее, и тому подобное – исключается. Вы не горожанин и не фермер, не купец и не ученый, и не инженер, и не солдат, и уж давно не принадлежите к Сфере Власти. То есть, может быть, вы – и то, и другое, и какое угодно по счету, но с одной оговоркой: не здесь. Короче – вы не ассартианин.

– Но мадам, что дало вам повод...

– Да все на свете. Если бы вы хотя бы прожили на Ассарте достаточно продолжительное время, вы бы знали, что в высших семьях принято всех слуг называть одним именем – легче для запоминания, а отзывается всегда ближайший; что житар никогда не подают на завтрак; что, отказываясь от служанки при купании, вы наносите серьезную обиду хозя-

ину...

Она была совершенно права; но ведь мы рассчитывали, что у меня здесь найдется хоть какое-то время для изучения именно обычаев, правил и всего такого – и не моя вина, что все получилось так, а не иначе. Однако, независимо от причин, это был провал. И надо было уходить немедленно.

– Мадам, я...

– Помолчите еще, – сказала она повелительно. – И, наконец, вы даже не знаете, куда попали и с кем разговариваете. Нет-нет, мне были очень приятны ваши слова. Любой женщине они были бы приятны. Но всякий ассартианин скажет вам, что с Жемчужиной Власти разговаривают не так. И любой ассартианин с первого взгляда понял бы, что находится в Летней Обители Властелинов – и вел бы себя соответственно. Итак, я объяснила вам, чего не следует касаться в вашей сказке. Потому что сказка хороша, когда она правдоподобна. В сказку нужно верить, иначе незачем слушать ее. Вы готовы?

Да, я, пожалуй, успел уже в какой-то степени прийти в себя.

– Мадам, – сказал я. – Предположим, что вы правы. Поэтому скажу вам лишь одно – и это не будет сказкой: кем бы я ни был и каковы бы ни были мои цели – в них нет ничего такого, что грозило бы вам, вашей власти, вашим близким и приближенным. А теперь позвольте от всего сердца поблагодарить вас за гостеприимство и помощь и уйти. Мне не хо-

телось бы, чтобы мне пытались помешать в этом.

Жемчужина Власти усмехнулась.

– И тем не менее я задержу вас. В ваших интересах: вам необходимо хотя бы отдохнуть в нормальных условиях. Здесь вы в полной безопасности. Сейчас вы настолько устали, что я даже не расспрашиваю вас всерьез. Но когда вы проснетесь – вы мне расскажете все. Быть может, даже несколько раньше... Господин путник, ускользнуть вам сейчас никак не удастся: все выходы заперты и стража больше не будет предаваться страсти, пока ее не сменят. Оцените положение – и согласитесь. Потому что я ведь обойдусь и без вашего согласия...

Я секунду подумал. Меня несколько встревожили ее слова: я расскажу ей все, еще не успев проснуться. Что же, она могла заранее подсыпать мне что-то в еду, в питье... Или, когда я усну, подключить какую-нибудь аппаратуру и заставить меня в бессознательном состоянии выболтать все на свете. Но отдохнуть и вправду следовало. Что же: если нужно, я могу и не спать сутки-другие даже без стимуляторов. А нога тем временем придет в полный порядок.

– Я верю вам, мадам. Я согласен.

– Очень хорошо. Атина!

Вот эта вполне могла бы оказаться там, у ворот. Я пригляделся. Могу поспорить – это она и была. Что же, солдату повезло.

– Проводи господина в спальню для великих донков. Но

не задерживайся!

Последние слова были сказаны с расстановкой.

– О да, хозяйка. Ни в коем случае, хозяйка!

Я встал, отвесил даме поклон и секунду смотрел на нее. Я не был уверен, что увижусь с нею утром: исчезнуть все-таки следовало прежде, чем она продолжит свой допрос. Ничего, если нога будет в порядке, их решетка меня не остановит... Но мне хотелось запомнить ее облик. Она выдержала мой взгляд, не моргнув.

– Желаю вам приятных снов, путник.

– И вам, мадам.

– Я постараюсь...

Сон мой был более чем приятен.

Мне снилось, что служанка повела меня к лестнице и довела до спальни на втором этаже. Едва успев показать мне все, что следовало, она выбежала с такой скоростью, будто я собирался загрызть ее. Хотя, видит Бог, у меня не было таких намерений.

Мне снилось, что я разделся, поискал пижаму и не обнаружил ее. Вероятно, здесь предпочитали спать нагишом (еще один пробел в моем образовании; впрочем, сейчас это было уже все равно). Я лег на широченную кровать и накрылся легчайшим и теплым одеялом. И твердо решил не спать.

Дальше мне приснилось, что дверь отворилась и в спальню вошла Жемчужина Власти. Но уже не в облачном наряде,

а в чем-то, что, строго говоря, не было ничем. Я попытался встать, но вспомнил, что на мне-то уж и подлинно ничего нет. Она подошла и остановилась у кровати.

– Ты не ассартианин, – сказала она. – И в этом – мое спасение.

Она сделала паузу.

– День тому назад меня насильовали на глазах всего мира.

Я пискнул что-то, но она повелительно протянула руку.

– После этого я решила не жить. Но сейчас поняла, что есть иной выход. Отплатить. Тогда я смогу жить дальше.

Движением плеч она сбросила на пол то воображаемое, что на ней было. Она была ослепительна.

– Этой ночью я тоже хочу кричать от любви.

Еще мне снилось, что была любовь. В криках, в столах, в горьком аромате ее благовоний, в поту, в сплетении, когда уже не различить, кто где.

И очень много слов. Говорила она. Говорил я. И она. И я. И...

И снова стоны. Кажется, кричал и я. Хотя мне это не свойственно.

Таковыми были сны.

Потом я проснулся. Стояла еще глубокая ночь. Рядом со мной лежала Ястра, беззвучно дыша. Ее рука покоилась на моей груди.

Я поцеловал ее, стараясь не разбудить. Мне было странно.

Я не хотел и не искал ничего подобного и внутренне не был готов. Но так получилось; может быть, следовало пожалеть об этом, но у меня не было сожаления. Я знал, что когда-нибудь потом меня упрекнут в этом. Но сейчас, наверное, нельзя было поступить иначе. Не ради меня. Ради Ястры. Могушественные тоже бывают слабы...

Я выскользнул из постели, осторожно переложив руку женщины на скомканную простыню. Что-то не позволяло мне вновь безмятежно уснуть. Нечто такое, что я знал, но сейчас никак не мог вспомнить. Подсознание предупреждало о какой-то опасности. Никогда не следует пренебрегать подобными сигналами.

Я быстро оделся и, бесшумно ступая, подошел к двери. Оглянулся. Ястра крепко спала; наверное, душа ее нашла пусть хоть небольшое успокоение. Буду рад, если так... Дверь отворилась без единого звука, и я вышел в холл второго этажа. Толстый ковер скрадывал шаги, так что можно было двигаться свободнее. Я сделал несколько шагов и остановился, пытаюсь все-таки понять, что именно меня беспокоило и как надо было поступить, чтобы тревога исчезла. Однако никаких идей не возникало. Я хотел было подойти к огромному окну, целиком занимавшему одну из стен холла и выходившему на висячую галерею. Однако в последний миг передумал – и, как оказалось, правильно.

Правильно – потому что в следующее мгновение мне почудилось, что мгла по ту сторону окна странным образом

уплотнилась. Я замер, напрягаясь, приводя себя из расслабленного состояния в боевое. Пятясь, отступил к стене, остановился в простенке между той дверью, за которой спала Ястра, и другой – что было за нею, я не знал. Я был безоружен, но это меня не очень беспокоило: на Ферме меня вооружили умением, которое стоило многих стволов и лезвий. Теперь я почувствовал, что готов применить его. Оставалось лишь ждать развития событий.

Они не замедлили произойти. Я не увидел даже, но почувствовал по едва уловимому движению воздуха, что одна из створок окна отворилась, постояла открытой не более секунды и мягко притворилась снова. Незванный гость был уже здесь – я ощутил его присутствие так же уверенно, как если бы видел его глазами; однако в этой преисподней темноте я не мог увидеть ничего – зато и он тоже. Так что я находился в выигрышном положении: я знал, что он тут, а он, похоже, и не подозревал о моем присутствии.

Воздух снова едва ощутимо заколебался; это означало, что пришелец, выждав, чтобы убедиться, что его приход остался незамеченным, двинулся вперед. Видимо, у него не было точного представления о планировке этажа, и он стал обходить холл по периметру. Остановился подле первой, считая от него, двери. Медленно-медленно приотворил, затем рывком распахнул настежь. Сделал шаг и остановился в проеме – наверное, вслушивался. Комната оказалась пустой. Он отступил, затворил дверь. Пока он изучал ту ком-

нату, я успел опуститься на корточки, сгруппироваться, чтобы в нужное мгновение распрямиться взрывным движением и ударить. Человек приблизился, теперь я слышал его дыхание – глубокое, размеренное, вовсе не говорящее о страхе или хотя бы волнении. Поведение гостя свидетельствовало об известном опыте. Интересно, что он все-таки ищет? Кто он? Вор? Или хуже? Почему-то воровская версия не вызвала у меня доверия: слишком просто это было бы. Вор не станет просачиваться сквозь охрану, не станет рисковать жизнью, – но не может ведь быть, чтобы он не знал, куда вламывается...

Пока я размышлял, человек сделал попытку отворить вторую дверь – совсем рядом со мной. Мне пришлось некоторое время не дышать, иначе он непременно услышал бы. Дверь оказалась запертой. Однако взломщик не собирался мириться с неудачей. Едва слышное бряканье, потом звук металла, трущегося о металл, сказали мне, что у человека было кое-какое техническое оснащение. Он отпер замок не более чем за три секунды. Дверь покорно отворилась. Я решил, что больше ждать нечего.

Он стоял ко мне правым боком, левой рукой придерживая отворенную дверь, и вслушивался, пытаясь понять, обитаема ли комната или пуста. То, что она оказалась запертой, ни о чем не говорило: комнаты могли оказаться и смежными, и за запертой дверью вполне возможно было обнаружить спящего – или даже не спящего человека. Я не стал дожидаться, пока он придет к какому-нибудь выводу. Рывком распрям-

мившись, я взлетел в воздух и сплетенными кистями рук с размаху рубанул его по голове.

Вернее, по тому месту, где, по моим соображениям, должна была находиться его голова. Ничего подобного: там оказалось плечо. Гость, похоже, был на голову выше, чем я предполагал. Порази я его в голову, он вырубился бы мгновенно; но голова уцелела. Правда, я тут же понял, что его правая выключена из борьбы: что-то глухо стукнулось о ковер — предмет, который он сжимал в правой руке. Как ни неожиданна была моя атака, человек лишь едва слышно крикнул, — видимо, попадать в неожиданные ситуации не было для него непривычным делом. Чтобы не позволить ему оценить обстановку, я сделал поворот вокруг оси и ударил ногой в пустоту — он успел отскочить. Тогда я решительно шагнул вперед и применил один из тех приемов, какими только на Ферме, пожалуй, и владели: когда не надо даже прикасаться к противнику. Странно, однако он устоял, и это красноречиво свидетельствовало о том, что и ему приходилось проходить подобную же подготовку. Ага, вот, значит, какие дела... Любопытно, как он поступит теперь. Попытается взять меня на подобный же прием или применит иную уловку?

Он поступил самым разумным образом: предпочел исчезнуть. Неуловимый ветерок скользнул, створка окна пропустила налетчика и осталась отворенной. Я усмехнулся: нет, бесполезно ждать, что я подойду, чтобы затворить ее, это для младенцев...

Вместо этого я опустил на колени и, не сводя глаз с окна, принялся шарить руками по ковру. Через несколько секунд рука укололась обо что-то острое; я едва не выругался вслух. Это был нож, длинный, широкий, образцово наточенный. Ну что же – вот я и вооружился... Теперь, пожалуй, пора и закрыть окно.

Чтобы никого не вводить в искушение, я добрался до окна ползком и левой рукой затворил его, готовый в любой миг ударить, если потребует, трофейным ножом. Не потребовалось. Видимо, посетитель признал свое поражение и предпочел удалиться, не ожидая продолжения. Разумно, весьма разумно... Я встал, запер окно, проверил заодно и все другие створки и повернулся, чтобы возвратиться в спальню.

И только теперь я сообразил наконец, какая мысль все время подсознательно тревожила меня. Я вспомнил подслушанный на Заставе разговор о том, что из игры надо вывести – ее. «Она» – это была Ястра; стоило понять это, как стало ясным и нынешний визит, и то, чего следовало еще ожидать и опасаться. Да, можно считать, что ей повезло, когда она решила приютить меня. Да и мне тоже. Во всяком случае, никак нельзя сейчас бросить ее на произвол судьбы. Ее табельная охрана ни гроша не стоила – это я понял еще раньше.

Еще постояв и прислушавшись и не уловив ничего подозрительного, я вернулся в спальню.

Ястра не спала. Опираясь на локоть, она приподнялась в

постели.

– Что там было такое? – спросила она, сонно растягивая слова. – И куда ты девался?

– Выходил посидеть в холле. Ничего не случилось; просто в темноте зацепился за ковер, чуть не упал.

– Надо было включить свет... А вообще – пожалуйста, не исчезай среди ночи. Хорошо?

– Хорошо, – пробормотал я. – Не буду.

– И вообще... Ты помнишь, что успел рассказать мне все? Честное слово, я не помнил. Но сразу поверил ей.

– Ты уже назначен моим советником, – сказала она. – Мне такой полагается. – Она улыбнулась. – Штатный любовник. Так скажут. Ну и пусть.

«Советник... Черт, а ведь это очень кстати!» – мгновенно сообразил я. Хотя подозреваю, что кроме холодной логики здесь сыграло роль и другое: мне просто не хотелось расставаться с нею.

– О да, хозяйка, – ответил я. – Конечно, хозяйка.

Тут она засмеялась – как смеется женщина, изнасилованная и отомстившая насильнику.

– Завтра я еду на Проводы моего покойного мужа, – сказала она. – А еще через пару дней придется присутствовать на моем собственном бракосочетании. Успокойся: не с тобой.

– Однако, ты не теряешь времени.

– Как иноземцу объясняю: таков закон. Таков Порядок. Но все это время, и потом тоже, я буду нуждаться в твоём

совете.

– Это называется советом? – спросил я.

Она проследила за моим взглядом.

– О, бесстыдник! – сказала она. – Ну, я встаю. Не смей отворачиваться!

3

Весь Ассарт оделся в траур.

На флагштоках, мачтах кораблей, над воротами и подъездами домов флаги Державы – квадратные полотнища, по диагонали разделенные на золотое и серебряное поля, с черной восьмилучевой звездой в круге посреди диагонали – были спущены до половины и украшены траурными – зеленовато-голубыми – лентами. Это был цвет океана, в глубине которого, по верованию, находили новую, вечную жизнь те, кто прожил отмеренный им срок на суше.

Громадными полотнищами такого же цвета было задрапировано Жилище Власти.

Каждый житель Ассарта понимал, что суша есть нечто временное, ненадежное, размываемое Океаном. Океан же велик и постоянен.

Настал день Проводов Властелина в Великую Семью.

Все было закрыто. Транспорт на всей планете не работал. На сутки жизнь прервалась. Лишь один механизм находился в движении: самолет, на котором ковчег с телом усопше-

го переносился из одного донкалата в другой. В Городе Вла-сти каждого донкалата происходило прощание. Оно занима-ло полчаса. Донкалатов было двадцать. Церемония началась трое суток назад. Сегодняшний день был заключительным. Властелин вернулся в столицу, чтобы оттуда отправиться к Великой Семье, к которой он отныне принадлежал.

Все, кому полагалось по рангу, и другие, кому было раз-решено, собрались на площади напротив Жилища Власти.

Ровно в полдень с холма над городом ударили пушки. Они прогремели восемьдесят семь раз – по числу лет, прожитых ушедшим. И сразу же распахнулись главные ворота. Их тя-желые броневые плиты с низким рокотом раскатились в сто-роны. Колесница с Ковчегом выехала на площадь.

Ковчег был похож на лодку с высоко поднятыми и закру-ченными спиралью форштевнем и ахтерштевнем. Высокие борта были накрыты округлой крышкой. Над ней возвыша-лась невысокая мачта с двумя полотнищами: выше – Держав-ным и под ним – с личным штандартом Властелина: золотой рыбой на голубом поле. Династия Властелинов принадлежа-ла к роду Рыбы, издревле самому знатному. Во всяком слу-чае, так учила история.

В погребальную колесницу было запряжено шестнадцать лошадей парами. Лошади были в бирюзового цвета чепра-ках, над головами их колыхались белые султаны. В колесни-це, на каждом углу, навывтяжку стояли офицеры Дворцовой гвардии с обнаженными шпагами; то было лишь церемони-

альное оружие, непригодное для серьезного боя.

Зато Ратанские гвардейцы, чей батальон следовал сразу же за колесницей, были вооружены как для настоящей войны: кроме ритуальных мечей и копий, они несли на груди лазерные фламмеры, на одном боку – длинноствольные армейские пистолеты, на другом – кинжалы для рукопашного боя. Покойный Властелин был Почетным Шефом Ратанской гвардии.

За батальоном ехала запряженная четверней коляска. В ней сидел Наследник. Официально он должен был еще два дня оставаться наследником. Лишь после бракосочетания с Жемчужиной Власти он будет всенародно и непреложно признан Властелином.

За коляской Наследника шла рота Черных Тарменаров; Наследник считался их шефом, в то время как Горные Тарменары находились под покровительством Жемчужины Власти, чем немало гордились. В народе ходил слух, что в былые времена молодые жены состарившихся Властелинов выбирали любовников именно среди Горных Тарменаров, и, возможно, некоторое количество Наследников вели свое происхождение именно от них.

Затем, в такой же коляске, следовала Вдова Власти; так должна была именоваться Жемчужина в те немногие дни, что отделяли смерть Властелина и бракосочетание Жемчужины с Рубином Власти, после чего он, как уже сказано, становился Бриллиантом, она же возвращала себе титул Жем-

чужины.

Затем, за Горными Тарменарами, тоже представленными на церемонии своей Знаменной ротой, шли в строгой иерархии представители Сферы Власти. Первым выступал Ум Совета в сопровождении двух телохранителей, чьей главной задачей было – поддержать его под руки, когда старику станет трудно идти. Ум Совета мог, по преклонному возрасту, тоже воспользоваться коляской, хотя и запряженной лишь парой; то, что он отказался от этого, свидетельствовало о его глубочайшем уважении к требованиям Порядка и к памяти усопшего.

За Умом шел Совет Властелина, насчитывавший около двухсот членов.

Дальше следовал Советник Жемчужины Власти – только что неизвестно откуда возникший выскочка в новехоньком, еще не обмявшемся придворном мундире, державшийся, впрочем, весьма уверенно. О его появлении перешептывались, но твердого мнения пока никто еще не составил.

Позади Советника шел немногочисленный Совет Жемчужины – большинство его составляли высокопоставленные дамы среднего возраста; были также два весьма зрелых старца.

Потом мимо зрителей, плотно стоявших по обе стороны проспекта, проследовал генералитет. Его возглавляли командующие силами почвы, воды, воздуха и пространства. Следующая шеренга состояла из командующих силами дон-

калатов, Народного войска и Внешней защиты.

Шли воины Космического десанта. Те, кто, собственно, и воевал за пределами Планеты. Гвардейские же войска предназначались для действий на поверхности Ассарта – если, не приведи Рыба, дошло бы до этого.

Шли руководители департаментов. Видные промышленники. Торговцы. Инженеры. Ученые. Судьи. Хранители порядка. Кормящие Рыбу. Люди свободных профессий. Фермеры. Школьные учителя.

Замыкал официальную колонну Легион Морского Дна в серебристых чешуйчатых парадных мундирах. Дальше шла толпа.

Колонна казалась бесконечной. Когда погребальная колесница уже достигла гавани, толпа еще не успела покинуть центр Сомонта.

Колесница пересекла набережную и остановилась. Дальше было море. Ехать стало некуда.

Наследник и его гвардия приняли вправо и тоже остановились. Жемчужина – влево. И все новые подходившие группы таким же образом растекались в обе стороны набережной, окаймлявшей обширную бухту.

На внутреннем рейде стояли военные корабли и торговые суда. Флаги были приспущены, команды выстроены на верхней палубе.

По набережной шныряли корреспонденты и мальчишки, продававшие мороженое и прохладительные напитки.

Расположившийся в небольшом отдалении от воды сводный оркестр исполнял попеременно две мелодии: траурный марш и Гимн Державы. Ничего другого.

Когда официальная колонна разместилась на набережной, на вышке, с которой обычно следили за купающимися, появился Старейшина Совета Рыбы. Он поднял руки, потом вытянул их перед собой, сложив ладони чашей. Он вознес Просьбу. Никаких речей не полагалось. Такова была традиция. Все человеческие слова были слишком мелкими перед безысходным горем, постигшим Державу.

Когда Просьба завершилась, к стенке гавани самым малым ходом подошел Погребальный катер.

Ковчег был перенесен на него и установлен на палубе. За ним на борт взошли Наследник, Жемчужина, их советники, Министры Верха и командующие. Старейшина Совета Рыбы утвердился на носу. Катер отвалил. Военные корабли салютовали залпами. Кораблей было немного: военный флот по сути был роскошью, он мог бы понадобиться, как и Гвардейские полки, только в случае вторжения на Ассарт, которое не представлялось вероятным. Впрочем, Гвардейцев можно было при крайней нужде все-таки перебросить на другие планеты, что никак не относилось к кораблям. Но традиция требовала, чтобы флот был, и он был.

Катер прошел мимо кораблей и судов и устремился в открытое море.

На набережной продолжал играть оркестр. Усилители

разносили музыку далеко вокруг. Сейчас пришла очередь маршей Армии и Флота, Летчиков и Десанта.

Никто уже не мог различить, но все знали, что сейчас происходило в море.

Катер достиг заданной точки, по пеленгам уточнил свое положение и лег в дрейф, слегка подрабатывая машинами, чтобы дувший с берега ветер не сносил его с заданного места.

Шлюпбалки правого борта вынесли Ковчег с палубы. На миг он завис над морем, потом плавно опустился и закачался на легкой зыби.

Тросы отцепились, Ковчег получил свободу.

Всем, кто наблюдал с палубы, показалось, что Ковчег, едва заметно набирая скорость, устремился в море.

На самом деле это катер, дав самый малый назад, стал отходить к гавани.

Казалось, что Ковчег удаляется все быстрее, стремительно уменьшаясь в размерах. В действительности же он, принимая воду в специальную балластную часть, шел ко дну. Вот уже виднелась только крышка. Мачта с флагом. Вот и флаг постепенно скрылся в воде. Ковчег затонул на ровном киле. Это считалось добрым предзнаменованием.

Едва флаг скрылся, над катером расцвела целая клумба сигнальных ракет.

Орудия флота и расположенные в городе ударили последним салютом.

С катера в воду полетели венки, охапки цветов. Целая

флотилия лодок и катеров с желающими бросить в воду цветы уже устремилась от берега.

Катер, после плавной циркуляции, взял курс на то же место, где был принят на борт Ковчег.

Церемония шла к концу. Предстояло лишь возвращение в город, причем во главе теперь поедет Наследник, а за ним зашагают уже не Ратанские гвардейцы, но Черные Тармены...

Изар и Ястра сидели на мягких стульях в гостевом салоне катера.

– Послушай, что за притча? – спросил Изар. – У тебя советник – мужчина? Да еще неизвестно какого рода-племени? Боюсь, что над тобой будут смеяться.

– Как знать, – ответила Ястра невозмутимо. – Но если вдруг и будут... я постараюсь посмеяться последней.

– Может быть, ты все-таки передумаешь?

– Нет.

– Почему?

– Я так хочу. Кстати, ты ведь еще не назначил советника? Для симметрии можешь выбрать женщину.

– Ястра!

– Прошу тебя: оставь меня в покое... хотя бы на время. Мне самой еще очень многое неясно.

– Что тут может быть неясного? Все идет, как должно быть. Ты же... ты же не собираешься откладывать Вторую

церемонию?

Она покачала головой.

– Нет. К чему?.. – Тут она поняла. – Успокойся. Я не стану бороться с тобой за власть.

Он медленно кивнул, однако выражение тревоги не исчезло с его лица.

– Ястра... я приду сегодня.

Она вскинула голову:

– Нет! Ни за что!

– Тише! Здесь тонкие переборки... Почему? Что изменилось? Неужели дело в этом... проходимце? Стоит мне пальцем шевельнуть – и от него даже следа не останется!

– Какие глупости! Я ведь сказала: мне очень многое неясно – и в тебе, и во мне самой.

Он вздохнул и вышел на палубу. Было грустно. Как знать – не придется ли и ему в скором времени повторить сегодняшний путь – в Ковчеге? Два покушения, самое малое, а сколько еще будет? Кто?..

И вдруг его словно ударило: а если это Ястра? И этот человек возле нее – вовсе не случаен...

Он посмотрел. Новый советник стоял на носу, придерживаясь за релинг. Он смотрел вдаль и улыбался.

Изар не был единственным, кого всерьез заинтересовал Советник.

– Послушай-ка... Ты заметил того расфуфыренного мало-

го, что шагал подле Жемчужины, как индейский петух?

– Не только заметил. Я с него глаз не сводил.

– Ну, и?

– Честное слово, напоминает. И фигура его, и походка, манера держаться... Жаль – на таком расстоянии не рассмотреть лица. И поближе никак не подберешься!

– Значит, все-таки он добрался до Ассарта.

– Ну, а ты чего ждал?

– Как он ухитрился сразу попасть в милость у Вдовы Вла-сти?

– Мало ли что бывает. Надо придумать, как до него до-браться. Он ведь понятия не имеет, где нас искать. А у него, я думаю, есть связь с Мастером. Вслепую мы долго не про-работаем...

Колонна двинулась в обратный путь. Оркестр играл «Ата-ку».

Почти о том же самом думал и Ульдемир – и в процессии, и на катере, и снова в процессии. Где искать экипаж? Будь он свободен – наверняка нашел бы их быстро. Но теперь он был привязан к Ястре. Не по ее прихоти. А для того, чтобы охранять. А у экипажа, наверное, есть связь с Фермой. Без связи невозможно. Не исключено ведь, что ту же Ястру не защищать надо, а наоборот – как знать?

Он шагал, сохраняя на лице грустное выражение, прили-чествующее случаю. Кстати, это было совсем не трудно.

Итак, в близости ему отказано. Хотя она прекрасно знает, что он и не виноват. Никто не виноват, кроме истории и Порядка.

Неужели они действительно неизменны? Но ведь все зависит от людей. Люди совершают поступки, люди их истолковывают.

Душно здесь, в Жилище Власти. Душно и тягостно.

– Эфат! Одеваться!

Старик материализовался немедленно.

– Куда собирается Бриллиант Власти? – спросил знаток этикета.

– На улицу. В толпу!

– О-о... Уместно ли, Властелин? В такой день...

– Инкогнито. Найди что-нибудь такое...

– Осмелюсь спросить – не лучше ли было бы сейчас навесить прекрасную Вдову Власти?

– Не лучше! – отрубил Изар. – Подыщи – что сойдет для толпы.

– Трудно, Властелин.

– И побыстрее!

– Да, Властелин. Конечно, Властелин.

Старик исчез. Изар подошел к крайнему шкафу. Открыл. Налил. Выпил. Утерся рукавом, хотя платок был в кармане

и салфетки – на полочке. Нет. Рукавом. Как в толпе.

– Эфат, ты уснул?

– Старики не спят, Властелин... Вот, я разыскал.

– Что это? Мундир?

– Мундир отставного солдата, Властелин.

– Чем это от него несет?

– От моли, Властелин. Он долго лежал...

– Вытряхни как следует и подай.

– Сию минуту, Бриллиант Власти.

– И позаботься, чтобы у меня был достаточный выбор всяких нарядов... такого типа.

– Да, Властелин. Завтра же... Вот, прошу вас.

– Ну-ка... Широковат, тебе не кажется?

– Зато оружие не будет заметно.

– Ты прав. Раздвинь занавес!

Изар оглядел себя в зеркало.

– А что на голову?

– Есть, есть, Властелин. Вот, прошу вас.

– М-да. Чучело. Сойдет в толпе, Эфат?

– Как нельзя лучше. Что Властелин возьмет с собой?

– Дай «диктат». И те кинжалы. Они приносят удачу.

Он сунул пистолет во внутренний карман мешковатого мундира, заткнул кинжалы за брючный пояс, застегнулся.

– Ну, вот видите? Снаружи совсем незаметно.

– Ты прав, Эфат. Теперь еще одно: мне не нужна охрана.

– Я боюсь, Властелин...

– Излишне. Я буду крайне осторожен. Но, по легенде, предки не брали охраны в такие вылазки. А времена были пострашнее.

– Верно, Властелин, времена, как рассказывают, были жестокие. Но и сейчас...

– Хорошо, хорошо. Побеседуем потом. Как избавиться от охраны?

– Вам стоит приказать – и они останутся.

– Эти – да. Но я не о них. Я о невидимых.

– Ну... не так просто, конечно. Но можно.

– Научи.

– Увы, Властелин, не смогу. Мне проще вывести вас таким ходом, за которым охрана не следит.

– Разве в Жилище Власти есть такой? Странно.

– Мир полон странных вещей...

– Тогда идем!

Изар вышел вслед за камердинером. Охрана в приемной встрепенулась – он жестом приказал им оставаться на местах. Вышли в коридор. Миновали *то* место – Изар невольно отвернулся, проходя. Окликнул старика:

– Эфат...

– К услугам?

– Вдова Власти... заняла свои старые комнаты?

– Нет, Властелин. Она приказала перенести все в правое крыло.

– М-да... Ну что же: будем жить просторно. Места много,

на всех хватит. Эфат, а куда ты ведешь меня?

– Жилище Власти, Бриллиант, некогда было настоящей крепостью. Не год, не сто лет. Тысячи. Никто не знает, когда были построены первые стены, первые башни. Конечно, до наших дней они не сохранились – во всяком случае, в первоначальном виде; надстраивались, перестраивались, сносились.... В крепости когда-то жили сотни людей: не только Властелины, но и весь двор, и войско, и множество прислуги... Что же удивительного, Властелин, что сейчас нам здесь просторно?

– Ты хитрец, Эфат. Я ведь спросил: куда ты ведешь меня?

– Я и отвечаю на вопрос Бриллианта Власти. На месте, где сейчас стоит большой дом, раньше было множество отдельных построек. И каждая из них имела не только свой главный вход, но и один-два тайных – без таких мало кому известных ходов не обходилась ни одна крепость. Конечно, часть их за долгие годы осыпалась или просто память о них потеряна. Однако другая часть сохранилась. И если нужно покинуть Жилище Власти незаметно...

– А, вот что. По-моему, один такой ход мне известен: он ведет вниз, туда, где находится...

– Властелин! Не нужно громко говорить о том, что находится внизу, в Глубине. Те, кому нужно об этом знать, – знают.

– Ты прав, ты прав. А ты ведешь меня к другому ходу?

– Не знаю, какой можно назвать другим. Все так сплетено

там, в подземелье. Да, и тем ходом, где мы сейчас окажемся, можно достичь известного тебе места. Но я выбрал его лишь потому, что он самым коротким путем приведет к одному из выходов в городе – на уровне второго городского цикла.

– Приключения, приключения... Какой тут замок?

– Электронный, с шифром, Властелин. Но я оставлю дверь незапертой, так что вы можете вернуться в любое время.

– Я не заблужусь, как ты думаешь?

– Надеюсь, что нет, Властелин. Вы пойдете по ходу и достигнете развилки. Там освещение закончится – но в стене есть ниша, и в ней вы найдете фонарик. Дальше пойдете по среднему ходу. Он и выведет вас на поверхность. Хочу ни-жайше просить: как бы ни было жарко, не снимайте мунди-ра – он с кольчужной прокладкой. Впрочем, об этом вы уже догадались...

– Мудрено было бы не догадаться: при его-то весе.

– Она позволит вам не опасаться случайного удара ножом в толпе. И все же будьте внимательны, учитывайте каждый, даже случайный толчок, скрытый взгляд...

– Неужели ходить по улицам моей столицы так опасно?

– Для привычных людей – нет. Но вам не приходилось...

– Выходит, я действительно не знаю мира, в котором живу?

– Никогда и не бывало иначе, Изар. У Блистательных – свой мир, у остальных он совсем иной – и тоже не один, миров много.

Изар лишь покачал головой, не найдя подходящего ответа. Вошел в подземный ход. Дверь за ним притворилась. В сыром воздухе гулко звучали шаги.

Все было так, как сказал старик. На развилке нашелся фонарик, судя по яркости луча, недавно заряженный. Светя себе под ноги, изредка направляя луч в глубь коридора, Изар шел, то погружившись в полный покой и безмолвие подземного мира, то ощущая легкое сотрясение стен, слыша едва уловимый гул, – там, где ход пролегал под оживленными городскими магистралями. Потом идти стало труднее: ход поднимался к поверхности. Затем путь преградила тяжелая дверь. Изар налег плечом – дверь беззвучно отворилась. За нею был полумрак, на стене были жирно написаны непристойные слова. Изар усмехнулся. Двинулся в глубь подвала. Тут было светлее – под потолком виднелись окошки, за ними шумела улица. Лестница вывела Изара в темный, глухой двор. Слева открывалась подворотня, за нею мелькали люди – там проходила улица. Изар оглядел себя – вроде бы все было в порядке – и вышел, сразу смешавшись с прохожими. Никто, судя по всему, не обратил на Властелина никакого внимания, никого он не интересовал.

Он шел по неширокому, выщербленному тротуару, осторожно поглядывая по сторонам – знакомился, не поворачивая головы, чтобы никому не пришло в голову, что окружающее для него внове. Судя по расстоянию, пройденному Изаром под землей, это и впрямь был Второй городской

цикл. То есть совсем близко от центра, от величественной Площади Власти, стен и бастioned Жилища Власти пролегал этот кое-как уложенный булыжник, стояли невзрачные дома и домишки с никогда не мывшимися окнами, с дверями и стенами какого-то бывшего цвета; иные из них уже готовы были упасть и рассыпаться, но держались лишь потому, что тугая вонь, обитавшая в них, создавала изнутри нужное давление, и еще грязь скрепляла все – куда более прочная, чем цемент... Изар шагал, напевая военную песенку, и ему казалось, что никому не под силу выделить его из заполнявших улицу людей ни по одежде и ни по чему другому: впрочем он, возможно, ошибался. Во всяком случае, пока он обгонял прохожих и они обгоняли его, пока его толкали и он толкал – один и другой раз были на него брошены не беглые, случайные, но строгие, опознающие, запоминающие взгляды. Ему следовало бы почувствовать, заметить эти взгляды – но слишком интересно было все вокруг: люди прямо на тротуаре играли в кости, вислоусый старик стаканами продавал что-то странного фиолетового оттенка – наливал суповой ложкой из объемистой кастрюли. Старуха брякала на треснувшей гитаре, унылые звуки смешивались с доносившимся из открытых окон шумом телепередачи. Как-то труднее стало идти – вокруг Изара стало тесно, так, что не протолкнуться. Он попытался было высвободиться, работая плечами, толкая все теснее прижимавшихся к нему людей бедрами – безуспешно. Уже казалось, не сам он идет, но тол-

па – или какая-то часть ее, изнутри трудно было понять это – увлекала его с собой туда, где на свободном от людей пятчке стоял здоровенный мужик, крепко державший за руку миловидную девушку, скромно, без вызова одетую и чем-то не схожую с остальными. Она морщилась – видимо, ей было больно. Другую руку здоровяк воздел к небу, и как раз в ту секунду, когда Изар – и все вокруг него – остановились, – широко взмахнул ею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.